Евг. Вербин

Чехия, которую вы не знаете...

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Книга содержит двадцать очерков о Чехии, написанных как на основе личных впечатлений, так и многочисленных источников на чешском языке.

- Евгений Иванович Вербин
  -
  - Чехия, которую вы не знаете…
  - «…Не может называться малым народом»
  - «Кто чехом хочет быти, по-чешски должен пити…»
  - «…Дабы рыбами и водами изобиловало»
  - Многоликий вифлеем
  - Шумава: «золотые тропы» истории
  - Полуторавековая история «Рукописей» с большой буквы
  - «…Великолепная актриса и гениальная женщина»
  - Последнее пристанище Ярослава Гашека
  - Томаш Масарик и Карел Чапек
  - Чехословацкие легионеры в России: как это было
  - «Русская акция» в Чехословакии
  - Панславизм: Чехия и Россия
  - Чехи и немцы: прерванный симбиоз
  - Суд над Миладой Гораковой, или «Школа классовой ненависти»
  - H + Z: особый отчет номер четыре
  - Мозаика жизни и творчества Йиндржиха Выдры[1]
  - Театр юмора и мистификации
  - Хобби по-чешски[2]
  - Дорога в Телч, или Вперед, к рынку![3]
  - В поисках чешского менталитета
  - Приложение
  - Источники
- notes
  - 1
  - 2
  - 3

Евгений Иванович Вербин
Чехия, которую вы не знаете…

Чехия, которую вы не знаете…

…и которую несколько лет назад точно так же не знал и я. Ведь то, что мне и, думаю, большинству моих соотечественников было известно об этой небольшой славянской стране, знанием назвать было трудно. Не говорю о специалистах по Чехии, изучавших ее язык, историю и культуру, о переводчиках чешской поэзии и прозы, о любознательных интеллектуалах-одиночках, для которых Чехия по тем или иным причинам стала предметом любви и горячего интереса. Их, в конце концов, не так уж много.

А остальные? Из школьного учебника истории мы вынесли имена Гуса и Жижки, да еще, наверное, «чехословацкий мятеж», поднятый какими-то «белочехами», которые, как все «белые» вообще, заслуживали только презрения и ненависти. Рьяные книгочеи открывали для себя «Бравого солдата Швейка», любители классической музыки — «Проданную невесту» Сметаны (с ударением на первом слоге, как того требуют все русские учебники чешского языка, не знающие разницы между ударением и твердым приступом!) и «Славянские танцы» Дворжака (тоже с ударением на «о»!)

Позднее на экраны кинотеатров пришли захватывающие своей экзотикой документальные фильмы Ганзелки и Зикмунда, но длилось это недолго. И фильмы, и авторы их оказались в забвении. Вспоминаю стыд, который испытывали за «свою социалистическую родину» все совестливые и смыслящие люди в августе 1968 года, когда советские танки утюжили Чехословакию.

«Братская страна» напоминала о себе легендарным пивом, бижутерией и хрустальными люстрами, автомобилями «Шкода» и «Татра», Машиностроительной ярмаркой в Брно, дефицитными костюмами из Простейова, «Латерной Магикой» — в театре, «Стариками на уборке хмеля» и подвигами чешского кагебешника Земана — в кино, «чешским соловьем» Карелом Готтом, пластинками фирмы «Супрафон», пропагандистским бестселлером «Репортаж с петлей на шее»… Добавим сюда ресторан «Прага» на Арбате и метро «Пражская» в Чертанове (для тех, кто знал Москву).

Подобных чешских символов, наверное, можно вспомнить и больше, но символы, сколько бы их ни было, останутся только символами, для знаний этого мало.

С первых дней жизни в Чехии мне хотелось побольше о ней узнать. Не ограничиваясь внешними впечатлениями, я обратился к книгам и был немало удивлен обилием и богатством источников. Опубликованные после революции 1989 года или в

эмигрантских издательствах, они подкупали трезвым подходом авторов к своей стране, ее истории и народу, свободой трактовок и оценок. Особый интерес представили взгляды крупнейших чешских ученых, философов, общественных деятелей на панславизм, на взаимоотношения Чехии и России в XIX, а главное, в XX веке, на российскую и советскую историю и политику. Россия со стороны выглядела совсем не так, как она представляла себя собственному народу и миру.

Книжка эта не задумывалась заранее. Составившие ее очерки репортажи, статьи, писались в разное время, как совершенно самостоятельные, и были адресованы московскому журналу «Эхо планеты», который печатал их, пока интересы автора не вышли за рамки требований жанра и редакции. Таких публикаций было, кажется, не менее десятка, и автор за них искренне благодарен. Но остальные материалы шли в стол. Вот тогда и возникла мысль собрать их под одной обложкой. К этому намерению подталкивало и появление ряда статей, тенденциозно (в советском духе) трактовавших некоторые события в истории чешско-русских отношений и деятельность лиц, в них участвовавших; материалы такого сорта публиковались в последние годы в русскоязычных газетах и журналах, издающихся в Праге (назову хотя бы несправедливую оценку Масарика, касающуюся его отношения к русской пореволюционной эмиграции).

И в заключение: это лишь ничтожная часть того, что можно рассказать о Чехии, подобных очерков могло быть сколько угодно. Но, как говаривал наш незабвенный классик, нельзя объять необъятное. Попытаться же пробудить у русскоязычного читателя интерес к этой стране — можно. На это и хотелось бы надеяться.

«…Не может называться малым народом»

Российский журналист, уже не первый год работавший в Чехии, как-то в частном разговоре безапелляционно заявил: «Нация троечников». Заметив недоумение, поспешил оправдаться («Так ведь они сами о себе так говорят») и сослался на мнение одного чешского профессора. Вполне возможно, что профессор мог высказаться в таком духе: как представитель своего народа он имеет право говорить о его недостатках открыто и резко. В конце концов, способность критически оценивать народ, к которому принадлежишь, — одна из черт национального менталитета, и в чешском такая, достойная уважения, черта есть.

Охота повторить и принять за чистую монету оценку, уничижающую немногочисленную нацию, в русском не случайна: тешится национальное самолюбие, «чувство глубокого удовлетворения» испытывает великодержавный патриотизм, камуфлирующий «законной гордостью» невежество и нелюбопытство. Чуть ли не двести народов поглотила российская империя за свою многовековую экспансию. Где история большинства из них? Где их культура? Давно ли жившие на Украине великороссы посмеивались над украинским языком: «исковерканный русский». Выучить его и не подумали: «пускай *они* русский учат». Сегодня жалуются на дискриминацию в Прибалтике: от них требуют знания языка. Гостями себя не считают: ведь прожили там десятки лет! И за десятки лет не удосужились выучить язык?! Национальное чванство им сегодня мстит…

Русская эмиграция, бежавшая после большевистского переворота в Чехию, тоже мало интересовалась языком. Молодежь получала образование в русских школах и университетах, где преподавала российская профессура. Творческая интеллигенция считала свое пребывание здесь временным, и не случайно — языковый барьер был серьезной причиной — практически не нашла контакта с чешской интеллектуальной элитой. Немецкий, и особенно французский, который хуже ли лучше ли учили в русских культурных семьях, гнал эмигрантов в Париж и Берлин, там их было больше всего. Но и писатель Борис Зайцев, почти полвека проживший во Франции, признавался: французским языком так и не овладел. В письме советскому литературоведу А. Храбровицкому не без юмора писал: «Мне хочется переучить всех французов, пусть по-русски

говорят».

Считая себя великой и сильной, Россия, в сущности, готова как-то считаться только с теми народами, которые в ее глазах велики и сильны. США, Англия, Германия, Франция еще заслуживают ее внимания и высоких оценок, в том числе и за вклад в мировую цивилизацию. Зато жертвой российской «дальнозоркости» оказался ближайший западнославянский мир: весь пояс народов от Польши до Югославии, расположившийся вдоль российских границ или чуть поодаль. Их истории и культуры не вызывают серьезного интереса (не берем специалистов), языки их «не перспективны» для изучения. «Похождения бравого солдата Швейка» впервые были переведены на русский с немецкого; с чешского, видимо, в России некому было перевести. Только позднее читатель получил ставший хрестоматийным перевод П. Богатырева, русского фольклориста и этнографа, жившего в Чехии.

В «Панораме веков» (М., «Книжная палата», 1991), претендующей на библиографическую энциклопедию, чешская литература появляется только в XIX веке, до этого ее вроде бы и не существовало вовсе. Составитель ни при чем: он не может рекомендовать того, чего не нашел в русских переводах. Действительно, до первой мировой войны с чешского в России переводилось мало, от случая к случаю. Чешская литература как бы не принималась в расчет, в лучшем случае выполняя роль образчика славянского фольклора. Повезло Божене Немцовой и ее «Бабушке», Алоизу Ирасеку и его «Псоглавцам». В 50-е годы Ирасек, прославившийся в Чехии как автор многих исторических романов, удостоился в СССР даже восьмитомного собрания сочинений. Яна Неруду и Святоплука Чеха переводили куда меньше, что вполне объяснимо. Ирасек больше других отвечал советским критериям отбора: давал «широкую картину восстания», показывал «борьбу за независимость против всех сил реакции и гнета».

Огромный успех выпал на долю Ярослава Гашека. Был оценен Карел Чапек, тоже сначала переводившийся с немецкого, особенно «Война с саламандрами», «Кракатит», «RUR». Последняя пьеса произвела такое впечатление на Алексея Толстого, что он, переписав ее, чтобы «исправить драматургические ошибки» Чапека и его «неопытную руку», подписался под нею сам, и она с успехом обошла многие советские сцены. Перед войной и после нее на русский переводились, как правило, писатели-коммунисты.

А между тем, чешский литературный язык настолько богат, что еще в средние века оказывал влияние на другие языки,

особенно на польский, чешская литература через Польшу проникала в Белоруссию и на Украину. Переводы чешских текстов в те же времена появлялись и в России. Мой земляк, произносящий сегодня слова *довод, духовенство, смертельный, набожный, справедливость, право, комната, мещанин, обыватель, замок* скорее всего не подозревает, что слова эти чешские.

Первая чешская книга «Хроника Троянска» напечатана в Пльзени в 1468 году, раньше, чем в Голландии, Франции, Испании, Англии, Швеции. Чехия — первая славянская земля, познакомившаяся с изобретением Гутенберга.; Иван Федоров издал первую в России книгу почти сто лет спустя. Русскую грамматику для иностранцев впервые разработал чешский иезуит Иржи Давид из Здиц, в 1686-89 годах живший с миссией в Москве.

Наверное немногие знают «чешских будителей», писателей, поэтов, ученых, в конце XVIII — начале XIX веков подготовивших национальное и культурное возрождение чешского народа. А среди них — Йозеф Добровский, патриарх научной славистики, историк, лингвист, этнограф, пользовавшийся огромным международным авторитетом в ученом мире. Он побывал в России в 1792 году, когда русских славистов еще не было, ведь славяноведение в университетах было введено там только в 1826 году. А Павел Шафаржик, славист европейского масштаба, автор классических трудов «История славянских языков и литератур», «Славянские древности», «Славянская этнография»! К Павлу Шафаржику в Прагу посылало министерство просвещения, руководимое графом Уваровым, молодых талантливых ученых с кафедр истории и литературы московского, петербургского, казанского, харьковского университетов. А еще Юнгман, Коллар, Челаковский… А позднее — Гавличек. А потом — писатели-романтики…

Если эти имена, в самом деле, принадлежащее уже достаточно далекому прошлому, могли забыться, назовем иные: литературный критик, прозаик, драматург Франтишек Шалда, философ Ян Паточка, историк Йозеф Пекарж, литературный критик и историк Вацлав Черны, прозаик, эссеист, переводчик Ян Чеп, прозаики Богумил Грабал и Милан Кундера, поэт, лауреат Нобелевской премии Ярослав Сейферт… Это уже — 20-ый век, это из числа самых ярких представителей чешской культуры!

В музыкальном искусстве на память прежде всего приходят имена Сметаны и Дворжака, получивших мировое признание. Но мировое признание получили, например, и Леош Яначек, и Богуслав Мартину. Первый был реформатором в чешской музыке, подобным Мусоргскому и Бородину в русской; интересно, что

среди его опер — «Катя Кабанова» по «Грозе» Островского и «Записки из мертвого дома» по Достоевскому. Второй принадлежал к музыкантам-философам, в операх, симфониях, кантатах вдохновлявшимся мировой культурой. Из русских композиторов он родствен, пожалуй, И. Стравинскому.

Из истории еще по школьным учебникам известны Ян Гус и Ян Жижка, но кто знает Петра Хелчицкого, идейного вдохновителя «Чешских братьев», наследников гуситства? А ведь истоки толстовского «непротивления злу насилием» — в учении Хелчицкого! Насколько знаком нам Ян Амос Коменский — последний епископ «Чешских братьев», прозорливый педагог-реформатор, писатель, философ, стоящий в одном ряду с Декартом и Лейбницем? Чистота и богатство чешского религиозного идеала, отстаивавшегося гуситами и «чешскими братьями», получили огромный резонанс за границей и повлияли на социальное развитие Европы, особенно Германии. «Все мы гуситы», — восклицал Лютер. Упорная борьба чехов за религиозную терпимость вынудила императора Рудольфа II в 1609 году подписать два замечательных документа той эпохи: «Majestat» и «PorovnAnM», гарантировавших свободу религиозной совести и запрещавших принуждение к любой вере. Впервые в Европе даже крестьянину гарантировалась охрана против религиозных притеснений.

А чешский король Йржи из Подебрад еще в XV веке, тоже впервые в Европе, предложил международный договор о мирном решении конфликтов между государствами и о создании международного органа, обеспечивающего сохранение мира и коллективную безопасность. В сущности, эта идея осуществилась уже в наше время, когда были учреждены ООН и Совет Безопасности…

В истории каждого народа бывают периоды, когда он испытывает настоятельную необходимость «остановиться и оглянуться». Особенно, когда судьба народа принимает трагический оборот. Таких периодов в чешской истории было немало, но самый тяжелый, на этом сходятся многие, относится к 1938-39 годам, когда республика была принуждена подписать Мюнхенское соглашение, а через несколько месяцев потеряла независимость, замененную унизительным «Протекторатом Чехия и Моравия». Часть народа поддалась пораженческим настроениям, часть принялась искать духовную опору в чешской истории, культуре, традициях, патриотизме.

Вспомнили Яна Гуса, св. Вацлава, св. Войтеха, Карела IV, лучших представителей чешской культуры, литературы, науки.

«История народа чешского», написанная крупнейшим чешским историком, философом, общественным деятелем XIX в. Франтишеком Палацким, никогда не принадлежала к легкому чтению. Теперь она превратилась в своего рода бестселлер. Писатели, изменив свои творческие планы, обратились к героическим периодам чешской истории. Владислав Ванчура с весны 1939 года работал над художественно-исторической эпопеей «Картины истории народа чешского». Прозаик, поэт, журналист Эдуард Басс написал книгу о Праге в последнем десятилетии перед 1848 годом («Чтение о 48-м годе»). Подобных книг об истории, философии, культуре вышло за эти несколько лет много. Это был весомый аргумент против нацистской пропаганды, утверждавшей, что тысячелетняя история чешского народа и его земель — не более, чем «чешский исторический миф». Цензура не сразу уловила скрытый смысл этих изданий и, к счастью, не успела вмешаться.

Крупнейшим событием стал сборник «Что дали наши земли Европе и человечеству» в двух томах, изданный в 1939-40 годах Европейским литературным клубом под редакцией проф. Карлова университета, известного в Чехии и за рубежом историка английской и американской литератур, Вилема Матесиуса. Европейский литературный клуб, возникший в 1935 году, привлек к работе большую группу талантливых писателей, переводчиков, литературоведов, художников, издателей. Над сборником трудился многочисленный коллектив ученых разных поколений.

Достоин внимания факт, что среди них были и представители русской и украинской эмиграции. Назовем Романа Якобсона, приятеля В. Хлебникова и В. Маяковского («Ромки» в стихотворении «Товарищу Нетте, пароходу и человеку»). Якобсон, вместе с Матесиусом основавший Пражский лингвистический кружок, основоположник структурного анализа, теоретик литературы и историк, достигший позднее мирового признания, выступает в книге под псевдонимом Олаф Янсен. Во время выхода сборника он был уже в Скандинавии, откуда в 1942 году добрался до США. Назовем также известного русского историка, профессора Карлова университета Антония Флоровского и снискавшего мировой авторитет философа, историка литературы, критика Дмитрия Чижевского. Последний выступил под именем Фриц Эрленбуш.

Среди чешских авторов тоже было много знаменитостей, но некоторых уже нельзя было упоминать в печати. Под псевдонимом Эмил Краса скрывался профессор Шонбаум, специалист с мировым именем в области пенсионного и

больничного страхования, приглашенный правительствами стран Южной Америки для реформирования тамошнихсистем социального обеспечения. Трагическую судьбу историка, эстетика, журналиста, переводчика Завиша Каландры скрывал псевдоним Ян Алберт. Каландра, бывший коммунист, редактор «Руде право», был исключен из партии за резкую критику московских процессов 30-х годов и во время выхода книги сидел в гитлеровских концлагерях. Оставшись живым и выйдя на свободу в 1945-ом, он через четыре года попал в лапы захвативших власть коммунистов и был повешен…

В предисловии к сборнику проф. Матесиус утверждал, что народ, внесший в европейскую культуру столько, сколько чешский, «не может называться малым народом». Пресса того времени приняла книгу с восторгом. Двухтомник стал событием, быстро исчез с прилавков, превратился в библиографическую редкость, и неудивительно, что мысль о его переиздании в последующие годы возникала неоднократно. Это удалось сделать лишь недавно. Но к двум прежним томам прибавился третий, вышедший в 2000-ом году и подведший итоги не только века, но и тысячелетия… Более сотни статей, около 1700 страниц текста… Убедительный документ, не дающий повода для легкомысленных суждений…

…Чешский княжеский род Пржемысловцев, принявший христианство и его культуру, уже в первой половине 10-го века создал великое государство, на востоке граничившее с Киевской Русью. При Отокаре II оно простиралось от Адриатики до Балтики. (Между прочим, этот чешский король основал и Краловец, нынешний русский «град», после захвата Пруссии в 1945 году переименованный в честь «всесоюзного старосты».) Тогдашняя Чехия отличалась прогрессивным административным управлением и высоким уровнем развития. Во многих отношениях она была образцом для своих соседей. Добыча драгоценных металлов, золота и серебра в течение нескольких веков находилась на мировом техническом уровне. С XIII века особенно совершенствуется горная техника, приспособленная к наклонным шахтам, глубина их в XV веке достигает рекордных 600 метров. Создаются сложные системы откачки воды. Колеи, прообразы современных рельсов, и тележки на них появляются под землей задолго до того, как они поднимутся на поверхность и превратятся в железнодорожные поезда. Большие средства и сложная организация труда в горнодобывающей промышленности обусловливают ускоренный переход к капиталистической экономике, т. е. к частному предпринимательству, наемному

рабочему труду и использованию банковского капитала.

Чешское шахтерское право получило распространение во многих соседних землях, а позднее дошло даже до Южной Америки. Образцом был знаменитый горнопромышленный кодекс «Ius regale montanorum» («Право королевское горное»), утвержденный в 1300 году королем Вацлавом II. Благодаря высокому уровню добычи золота и серебра было реформировано монетное дело и в большом количестве чеканились пражские гроши, первая твердая центральноевропейская валюта, которая в XIV–XV веках высоко ценилась в других странах и была предметом сбора.

Тогда же в Чехии появилась первая сеть дорог, во многом сохранившаяся до наших дней. В 1361 году было высочайше предписано выкорчевывать лес «насколько забросишь камень», чтобы грабители не застигли путника врасплох.

К XIV–XVI векам относится и уникальное по масштабам строительство прудов, или «рыбников», не имеющее себе равных в мире. Они создавались и раньше: холмистый рельеф с болотами и ручейками легко было с помощью плотин и проток превратить в целые системы связанных друг с другом прудов. Сооружение «рыбников» приносило много выгод: расширялись пахотные земли, рыба разводилась в промышленных масштабах, энергия воды использовалась на мельницах, в кузницах, в шахтах, изменялся ландшафт вместе с флорой и фауной. Несколько десятков тысяч «рыбников», созданных в то время, и сегодня украшают чешские пейзажи. Крупнейший в Европе «Рожмберк», в Южной Чехии, площадью тысяча гектаров, содержит 50 миллионов кубометров воды, его плотина протянулась почти на два с половиной километра. Чешские строители «рыбников» пользовались большим спросом, особенно в Голландии, где в то время осваивалось морское побережье и возводились плотины. Строительство прудов было составной частью сельскохозяйственной деятельности. Богатая шляхта, владевшая крупными поместьями, с великой охотой и прибылью занималась предпринимательством, развивая многоотраслевые хозяйства, объединявшие зерноводство, овцеводство, скотоводство, рыбоводство, пивоварение. Некоторые представители ее стали известными в целой Европе не только как рачительные хозяева и знатоки сельского промысла, но и как ученые. Иошт из Рожмберков прославился как ботаник и садовод, издавший книгу о прививке плодовых деревьев. «Космография» 1554 года называет Чехию «фруктовой кладовой» Германии. Привои и «мишеньские» яблоки из Либоховиц посылались в Рим папе Клименту VII, а он по два-три плода дарил своим кардиналам. По

свидетельству современника, даже в папских садах не росла такая крупная клубника, как в Чехии: величиной с большой палец!

Давние традиции пивоварения в Чехии хорошо известны. (Сегодня Чехия — единственная страна, где пиво дешевле бензина!). Во второй половине XVI века здесь ежегодно производилось более полумиллиона гектолитров пива. Переход от ремесла к промышленному производству сопровождался изучением технологических процессов подготовки сырья и варки, завершившимся изданием двухтомного труда «Искусство варить пиво, описанное физически, химически, экономически», автором был чешский пивовар Франтишек Поупе (1794 год). К нему ехали и свои и чужие — постигать теорию и перенимать опыт.

Сельское и лесное хозяйство на чешских землях всегда отличал высокий уровень. Не случайно здесь появились первые в Европе земледельческие и лесотехнические школы, выпускавшие профессионалов. Самой первой, в 1728 году, открылась монастырская земледельческая школа в Бржевнове под Прагой. Во второй половине XVIII века кафедры, готовившие ученых в области сельского хозяйства, уже работали в Карловом университете. Первая крестьянская школа появилась в 1790-м. Первый в Центральной Европе журнал «Экономические новости» стал выходить в Праге с 1811 года. Почетное место в чешском земледелии принадлежит Йозефу Вундерлиху, изобретателю косилки, и Франтишеку Веверке, создателю прогрессивной конструкции плуга, широко распространившегося на его родине и за границей.

На чешских полях, уже в XIX веке удобрявшихся минеральными веществами, высевались кормовые культуры: клевер, люцерна. После 1800 года был заведен севооборот.

Подлинно чешским сельскохозяйственным промыслом с давними традициями было выращивание свеклы и производство сахара. Почти все важнейшие изобретения в этой области появились во второй половине XIX века на чешской земле. Мировую известность приобрело оборудование, производившее сахар; высокую репутацию заслужили чешские специалисты.

Промышленная революция, охватившая Чехию в 1800-73 годах, завершила переход от ремесленного и мануфактурного производства к фабрично-заводскому. Всего за 35 лет была выстроена почти вся современная железнодорожная сеть на паровой тяге. Действовало крупнейшее машиностроительное предприятие, получившее мировую известность по имени владельца — Эмиля Шкоды. Строил электростанции и осветительные системы прославленный чешский электротехник-изобретатель Франтишек Кржижек, а не менее прославленный

изобретатель и предприниматель Эмил Колбен поставлял свои электродвигатели и генераторы в Лондон, Мадрид и даже на австралийский континент. Начал свой путь к мировой известности Томаш Батя, организовавший конвейерное производство обуви. К концу XIX века чехи шли в одном ряду с развитыми европейскими народами, а в австро-венгерской монархии занимали первое место по образованию благодаря широкой сети общеобразовательных и специальных школ. Распавшись после первой мировой войны и утратив чешские земли, Австро-Венгрия потеряла самую экономически развитую часть империи. Чехия стала родиной автомобиля «Татра», мотоциклов «Ява» и «Славия», самолетов и авиационных моторов «Шкода»… Их много — знаменитых чешских торговых марок!

«Возможно, через сто лет мало кто будет знать, кто такой Пуркыне, но это неважно. Мы ведь не знаем, кто изобрел плуг, а между тем он служит всему человечеству», — говорил о себе великий чех Ян Евангелиста Пуркыне (1787–1869), создатель современной физиологии и гистологии. Сегодня даже специалисту трудно себе представить тот уровень науки, когда начинал свой путь молодой ученый. Основоположник физиологии зрения, он открыл законы глазной оптики, помогшие позднее Гельмгольцу сконструировать офтальмометр, изучил восприятие цветов, известное как «феномен Пуркыне». Анализировал строение кожи, заложив основы дактилоскопии. Исследовал вестибулярный аппарат на вращающихся креслах. Изучил строение центральной нервной системы, нервных волокон, костей, тканей, вен, артерий, различных органов. Высказал идею клеточной теории живых тканей, именно ему принадлежит термин «протоплазма». Его именем названы особые мускульные волокна в сердце. Пуркыне был почетным доктором многих заграничных университетов и членом Академий, в том числе Петербургской Академии наук.

Как и Пуркыне, на несколько десятилетий опередил свое время Бернард Больцано (1781–1848), итальянец по отцу, немец по матери, чех по Праге, где он жил и работал, заслужив необычайную популярность. Крупнейшие открытия этого математического гения и философа-теолога лежат на границе математики и логики. В сфере его научных интересов были теория множеств, бесконечные ряды, неэвклидова геометрия. Основатель феноменологии Гуссерль испытывал влияние Больцано, признав, что в логике последний «далеко опередил все системные концепции, которые существуют в мировой литературе…»

Имена прославленных ученых, работавших здесь, найдем во всех областях мировой науки: в палеонтологии, палеоботанике, зоологии, зоопалеонтологии, минералогии, геологии, химии, физики, психологии, индологии…

Здесь, на чешской земле, сделал свои гениальные открытия Грегор Мендель (1822–1883), не имевший предшественников, не понятый современниками, но твердо уверенный, что «мое время еще придет». Этот аббат августинианского монастыря в Брно, десятки лет экспериментировавший с горохом, вывел законы наследственности, получившие его имя, и стал основоположником генетики. Менделя считает своим соотечественником Австрия, и это ее право никто не оспаривает. Вопрос о национальной принадлежности ученого или писателя вообще-то не прост. При географическом положении Чехии — в самом центре Европы — говорить о «чистоте крови» просто смешно. В средние века, между прочим, совершенно справедливо национальность и язык человека не играли роли: родиной была земля, где он родился или же, где осел, где был его дом и где он чувствовал себя, как дома…

Знакомство с чешскими феноменами убеждает в том, что народ здесь трудился ради созидания, жил и передавал нажитое следующим поколениям, творил вокруг себя красоту и порядок, работал в условиях свободы, раскрепощающей его волю и инициативу. Можно ли судить о народе, не глядя на то, что определяет «качество жизни» его: просторные, удобные, чистые дома, в которых он живет и которые строит, сады и цветники, которые разбивает и за которыми так старательно ухаживает, изумительные пейзажи, из которых многие создал собственными руками?

В Чехии сотни старинных городов, основанных 8-10 веков назад, и абсолютное большинство их сохраняет свой живописный средневековой колорит, атмосферу уюта и покоя. Это не пришло ниоткуда. Разве Прага, соперничающая своей красотой с самыми красивыми городами Европы, посещаемая ежегодно десятками миллионов туристов, ничего не говорит о народе, о его материальном и духовном богатстве?!

По меньшей мере семьдесят веков на месте нынешней Праги живут люди. Прага, которую мы видим, выросла за тысячу лет. Прага романская, Прага готическая, Прага ренессансная, Прага барочная, Прага эпохи модерна… Пражский Град, Градчаны, Вышеград… Почерневшие от времени пражские башни и ворота, шпили, зеленые и золотые купола костелов… Море красных

черепичных крыш, перемежающееся зеленью парков, круто спускающихся к берегам широкой Влтавы… Пражские мосты и среди них — знаменитый Карлов…

Карел IV был не только чешским королем, но и императором Священной Римской империи. Прага была его резиденцией, политическим центром и самым крупным городом в центре Европы. По населению (40 тыс.) шла вслед за Венецией, Парижем, Миланом, Флоренцией…

Воспитанный при французском дворе, проведший молодые годы в Италии Карел IV был яркой личностью, одаренной многими талантами, хитрым политиком и неутомимым тружеником. Знал несколько языков, писал, прекрасно разбирался в искусстве и окружал себя европейскими знаменитостями: философами, правоведами, врачами, архитекторами, скульпторами, живописцами, мастерами-ремесленниками. Убежденный, что призван к власти Богом, Карел чувствовал себя избранным, и Прага должна была показывать его силу и величие. За 35 лет, пока был на троне, изменил столицу до неузнаваемости. Строительная лихорадка царила повсюду. Появилось Новое Место, в три раза превышающее по площади Старое, больше тогдашнего Парижа. Могучие крепостные стены высотою шесть метров и башни с воротами поднялись всего за два года. Городские дома строились только из камня. Единым градостроительным планом предусматривались обширные площади, широкие улицы, кварталы городских домов с готическими фронтонами в соседстве с богатыми дворцами, монастырями и костелами, устремлявшими в небо свои острые шпили. Появились Конный торг, в будущем Вацлавская площадь, и Скотный торг, будущая Карлова, самая большая в Европе.

В 1346 году, будучи в Авиньоне у папы Климента VI, Карел добился разрешения открыть университет. Папа-француз согласился без энтузиазма: конкуренция Сорбонне не была ему по душе. За университетским образованием в те времена ездили в Италию, Испанию, Францию, Англию… Карлов университет стал первым в центральной Европе, «дабы верные подданные королевства, кои постоянно глад по плодам наук испытывают, не были принуждены выпрашивать милостыню на чужбине, а находили дома стол, к трапезе накрытый». Число студентов достигало семи тысяч. Университет, хотя и не достиг славы Парижского и Оксфордского, дал образование многим прославленным в свое время политикам, дипломатам, историкам, теологам, чешским, немецким, польским, а для пяти университетов — Гейдельбергского, Кельнского, Эрфуртского, Краковского и Лейпцигского — стал alma mater.

В эпоху Карела IV Прага превратилась в центр европейской культуры, заимствовала все ценное из-за границы, творчески его развивала и давала образцы для подражания. Сложнейшая монументальная архитектура костела св. Вита угадывается в целом ряде храмов Германии, Польши, Венгрии. Готическая архитектура, поднявшаяся на новую ступень развития, впечатляла богатством орнаментов и их площадями, не говоря уже о сложнейшем членении пространства. Декоративная скульптура того времени поражает красотой и благородством форм, искусством драпировок, эмоциональной выразительностью фигур. Этот так называемый «красный стиль» был обязан своим возникновением Петру Парлержу, известному всей Европе архитектору и строителю четырнадцатого века.

Роскошь императорского двора и красота города создавались талантом и трудом многих мастеров. Только в Праге трудилось более четырехсот художников, и среди них — Теодорик, прославившийся росписью капеллы св. Креста в Карлштейне, которой можно полюбоваться и сегодня. Каждый сотый пражанин был художником. Уникальным был уровень образования. Кроме университета в столице действовало около тридцати разных школ.

Прага, которую строил Карел IV, не могла сохраниться такой, какой была тогда. Меняются времена. Меняются вкусы, моды, архитектурные стили, иногда вследствие обстоятельств, казалось бы, не способных оказать на них прямое влияние. А между тем, «пражское барокко», так изменившее архитектурный облик чешской столицы и чешских городов вообще и хорошо сохранившееся до нашего времени, родилось в связи с драматическими событиями в истории народа. Два века борьбы за религиозную терпимость закончились поражением у Белой горы (1618 г.), когда католически ориентированное меньшинство чешского дворянства во главе с Фердинандом II Габсбургским победило сословия, отстаивавшие религиозную свободу и сохранение своих привилегий. Последовала крупнейшая в чешской истории эмиграция: от одной пятой до четверти свободного населения — дворяне, рыцари, горожане, самая способная, деятельная, образованная часть общества — покинули свою землю. «Разбросало нас по краям, о которых отцы наши не слышали», — писал современник. Эти края простирались от Риги до Лондона, от Швеции до Италии, некоторых забросило даже в Северную Америку. Эмигранты шли на военные и дипломатические службы при различных дворах Европы, занимались предпринимательством, медициной, педагогикой, наукой, культурой, распространяли земледельческие и

технические знания. Большинство их никогда не вернулось на родину.

А победившая католическая антиреформация, т. е. дворянство, оставшееся на своей земле и обогатившееся в последовавшей за Белогорской битвой Тридцатилетней войне, стремилось воплотить свой религиозный идеал в исключительной пышности костелов, монастырей, строило роскошные дворцы и замки, украшало их дорогими живописными полотнами, сверкающими позолотой скульптурами, виртуозными декоративными элементами. Множились часовни, декорированные росписями, менялся облик городских площадей, украшавшихся сложными многофигурными композициями, вытесанными из камня и изображавшими религиозные сцены.

В сотрудничестве с итальянцами и немцами за два поколения был создан оригинальный, отличающийся высокой художественной ценностью, стиль чешского барокко, проявившийся прежде всего в архитектуре, живописи и скульптуре. Прага за полвека из готического и ренессансного города превратилась в барочный, один из самых красивых в Европе. Здешние мастера пользовалисьлись большой известностью и спросом во всех соседних странах.

Попутно стиль барокко проявился также в чешском хрустале и в музыке. Чехия всегда отличалась высокой культурой производства стекла, его варили тут с незапамятных времен, профессия была потомственной и даже освобождала от военной службы. Изобретение хрусталя относится к 70-80-м годам XVII века. Он отвечал вкусам эпохи барокко, любившей роскошь, и был в большой моде. Игра света, чистота, прозрачность, блеск, красота граней оказались для хрусталя сами по себе достаточными настолько, что он не нуждался, как прежнее стекло, в росписи. Во второй половине XVII века караваны с чешским хрусталем, постепенно вытеснявшим из мировой торговли венецианское стекло, шли в Лондон, Стокгольм, Стамбул, Лиссабон, Москву, Петербург. Новый Свет интересовался им не меньше, чем Старый.

Музыка чешского барокко, религиозная и светская, и сегодня принадлежит к чаще всего исполняемой. Предшественница классицизма, она представлена целой плеядой музыкантов, среди которых самым замечательным был оперный композитор Йозеф Мысливичек; в советское время его открыла нам Мариэтта Шагинян в повести «Забытая история». Чехи его никогда не забывали. В Италии у него была такая популярность, что его называли «Il divino Boemo» (божественный чех), и сцены крупнейших городов добивались его опер. Моцарт, бывший на

девятнадцать лет моложе, подружился с ним в Болонье и высоко ценил его исключительный мелодический дар.

Надо сказать, что успехи чешской музыки на европейской сцене не случайны. Веками живет поговорка «что ни чех, то музыкант». Издавна здесь учили музыке не только в городах, но и в каждой деревенской школе наряду с чтением и письмом. Музыкальность — черта чешского национального характера. Особенно глубокие традиции имеют хоровое пение и игра на скрипке. Чешские земли нередко называли «консерваторией Европы». Неуди вительно, что Пражская консерватория, открывшаяся в 1811 году, более всего славилась подготовкой скрипачей. Не было, говорят, в Европе капеллы, где на струнных или духовых не играл бы чех.

Сравнивать вклады народов в мировую цивилизацию, подсчитывая количество изобретений, великих писателей, художников, ученых, — работа неблагодарная, тем более, что результат ее не может служить достаточным доказательством. Величие относительно: для России Пушкин — гений, но за ее границами чтим, читаем и понимаем куда меньше.

Критерии оценки необозримы и многоплановы. Можно ли исключить из них, например, общественные и политические идеалы народа, степень гражданской зрелости общества, уровень его свободы, демократии и гуманности, структуру и характер государственной власти, проблемы национальных отношений, внешнеполитические приоритеты страны?

В 20 веке чехи, к их чести, избрали в президенты двух интеллектуалов. Первым был Томаш Масарик, Президент-Освободитель, философ, университетский профессор, социолог, автор многочисленных научных и политических трудов, трактовавший демократию, как утверждение гуманизма. В годы первой мировой войны Масарик со своими единомышленниками развил колоссальную деятельность в Европе и Америке по освобождению чешского и словацкого народа от австро-венгерской монархии и созданию независимой республики. Благодаря своему нравственному авторитету и политическому влиянию он четыре раза переизбирался президентом. Вторым был Вацлав Гавел, и сегодня пользующийся большим международным признанием. Он драматург, публицист, один из основателей «Хартии-77», бывший диссидент, боровшийся с коммунистическим режимом.

Чехи были творцами «Пражской весны», хотя, как показало время, идея «социализма с человеческим лицом» была утопической. Но «Пражская весна» помогла освобождению

молодого поколения от коммунистической идеологии, а советская оккупация Чехословакии расколола коммунистические движения Запада. Чем-то подобным «Пражской весне», ее надеждами и иллюзиями, казалось, вдохновился и Горбачев, начав в СССР перестройку, но не имея в прошлой истории страны даже того опыта демократии, который имели чехи. В начале 80-х опыт «Пражской весны» спас от советкой агрессии Польшу: Запад на этот раз занял твердую позицию, ужесточенную вследствие вторжения СССР в Афганистан. Два фронта для морально и материально одряхлевшей социалистической системы были уже не под силу.

Достоин удивления и подражания мирный «цивилизованный развод» Чехии и Словакии в 1993 году. И это во времена кровавых территориальных и гражданских войн в Чечне, Югославии, Афганистане, Израиле!

«Кто чехом хочет быти, по-чешски должен пити…»

«Пиво — это гениально» написал один чех (уверен, что это был чех!) в книге отзывов Музея пива в Пльзени. «Пиво — это необъятно» мог бы написать каждый, вознамерившийся рассказать о пиве.

Я давно собирался это сделать. К знатокам и поклонникам пива, правда, никогда не принадлежал. Не толпился у смрадных ларечков, не восседал на старом ящике с кружкой в руке, обсасывая хвост сушеной воблы, прихваченный с собою в смятой пожелтевшей «Правде», разложенной в ногах, на случайном камушке. А перспектива беготни с «авоськами», набитыми пыльными бутылками, скопившимися на балконе, по приемным пунктам со стандартными цидулками «тары нет», отбивала всякое желание пить пиво дома.

В Чехии пиво, можно сказать, обязательный компонент жизненного пространства. Реклама «Будвара», стремящаяся своими масштабами задавить остальных конкурентов, занимает обширные площади на боковых стенах десятиэтажных «панелаков» и видна за километры. Ресторанчики разного калибра, «гостинцы», или «господы», как они тут именуются испокон веков, на каждом шагу зазывают к себе, и ни одна вывеска, ни одна витрина не обходится без рекламы одного или нескольких сортов пива. В Чехии около семидесяти пивных заводов, не считая десятков маленьких, «семейных» пивоварен. Пиво на футболках, пиво на кепках, пиво на шортах. Пиво на стаканах, на бокалах, на кубках, на ручках, на карандашах, на открытках, на брелоках, на вымпелах, на маркизах, на тентах… Реклама на всем, что может попасть в поле зрения. «Пиво и реклама» — чем не тема?!

А чем не тема — «Праздники пива», проводимые ежегодно во многих городах?! Кроме экспозиций, в которых участвуют десятки пивных заводов, демонстрирующих оборудование, технологии, продукцию, предусмотрены культурно-развлекательные программы: соревнования, конкурсы, выступления артистов эстрады и фольклорных ансамблей, концерты духовой музыки. И пиво, «герой» этих праздников, конечно, льется рекой.

«Музей пива» в Пльзени — тоже интереснейшая тема. Только я собрался туда съездить, как Южно-Чешский музей в Будеёвицах открыл свою уникальную экспозицию с энергичным названием «Айда в трактир! или Пивовары и трактиры на протяжении

веков». Тут тоже есть на что посмотреть. У входа в первый зал молодой человек наливает каждому посетителю бокал страконицкого «Нектара»: зрительные и умственные впечатления станут богаче, когда подкрепляются вкусовыми!

С золотистым «Нектаром» в руке вы переходите от витрины к витрине, погружаясь в богатый мир пивных кружек, бутылок, посуды, трактирных вывесок, цеховой аттрибутики, старинных меню, деревянных бочек и насосов, гравюр, фотографий, красочных плакатов, открыток, этикеток, картонок под пивные бокалы. Демонстрируются в натуре, со всей обстановкой и убранством, с «посетителями», одетыми в духе своего времени, три типа ресторациий вековой давности: простецкая, плебейская, скорее шинок или кабак, весьма, впрочем, уютный и приятный; средняя, городская, назовем ее «трактиром», и, наконец, престижный ресторан, в стиле модерн, вполне уместный при уважающем себя отеле. Не забыли продемонстрировать и существенное приложение: отхожее место. Указательный палец на углу трактира ведет к пристроенной рядышком дощатой будке с вырезанным в двери сердечком. Полюбопытствуете — увидите просто одетого детину со спущенными портками, сидящего на стульчаке. (Неужели было так чисто?!)

Экспозиция наводит мысль на новые темы: «Как и из чего варилось и варится пиво?», «Пивоваренное оборудование в прошлом и настоящем», «История чешских пивоваренных заводов», «Ассортимент чешского пива», «Производители пива в сегодняшней Чехии»… Обширные материалы, интереснейшие факты…

Немецкие океанские пароходы «Кайзер Вильгельм II» и «Кайзер Вильгельм Великий» перед первой мировой войной возили южночешское пиво в Австралию и Восточную Азию.

Хмель, выращиваемый в Чехии, уникален. Особые климатические условия и почвы, благоприятные для этой культуры, счастливо совместились в районе Жатец, недалеко от Праги, который уже семьсот лет поставляет урожай всем отечественным пивоваренным заводам. По производству хмеля десятимиллионная Чехия занимает третье место в мире после Германии и США. В Жатце в первые выходные сентября проходят Праздники хмеля.

А проблема воды! Старинные европейские хроники сообщают о том, как амстердамские пивовары вынуждены были целыми караванами возить воду из реки Вехт, поскольку та, что текла в каналах, уже не годилась. И этой проблемы в Чехии нет, тем более при нынешней технике. Заводы часто стоят прямо на скважинах, артезианская вода поступает с трехсотметровой

глубины.

Каково соотношение ремесла и таланта в искусстве пивовара — тоже предмет, достойный размышления. Когда-то в руках мастера (можно сказать и «мастерицы»: в старые времена пиво нередко варили женщины) не было даже термометра! Пальцем или локтем, опущенным в чан, мастер оценивал, все ли в порядке. Но даже сегодня, когда производство автоматизировано, есть такая стадия, где человека не заменит ни один прибор: дегустация.

Каждые три года специалист должен сдавать экзамен. Не выдержишь, уступи место лучшему. Испытуемый получает склянку воды с разной степенью горечи. Должен отличить, к примеру, десятую степень от двенадцатой. Выдержишь испытание на горькое, держи на сладкое. Потом — на соленое. Потом — на обоняние: насколько ощущаешь характер и интенсивность запахов.

За качеством следили всегда. Только методы проверки менялись. Вот один из них, что-то вроде «народного контроля». Староста, городской писарь или специально назначенный чиновник приходили в «господу» в штанах из оленьей замши и садились на дубовую лавку, основательно политую пивом. Целый час сидели и пили, потом одновременно вставали. Если лавка поднималась вместе с ними, претензий к пиву не было. В противном случае пивовару грозил штраф.

Не чехи выдумали пиво. Оно, скорее всего, ровесник цивилизации. Воспевалось еще в III тысячелетии до н. э. в шумерском эпосе о Гильгамеше. О пиве сообщают египетские папирусы и глиняные таблички в междуречье Тигра и Ефрата. Пиво пили в Вавилоне, Ассирии, Древней Армении, Палестине. Его любили древние греки и римляне, скифы, кельты, галлы, германцы, славяне. Пиво варилось на всех континентах. Из ячменя, пшеницы, риса, проса, бамбука, кукурузы, чечевицы.

Но в чехах пиво нашло своих самых преданных поклонников. Оно для них — божественный напиток, бальзам. И не просто напиток, а «жидкий хлеб». Чехи всегда предпочитали пиво вину. Слагали ему гимны.

Сын трактирщика, ставший классиком чешской литературы, Ян Неруда (1834-91) в своем шутливом эссе «Почему пивная пена белая?» по красочности языка мог бы посоперничать с поэтами Востока: «Кто не оценит этот восторженный взгляд на запотевшую кружку с прозрачным, как хрусталь, напитком?! Какое зрелище представляет собою это золото пенящегося нектара, это воздушное облако, нежное, как легкие кружева?! Как глубоко и

безошибочно проникаешь в это безукоризненное сочетание всех оттенков аромата! Вкушаешь гармонию букета из самых разных благоуханий, составляющих в совокупности тот неповторимый аромат, который сулит безграничное наслаждение. Будто в минуты полного доверия вдыхаешь запах пропитанных солнцем волос своей возлюбленной… Пиво — это свадьба хмеля с солодом, а тихоня-пена — их прекрасная подружка в белом одеянии…»

«Больше всего полицейских на улицах, — свидетельствует наш современник из Болгарии, — я видел не Первого мая и не в ноябре 89-го года, а накануне повышения цен на пиво в 1984-м. Время работы ресторанов и пивных было продолжено. Чехи пили до отпада. Салфетка на кране «У Коцоура» появилась только в половине первого ночи. Печальный факт подорожания пива вылился в праздник, за которым полиция внимательно следила, не посягая на территорию питейных заведений».

«Если Маркс утверждал, что вся история человечества состоит только из классовых битв, заканчивающихся революциями, — иронично замечает другой наш современник, чех, — то по крайней мере на территории моей страны история чаще всего выражалась в борьбе за стабилизацию цен пива, за его качество и за народное самоосознание».

«Так в шесть часов вечера после войны?» — прощаясь, договариваются между собой о встрече бравый солдат Швейк и сапер Водичка. И место встречи хорошо знакомо каждому из них как чеху: «У Калиха».

«Господа» — это нечто вроде Академии?» — спрашивает герой полузабытой пьесы Карела Сабины.

Несколько лет назад в пражском ресторане «Форманка» состоялась литературоведческая и культурно-историческая конференция на тему «Господы» и пиво в чешском обществе». Организатором выступил Институт чешской литературы Академии наук. В конференции участвовали филологи, историки культуры, историки и теоретики литературы, психоаналитики, музыковеды, писатели, общественные деятели, зарубежные богемисты. Выступления ученых составили книгу под тем же названием, что и конференция. На страницах этого академического (!) издания анализируется феномен пива, проникшего во все сферы чешского общества. Речь идет о «трактирной субкультуре», о пиве, как явлении культуры и национальном напитке.

Прежде, чем пиво стало тем, чем оно стало, ему пришлось

еще несколько веков довольствоваться жизнью Золушки. Символика средневековой духовной культуры связывалась с вином, отождествлявшимся с кровью Христа. Своей победе пиво обязано, во-первых, как уже отмечалось, уникальному качеству чешского хмеля, во-вторых, высокому профессионализму пивоваров, передающемуся из поколения в поколение, в-третьих, патриотическому чувству народа («Умеем!»)

Католическая церковь устами своих пап Павла V и Бенедикта XVI благословила пиво как природный дар, приносящий телесное здоровье и охрану душе (при умеренном потреблении!) И первое время пиво имели право варить только монастыри и королевские города. При монастырях чаще всего открывались и корчмы. Рыцари и феодалы, в чьих замках господствовало вино, сначала относились к пиву, как к «низкому» напитку, производство и продажа которого оскорбляет их гербы и репутацию. Но когда они, вслед за церковью, поняли, сколько могут заработать, от их заносчивости не осталось и следа.

«Господы», «гостинцы», корчмы, трактиры, шинки, рестораны, кабаки, таверны (в чешском языке можно насчитать около сорока синонимов для литературного и сленгового обозначения таких заведений разного уровня и комфорта) росли, как грибы. С одной стороны, они образовали «сеть общественного питания», обслуживая купцов, возчиков, путников, деловой люд, бродячих актеров и музыкантов, с другой, притягивали местное население, искавшее новостей, общения, отдыха. «Господы» выполняли роль нынешних «средств массовой информации». Там можно было встретить людей из разных социальных групп, узнать свежие известия, пришедшие из дальних краев и принесенные соседями, услышать забредшего скрипача, увидеть клоуна, кукольника, экзотического зверя или птицу, сыграть в карты. В трактире шла торговля всякой всячиной: иголками, нитками, кружевами, лентами. Заглядывали разносчики со своими «колониальными» товарами, предлагая фрукты из жарких стран, финики, инжир, орехи в сахаре…

Пиво на столе, которое можно тянуть часами, располагало к общению. Незнакомые вскоре становились знакомыми. Пиво пили не ради утоления жажды: оно приобретало важную общественную функцию, становилось средством коммуникации. Дома пиво невкусное. Вкус оно приобретает только в «господе», где царит веселье, где время летит, где наслаждаются вкус, зрение и слух. «Трактир — наша единственная связующая нить, — отмечал в более поздние времена писатель Витезслав Галек. — Кто не ходит в трактир, тот у нас не существует». «Трактир, — вторил ему коллега Ладислав Квис, — любимейший приют чешских

душечек».

В трактир несли свои радости и печали. Реальный случай в жизни рассказчика становился фактом его биографии лишь тогда, когда был поведан, выслушан, прокомментирован всеми участниками разговора, когда каждая его деталь обсуждена со всех сторон и ей дана оценка. Язык был прост и естествен, язык народа. Пиво успокаивало, снижало социальные перегородки, стеснительным и неуверенным в себе придавало отвагу, снимало чувство неполноценности у «самоедов», раскрепощало фантазию.

Конечно, свою общественную функцию пиво могло выполнять лишь в условиях, когда «господы» доступны всем слоям населения, независимо от того, кто где жил и какими средствами распоагал. От цены пива зависели настроение и стабильность общества. Посещение «господы» никогда не было событием, которое «можно себе позволить». Оно стало обыденностью, реальностью каждодневной жизни.

О количестве трактиров дает представление карта Южной Чехии 1589 года. На ней нанесено 550 заведений, образующих густую сеть. В какой бы точке области путник ни оказался, ближайшая «господа», где он мог получить еду и кружку пива, находилась от него не далее, чем в десяти километрах. В городе каждый восьмой дом был официально разрешенным шинком, в мелких городках — каждый одиннадцатый, в деревнях — каждый тринадцатый. В Тржебони, центре одного из тогдашних княжеств, в гости зазывал каждый третий дом.

Обычно центральное место в «господе» занимал длинный стол с лавками по бокам. В передней части сидела благородная публика, а ближе к выходу и по углам рассаживался люд победнее, случайные путники. Двери были открыты всем: и грабителю, и вору, и проститутке. Были завсегдатаи, которые облюбовывали какой-то один трактир и ходили в него годами. Собирались и по цеховому признаку: мясники, возчики, ремесленники, студенты. Каждый цех веселился по-своему, понимал и ценил свои шутки, любил свою музыку и танцы. Пели в трактирах обычно под гитару или гармонь. Песни зачастую диктовало время: народные, ярмарочные, военные, политические, патриотические, сентиментальные романсы, шлягеры…

.

Если «господа», образно говоря, совмещала в себе храм, парламент, клуб, университет, неудивительно, что в ней за кружкой пива рождались новые идеи, гражданские инициативы.

Патриотизм не был для чехов пустым словом. Страна веками оказывалась составной частью обширных империй, и национальное самосознание чувствовало себя ущемленным. Было

время, когда на улице обращение к постороннему человеку на чешском языке расценивалось, как оскорбление или бескультурье. На чешском общалось «простонародье». В аристократических салонах говорили по-немецки, пили вино и кофе.

Патриоты стремились превратить трактир в демократическое пространство, где к официанту и соседу по столу можно было обратиться по-чешски, не заботясь об этикете. Проявление патриотизма выражалось также в соответствующих церемониалах, к ко торым относились и питье пива, как символа чешского напитка, и исполнение «пивных» песен, отмеченных юмором и похвалами содержимому кружки, прославляющих хорошее настроение и дружбу в застолье: «Если бы пивушко умерло, что бы от нас, братцы, осталось? Плакали бы все, плакала бы вся Чехия, свет был бы не мил. Пивушко — наша песня…»

Частью патриотического движения, особенно во второй половине XIX и в начале XX века, был сбор добровольных пожертвований на строительство национальных объектов культуры. На мелкие монетки, которые не составляли богатства для рядового посетителя «господы», заглянувшего на кружку пива, но в изобилии стекались со всей чешской земли, были построены Национальный театр и Национальный музей в Праге.

Благородные страницы в истории пива, повествующие о разного рода пожертвованиях, писались и прежде. Обычай потчевать пивом на Рождество существовал издавна. В Йиндржихувом Градце, например, с XV века княжеский замок раздавал на Пасху пиво, медовую кашу, хлеб и по полдинара. Таких даров готовилось на пять тысяч человек. Позднее сладкую кашу заменил пивной суп с пряностями, заправленный медом и маковым маслом.

В XIX столетии трактир сосредотачивает в себе и литературную жизнь. Писатели часто выбирают себе «господы» поблизости от жилища и по своему вкусу. Обычно они предпочитают заведения в центре Праги, удобные, солидные, уютные, отмеченные своеобразием и особым идиллическим настроением. Тут они не только столуются, беседуют друг с другом о событиях в политике и культуре, но и находят новые сюжеты и новых героев. В беллетристике и публицистике Яна Неруды находим около сорока пражских трактиров, не считая кофеен и винных кабачков. Поклонник богемы, гурман и бонвиван, Неруда всю жизнь был завсегдатаем «господ», о чем свидетельствуют его «Пражские картинки», «Картинки в ночном свете», «Из старых трактиров», «Арабески», «Малостранские повести»… Источником вдохновения писателю был многоликий мир пражских ресторацій, от богатых заведений до рабочих

танцзалов и бедных кабачков, напоминающих корчмы, описанные Эженом Сю в «Парижских тайнах».

Названия многих пражских «господ» вызывают сегодня у каждого более менее образованного чеха богатые культурные ассоциации. По этим знаменитым «господам» и кофейням легко составить карту чешской культуры, назвать славные имена писателей, актеров, певцов, музыкантов, художников.

Представить себе творчество Ярослава Гашека без вдохновляющей его атмосферы пражской богемы, ведущей свою бурную жизнь в ресторанах, трактирах, пивных, просто невозможно. Но наступило уже первое десятилетие 20-го века. Пришедшее поколение в выборе «господ» руководствовалось иными мотивами. Настроенное революционно а зачастую анархистски, склонявшееся к интернационализму и космополитизму, оно презирало упорядоченность «мещанского» общества и вело себя оппозиционно к нему. Своеобразие и волшебство чешской «господы» не привлекали его. Важнее была полная свобода пить и развлекаться, а для этого годились простецкие трактирчики и пивные на тогдашней периферии Праги: в Жижкове, Виноградах… Множатся кабаре. Царит атмосфера бурлеска, шутовства, фарса…

Друг Гашека, беллетрист и переводчик Зденек Кудей, двадцатидвухлетним уехал в Германию, там удача в игорном доме подарила ему билет в Америку, он отправился в Нью-Йорк. Шесть лет жил жизнью бродяги, вернулся на родину. Свои впечатления об авторе Швейка и свои скитания с ним по средней и западной Чехии, читай: по средне- и западночешским трактирам, Кудей позднее, уже после смерти друга, описал в форме юмористических путевых заметок, вышедших в нескольких книгах.

На начало 20-го века, перед первой мировой войной, приходится бурный расцвет общественной жизни, которая не представляла себе лучшего места, чем «господа». В каждом ресторане, не только пражском, но и провинциальном, собирались все мыслимые и немыслимые братства, общества, объединения, кружки, общины, ассоциации, альянсы, профессиональные союзы. Кружки, увенчанные белой пеной, поднимались в поддержку пивоварения, земледелия, промыслов, ремесел, за благо народа и его славные традиции. Обществам присваивались громкие названия, в том числе имена легендарных и исторических героев: «Жижка», «Пржемысл», «Отакар», «Либуше», «Чешский лев». Союз творческой интеллигенции, душой которого был писатель Якуб Арбес, именовался «Махабхарата». Собирались бывшие военные, спортсмены,

студенты, рабочие, ремесленники… Назначались регулярные дни и часы встреч, определялся порядок заседаний. Политические партии обсуждали свои программы и тактику предвыборной борьбы.

Как это происходило, пародировал Ярослав Гашек. Из биографии писателя известно его увлечение анархизмом, которое быстро улетучилось, особенно после того, как за участие в демонстрации он угодил на месяц в тюрьму. Гашек «организовал» с друзьями «партию умеренного прогресса в рамках закона» со своей «программой», с «исполнительным комитетом» и «гимном». Сам он был выдвинут «кандидатом в депутаты парламента», произносил речи, лозунги, призывы в манере, напоминавшей выступление в кабаре. Собрание «партии» происходили в ресторане «Кравин» («Коровник»), полном народу. По словам участника, в восемь часов вечера присутствующие исполняли гимн «Встал миллион кандидатов», после чего начиналось собрание с соблюдением всех формальностей и с представлением кандидата. Гашек подавал себя в самом благоприятном свете, как лучшего претендента на парламентское кресло, давал кучу обещаний, развенчивал соперников. Импровизации писателя с перерывами продолжались по нескольку часов. Он перескакивал с темы на тему, ратовал за борьбу с алкоголизмом, вставал на защиту животных, суфражисток и чешской кухни, призывал к отмене платы в общественных уборных и к открыванию дверей в домах ночными сторожами. Попутно издевался над политической фразеологией, повторяя речевые штампы ораторов и журналистов и часто доводя мысль до абсурда…

Политическая жизнь в чешских ресторанах своеобразно проявилась во времена коммунистического режима. Принужденная держать язык за зубами, публика выражала свои гражданские чувства, отлучаясь в туалет: «Советы — домой!», «В жопу — социализм!», «Брежнев — кретин!», «Да здравствуют США!». Иногда сравнивались старые и новые оккупанты: «Гитлер был дерьмо, но мяса давал полтора кило». Чтобы ограничить «вражеские диверсии», использовали две меры: обкладывали стенки туалета кафелем до самого потолка или держали наготове ведра с известью или белилами.

А тем временем чешские интеллектуалы, которым удалось эмигрировать, дебатировали и пили пиво в венском ресторанчике Йржи Хмела, называвшемся «Nachtasil» («Ночлежка»).

Представляя феномен пива в чешском обществе, было бы несправедливо умолчать о его теневой стороне. Да, в умеренном количестве напиток этот полезен и благотворен. (Много можно

было бы рассказать на темы «Пиво и кухня», «Пиво и медицина».) Идей, манифестов, открытий, звучных поэтических строк, родившихся рядом с белой шапочкой пены, не счесть. А сколько смелых решений было принято, сколько благородных поступков последовало за ними!

Но три процента алкоголя в десятиградусном пиве, помноженные на количество кружек, которым потерян счет, — и результат может оказаться грустным! Патриоты, превозносившие символический «славянский напиток» и «господу», не могли избежать горькой саморефлексии, понимая, что активность способна в пиве раствориться, что нравственность может дать осечку, что важную проблему легко на время «утопить», но не решить. Приятная беседа может превратиться в пьяный треп, спор перерасти в потасовку. Для слабых, мало на что в жизни способных, кружка пива — доступное средство удалиться в бесплодные фантазии.

Князь Бретислав еще в XI веке ввел закон, по которому пьяниц сажали в тюрьму и штрафовали. Ян Жижка приравнивал пьяниц к лгунам, ворам, грабителям, развратникам и прелюбодеям. Хотя от пива не отказывался вовсе, признавая, что оно поднимает воинский дух. Только не все его подчиненные знали меру. А во время грабежей дорывались до вина, а то и до «коржалки» (горелки). Иногда устраивали набеги исключительно ради выпивки, после побед пьянствовали. Большинство гуситов должно было, однако, вернуться к пиву, тем более, что оно стоило в семь-десять раз дешевле.

Пиво всегда было главным напитком солдата. В захваченных городах войско опустошало все бочки до дна. Без обильной раздачи дармового пива не обходилась вербовка рекрутов. Когда молодой парень приходил в себя, отпечаток его пальца «в знак согласия» уже красовался, где положено, а его самого как новобранца везли в полк.

По старым чешским обычаям пиво пили «по половинке» и «по порядку». «По половинке» означало, что первый пил полкружки, второй допивал. Потом поступали наоборот. «По порядку» значило на общий счет, потом складывались. Был способ, когда начинали с малых кувшинчиков, переходя ко все более вместительным. Иногда бросали кость, она и решала, в какой очередности и сколько пить. «Проба на ноготь» состояла в том, что выпивали жбан до дна, а последнюю каплю выливали на ноготь и слизывали. Если хозяин корчмы верил гостю, оставшемуся без денег, мог налить ему в долг, но делал зарубку, это называлось «пить на топор».

Студенты пили, стоя на стуле, на столе, сидя и лежа на полу,

через руку, через ногу, не держа кружку рукой… Когда был введен грегорианский календарь (1584 год), народ, особенно деревенский, не мог взять в толк, куда делись десять дней, прожитых без пива, и кинулись наверстывать упущенное. Из-за великой любви к чешскому пиву пострадал великий датский астроном Тихо Браге, служивший последний период своей жизни при дворе короля Рудольфа II в Праге. Спор с земляком закончился дуэлью, стоившей астроному уха и носа, каковые пришлось заменить протезами из золота и серебра.

«Кто чехом хочет быти, по-чешски должен пити», — пелось в старой застольной песне. Пить по-чешски — пить пиво. Тысячелетняя история этого напитка на земле, лежащей в самом центре Европы, позволяет сделать исключительно важный вывод: пиво не сделало из чехов пьяную нацию. Недавние опросы общественного мнения подтверждают: лишь несколько процентов населения обеспокоено угрозой пьянства.

Алкоголизм всегда антиэстетичен и неразборчив. Культура потребления пива наоборот выработала множество ритуалов, традиций, привычек. Знатоки уверяют: у одного сорта пива разный вкус, пьете ли вы из жбана, из кружки или из высокого тонкостенного бокала. Для каждого сорта пива, обладающего своими вкусовыми особенностями и ароматом, должна быть своя посуда. Чем больше солода в пиве, тем стекло должно быть толще, чем пиво тощее, тем выше и уже выбирается бокал, в котором оно покажет себя наилучшим образом. Высокий и стройный тонкостенный сосуд, иногда слегка пузатый, лучше всего удерживает типичный легкий сладковатый аромат. Переохлажденное пиво «закрыто», вкус его беден, летучие вещества, дающие аромат, выделяются плохо… Гурманы пили пиво каждого сорта в определенной ресторации: пльзеньское — «У Коцоура», «Будвар» — «У Медвидков», «Смиховское» — «У двух сердец»…

Будучи в Праге, Ференц Лист попросил своих чешских друзей показать ему какую-нибудь гуситскую песню. Друзья растерялись, ни одна не приходила на память. Отчаявшись, они выдали за гуситскую популярную современную песенку «Утешаемся сладкой надеждой», которую трактирная публика обожала, будучи в подпитии: «Подружимся, покуражимся, подеремся, напьемся, подружимся, напьемся и снова подеремся!» Не подозревая подвоха, Лист опубликовал ноты, сопроводив их примечанием: «Гуситский текст на старочешском в переводе на немецкий».

«…Дабы рыбами и водами изобиловало»

Весной на этом озере стоит такой гвалт, что собеседника рядом с вами почти не слышно. Чайки. Перезимовав где-то на Гибралтаре, они вернулись сюда строить гнезда и выводить потомство. Условия — лучше не придумаешь. Мелководье, насквозь прогретое, многочисленные поросшие травой и кустарником островки. Здесь не только чайки, но и уточки разных пород, помельче и покрупнее, которые демонстрируют свое роскошное многоцветное оперение. Все это кишит, движется, плывет, ныряет, машет крыльями, перелетает с места на место, кричит и крякает во все горло. Но чаек больше всего, тысячи белых птиц ярко выделяются на фоне голубой, небесного цвета, воды и светло-зеленых островков.

Вы идете по широкой аллее, окаймленной могучими дубами, им по нескольку сот лет. Птичий базар — справа, а слева — другое озеро, более глубокое, облюбованное лебедями и цаплями. Лебеди держатся небольшими стаями, спокойны и уверенны в себе. Гуляющие горожане, родители с детьми, парочки и одиночки их не тронут… Кончается одно озеро, начинается другое. Группа озер…

Трудно передать обаяние этого пейзажа, для Чехии очень характерного, сочетающего воду, небо и зелень. Но первому удивлению, эстетическому, приходят на смену новые и новые по мере того, как вы узнаете о том, что вековые аллеи, по которым вы идете, на самом деле — земляные плотины, что обширные водные пространства справа и слева — и не озера вовсе, а пруды, по-чешски «рыбники», что все они — деяния рук человеческих и им по меньшей мере лет пятьсот, и что перед вами — феномен, в остальной части Европы и даже в мире в таких масштабах не существующий..

На городском плане Чешских Будеёвиц голубых пятен разной величины и формы — более сорока. Особенно много их в северо-западной части. Там и «Домин» с его чаечным базаром, и «Черныш» со стаями лебедей, и множество других. Голубые жилки соединяют голубые пятна в цепочки. Вода перетекает из одного «рыбника» в другой, потом в третий… Некоторые голубые жилки, идущие к «рыбнику», появляются вдруг, из ничего. Вылазки на природу подсказали: прежде чем голубые жилки появились на карте, потребовались усилия многих, сперва едва заметных,

сливающихся друг с другом ручейков, журчащих в полях, лугах, вдоль дорог, после таянья снега и после дождей. Веками текут эти воды так, как было велено человеком, он продолжает о них заботиться и сегодня.

Чехия — в основном страна гор, хотя и невысоких, страна с мягким влажным климатом, благоприятным для земледелия. Как всякая небольшая страна, она должна была с умом распорядиться тем, чем владела. А были у нее и болота, и неплодородные почвы, и скалистые грунты, и реки, грозящие наводнениями. Как использовать неровный ландшафт? Что делать с землей, от которой мало проку? Можно ли ослабить силы стихий?

Когда и где был построен первый в Чехии «рыбник», никто ответить не сможет. Письменные источники эту тайну не приоткрывают: летописцев куда больше интересовали жизнеописания святых да военные победы королей. Самые ранние сообщения относятся к X–XI векам. Чаще всего о «рыбниках» упоминают монастыри, перечисляя свои приобретения. Со второй половины XIV века известий о постройке «рыбников» появляется все больше. Совершенствуется строительная техника, улучшаются экономические условия. В эпоху Карела IV, например, большие средства давало государство, повелевая строить «рыбники» и городам, и феодалам, и церквам, «дабы королевство наше рыбами и водами изобиловало».

Высказано много предположений о том, почему обитатели здешних мест так широко занялись рыбным промыслом. Во-первых, у Чехии не было выхода к морю, в низинах нет озер, реки небольшие, рыбой небогатые. Оппоненты, правда, возражают: морской рыбы во все времена привозилось достаточно, предложение превышало спрос. Во-вторых, потребностью в постной пище, диктуемой церковными предписаниями; отсюда утверждение, что «рыбники» первыми стали строить монастыри. Монахи приходили сюда из Западной и Южной Европы, осваивали земли, поросшие лесом, и, скорее всего, были знакомы с рыбоводством. Это серьезный аргумент. В-третьих, и это, по мнению многих, главное — качество рыбы. Не какая-нибудь рыба, а хорошая рыба, отличная рыба! Предпочтение уже тысячу лет отдается карпу. И в слово «рыбник» всегда вкладывался один смысл: место для разведения карпа.

Напомним, культурные виды карпа были выведены независимо друг от друга в Китае и в Юго-Западной Европе. В Китае — более двух тысяч лет назад, в Европе — позднее, по всей вероятности, на среднем и нижнем Дунае. Отсюда это искусство позаимствовали римляне. Если верить тому, что великая империя

пала из-за их страсти к роскоши, разврата и гурманства, то, как знать, может быть, и карп, будучи деликатесом в римской кухне, тоже сыграл какую-то разрушительную роль?!

Карп — лучшая рыба для искусственного разведения: любит спокойную прогретую воду, хорошо размножается и набирает вес, удобен для лова и перевозки. В природных условиях Чехии можно легко разводить и линя, и леща, и судака, и окуня, и щуку, и гольца. В XVI веке появляются форелевые «рыбники». Но карп неизменно держит лидерство.

Любопытен рассказ Яна Дубравиуса, автора самой знаменитой книги о чешских прудах. Остановившись на постоялом дворе в Инсбруке, он заказал трактирщику на обед форель. «Трактирщик отвечал: «Коль желаете рыбу, тотчас принесу вам ту, что вкуснее форели». И тут же подал карпа, привезенного из Чехии, взахлеб расхваливая его, сравнивая то с венецианской озерной форелью, то с форелью рейнской. Я не возражал, ибо речь его была во славу моих соотечественников, но попросил, чтобы карпа оставил на завтра, а сегодня на обед подал форель. Трактирщик выслушал меня и подал на обед форель, а на ужин карпа. Когда мы стали рассчитываться, за карпа взял дороже, чем за форель».

Если ехать из Чешских Будеёвиц на север, по сторонам дороги будут сменять друг друга «рыбники», а впереди, то появляясь, то исчезая, будет приближаться большой белый замок, вросший в лесистую скалу. Это Глубока над Влтавой. Нынешний вид, в духе романтической готики по образцу английского Виндзора, замок приобрел во второй половине XIX века. Но крепость тут стояла, кажется, испокон веков. Замок много раз менял облик и владельцев. В 1490 году он в качестве залога перешел к Вилему из Пернштейна. Самый богатый феодал того времени был замечательным предпринимателем, главным образом в рыбном промысле. Перед тем, как появиться в Южной Чехии, Вилем уже прославился постройкой крупных «рыбников» на Полабских землях, близ Пардубице. Теперь он развернул такую же неутомимую деятельность в Глубоке, создавая целые системы прудов. Когда его спрашивали, какое хозяйство, по его мнению, самое прибыльное, отвечал: «То, которое изобилует «рыбниками». Могу заключить пари с кем угодно, — добавлял он, — что продажей рыбы можно заработать куда больше, чем продажей сена, ячменя или овощей. Добавьте к этому, что «рыбники» не требуют от вас столько труда и средств, сколько другие области хозяйства, и что на них меньше влияет плохая погода…»

«Рыбничная лихорадка» захватила все области Чехии. «Рыбники» бросились строить все: города, монастыри, мелкие и крупные феодальные поместья. Тот, у кого не было «рыбника», завидовал тому, у кого он уже был, и торопился побыстрее построить свой. Построив первый, второй, третий, строил соответственно второй, третий, четвертый. Все хотели быстро разбогатеть. Предварительно подсчитывали барыши, которые будет приносить «рыбник», и как скоро окупятся затраты на его строительство. Если владелец поместья не мог справиться с этой работой силами своих служащих и подданных, приглашал строительную артель. Появились мастера, для которых строительство прудов стало профессией. Инструмент у землемеров был простейший — диоптр для определения будущей запруды и затопляемой площади.

Самый тяжелый труд выпадал на долю землекопов. Они вели кочевую жизнь, переходя вместе с мастерами на новое строительство, ютились вместе с семьями во временных, наскоро поставленных хижинах. Мастера заботились о своей репутации, запасались рекомендательными письмами. Мастеров знали и нередко приглашали издалека. Способные работники со временем сами становились мастерами.

В строительных артелях могли оказаться люди разные, порою с сомнительным прошлым и дурными умыслами. Порядки царили строгие и бескомпромиссные. С ворами артель расправлялась сама, не прибегая к помощи властей и судов. Провинившиеся или не выдержавшие тяжести труда часто собирались в шайки и разбойничали на дорогах. За это им грозила виселица.

Чем привлекало простой люд строительство «рыбников», так это хорошим заработком. В начале XVI века он мог достигать 1,5–2 грошей в день, мастера получали по 3–4. Вчетверо больше, чем на сельскохозяйственных работах. Чтобы представить себе, много это или мало: курица стоила один грош, шестьдесят яиц — два гроша, гусь — три. Летом, когда день был длиннее, зарабатывали больше, весной и осенью меньше, зимой не зарабатывали ничего.

Техника была примитивная: у землекопов — кирка, лопата, деревянная тачка с передним колесом, у плотников — топор да пила двуручная. Тем ошеломительнее темпы, тем фантастичнее результаты! В течение последней четверти XV века и первой четверти XVI, т. е. за 50 лет, было построено 25 тысяч «рыбников»! Если вычесть четыре зимних месяца, когда работы не велись, получается в среднем два «рыбника» в день!

Благодаря накопленному хозяйственному опыту продуктивность «рыбников» в XV–XVI веках выросла настолько, что они, по существу, превратились в настоящие предприятия.

Была принята трехступенчатая система производства: в маленьком прудике выращивали мальков, в среднем — рыбную молодь, а в большом — товарную рыбу.

Технические, хозяйственные и экономические знания в области строительства и эксплуатации «рыбников» были обобщены на страницах ряда книг, написанных и опубликованных в то время.

Вилем из Пернштейна тщательно записывал все, что было связано с разведением рыбы. Получилась целая книга, которую в 1525 году издал его сын Войтех. Несколько глав было посвящено рыбоводству и в книге Яна Бритвина, вышедшей пятнадцатью годами позже. Но самым прославленным автором стал Ян Дубравиус, чей рассказ о карпе, оказавшемся дороже форели, мы уже знаем. Человек исключительно образованный, прекрасно владевший латынью и греческим, теолог, удостоившийся в Италии титула доктора церковного права, Ян Дубравиус закончил свою карьеру епископом в Оломоуце. Более чем преуспевал он и в хозяйственных делах, умножая богатства церкви. Рыбоводство знал досконально. Сочинение «О рыбниках» писал на латыни в 1535-40 годах. Состоит из пяти книг и сорока пяти глав. Читается, как практическое руководство. Вот названия некоторых глав: «Об основании плотины и ее последующем возведении», «Какая древесина больше годится на вал», «О подаче воды в «рыбники», «О труде рыбовода», «О кормах для карпа». Первым изданием книга вышла в свет в 1547 году во Вроцлаве. С тех пор она много раз переводилась и переиздавалась в Цюрихе, Нюрнберге, Лондоне, Кракове, Вене, Праге, получив признание по всей Европе. Книга не устарела до сих пор. Научное издание ее в 1953 году осуществила Чехословацкая Академия наук.

Среди многих славных имен, оставшихся в истории строительства чешских «рыбников», надо по крайней мере назвать еще два: Штепанек Нетолицкий и Якуб Крчин из Елчан.

Штепанек был родом из Нетолиц в Южной Чехии. Родители — крепостные. Работа и успех принесли ему свободу. Ему повезло со временем: в самом конце XV века владельцы Тржебоньского княжества, представлявшие одну из ветвей могучего феодального рода Рожмберков, начали строительство самой крупной системы «рыбников» в Южной Чехии, и Штепанек смог реализовать их намерения. Его известность была настолько широка, что другие города и княжества наперебой звали его строить новые «рыбники» на своих землях. За верную службу Штепанек был щедро одарен полями, лугами, садами и, конечно же, «рыбниками». Из казны Рожмберков ему каждый год платили столько же, сколько

бургграфу. «Рыбники» Штепанека Нетолицкого славились не столько размерами, сколько продуктивностью и прибыльностью. Только в Тржебоньском княжестве после его смерти в 1539 году их осталось 46, в том числе 9 крупных.

Якуб Крчин из Елчан был человеком крутого характера и железной воли. Родом из обедневших дворян, он не имел возможности закончить учение в Пражском университете, что не помешало ему уверенно подниматься по служебной лестнице. Уже в двадцать шесть лет она привела его в Чешский Крумлов, резиденцию Рожмберков. Через год он стал бургграфом, а через семь достиг самого высокого поста: был определен управляющим всех рожмберкских княжеств, включая Тржебоньское, где и смог наконец осуществить свои честолюбивые планы, начало которым положил строительством «рыбников» на крумловских землях.

Первым крупным достижением его в Тржебони стал «рыбник» «Свет» (1571 г.), он и сегодня плещет своими водами почти у самой крепостной стены города. Ради длинной и высокой плотины Крчин снес целое предместье, чем посеял большое недовольство как среди пострадавших, так и среди прочих горожан. Властолюбие, упрямство, жесткость в обращении с подчиненными симпатий к нему не вызывали. Когда же Крчин в духе своего времени попытал счастья в алхимии, молва приписала ему связь с дьяволом. Словно поддерживая эту репутацию, Крчин затевал предприятия, одно грандиознее другого, а в 1584 году приступил к главному делу своей жизни — строительству самого большого в Чехии «рыбника» «Рожмберк», в честь рода, которому преданно служил. Чтобы исключить наводнения, приносимые рекой Лужнице, воды ее, минуя «Рожмберк», перебросил в реку Нежарку. Прорытый канал под названием «Новая река» протянулся на 14 километров. Работы длились шесть лет. Было перемещено 750 тысяч куб. метров грунта и затоплено 100 гектаров.

Жизненным девизом Крчина было любимое изречение Юлия Цезаря «Festina lente» («Торопись медленно»). Но над входом в крепость, которую Крчин выстроил себе на пороге пятидесятилетия, он выбил только первое слово. Медленно или быстро, но спешил он всю жизнь.

«Рыбник» «Рожмберк» оказался последним в золотом веке чешского рыбоводства. Считалось, что все земли, которые годились под «рыбники», были исчерпаны, все «рыбники», которые можно было построить, построены. А «Рожмберк» остался не столько образцом целесообразного и выгодного вложения средств, сколько памятником могучему феодальному роду и — заодно — воле и энергии его строителя. О Якубе Крчине эта

поэтическая строка: «Воды чешские неустанно поют твою славу…».

С далеких времен рукотворные озера украшают чешские земли. Называть их «прудами» как-то язык не поворачивается: уж больно велики! Благодаря «рыбникам» удалось защищаться от наводнений, осушить болотистые участки земли и использовать их для земледелия. «Рыбники» изменили флору и фауну целых регионов. Птицы, которые когда-то летели в иные края, теперь гнездятся здесь. «Рыбники» улучшают экологию. Уже в наши времена на «рыбниках» оборудованы зоны отдыха, купания, спорта. И не забудем самое главное: «рыбники» — это рыба.

В жаркие летние дни, ближе к вечеру, «рыбники» как будто кипят. Кажется, что их обитатели — карпы, амуры, толстолобики — так радуются жизни и прекрасной погоде, что пускаются в пляс, выныривая из своей стихии и шумно плюхаясь обратно. Специалисты прозаичнее в своих объяснениях: карп, хотя и вегетарианец, не прочь полакомиться комарами и мошками, летающими над водой…

Зимой и летом хозяйственная жизнь «рыбника» не бросается в глаза. Обращают на себя внимание лишь некоторые детали: металлическая лодка у плотины — на цепочке и на замке; поблизости от нее — дощатый, потемневший от дождей сарай да крашеный металлический контейнер с коническим горлом внизу, возвышающийся башенкой как раз над кромкой берега. Зимой, когда пруды замерзают, можно увидеть полосу пробитого льда полуметровой ширины и несколько десятков метров длиной, а на мостках у полыньи — день и ночь тарахтящий моторчик, обогащающий «рыбник» кислородом.

Только весной, в марте-апреле, да осенью, в октябре-ноябре, часть «рыбников» меняет свой привычный облик. Из них выпускают воду. Обнажается темное илистое дно (кстати, отличное удобрение для полей!), рабочие в длинных, по пояс, резиновых сапогах вооружаются неводами и большими сачками. На берегу появляются вместительные чаны с водой и другой необходимый инвентарь. Эта картина вряд ли существенно изменилась за последние века.

Раньше рыбу обычно продавали на месте лова мерами (весы появились гораздо позже) или переносили в садки, устроенные поблизости. Возили в бочках. Дорога через горы Шумавы из Южной Чехии вела в Австрию, Баварию, Италию. На запад, в Германию, путь из Чешских Будеёвиц через Писек и Пльзень вел в пограничный город Хеб, и дорога именовалась «рыбной». Там, где можно было использовать реки, рыбу часто провозили на плотах. В них оставляли отверстия, в которых крепили деревянные садки.

В северном направлении южночешские карпы путешествовали по Влтаве до Праги, а потом по Эльбе до самого Гамбурга.

А куда теперь?

Пан инженер Йозеф Хмел интеллигентен, свеж, выглядит очень молодо, несмотря на все свои сорок с чем-то. И в прямом и в переносном смысле — в форме. Элегантная зеленая форма для инженеров и техников рыбного хозяйства прекрасно сидит на его ладной стройной фигуре, свидетельствующей заодно и об отличной спортивной форме. Первую форму можно носить, а можно и снять, но в ней удобнее выполнять свои обязанности. А они обширны. Уже год руководит одним из крупнейших в Чехии рыбных хозяйств в Глубоке над Влтавой, которое расположилось недалеко от подножья скалы, увенчанной белокаменным готическим замком.

После традиционного вопроса «Кофе или чай?» пан Хмел охотно поведал о себе: отец — лесничий, брат тоже пошел по стопам отца, а сам он еще мальчишкой пропадал на «рыбниках». В Чехии есть разные учебные заведения для подготовки специалистов рыбного хозяйства, от училищ и профессиональных средних школ, готовящих соответственно рабочих и техников, до университетов. Пан Хмел закончил земледельческий факультет Южно-Чешского университета в Чешских Будеёвицах по специальности «рыбное хозяйство». Работать начинал в Полабье на исторических рыбниках Вилема из Пернштейна, потом служил в Тржебони на рыбниках Штепанека Нетолицкого и Якуба Крчина, опыт приобрел солидный, ему и обязан сегодня положением. В хозяйстве 2700 гектаров прудов. В этом году выловили 1300 тонн рыбы.

— Это много или мало? Увеличилась ли продуктивность «рыбников» за время их существования?

— Конечно, раз в десять. Раньше рыба росла медленнее, кормилась хуже, часто тем, что сама находила в «рыбнике». Теперь ее откармливают так же, как свиней. Дают чистое зерно: ячмень, жито, пшеницу. Карп растет три — пять лет, в среднем — четыре года: от икринки до товарного веса. Первые два года — в небольшом «рыбнике», последующие два — в крупном… Рост зависит от многих факторов: от кормежки, от погоды, от количества рыбы в «рыбнике», от «состава населения» в нем, все перечислить невозможно. Эта труднопредсказуемость хозяйственных результатов, побуждающая рыбовода к творческому поиску, принадлежит, по словам пана Хмела, к числу главных достоинств профессии, предопределивших когда-то его выбор. Действительно, не учти, например, того обстоятельства,

что амуры и толстолобики нахально объедают скромнягу-карпа, и успех уже не тот. А посему карпы составляют более 90 % «населения» рыбника…

Искусства вырастить рыбу еще мало, требуется искусство ее продать.

— Глубока всегда ориентировалась на экспорт, — продолжает пан Хмел, — 70 % нашего карпа идет за границу. Ситуация каждый год меняется. Предложений получаем много, но все хотят купить подешевле. Мы выжидаем, и они тоже выжидают, буквально до последних дней…

«Последние дни» — это начало и середина декабря, до Рождества. А Рождество без рождественского карпа в Европе не мыслимо. И хотя здесь, в Чехии, живую рыбу можно купить в любое время года, декабрьские дни неповторимы. На улицах и перекрестках появляются огромные серебристые чаны с кишащими в воде карпами. Продавцы в резиновых фартуках бойко орудуют сачками, ножами и колотушками. Стрелки весов мечутся по шкале… Зарубежные поставщики чешского карпа принимают в эти дни окончательное решение. Тяжелые грузовые автомобили с живой рыбой на борту пересекают государственные границы…

— А какие страны покупают сегодня Вашу продукцию?

— Германия, Австрия, Югославия, Италия, Франция, Бельгия, Голландия, Венгрия.

— Значит, таких прудов, как в Чехии, у них нет?

— Такие пруды есть. Есть в восточной Германии, под Берлином, есть в Венгрии, в Австрии, в Хорватии. Но они занимают небольшие области. В таком количестве, как в Чехии, нет нигде… Традиционная особенность чешских «рыбников» состоит в том, что воду из них можно выпускать… Приехали к нам как-то французы, увидели наш Бездрев… Ну хорошо, говорят, рыбу вы в нем вырастили, а как вы ее достаете? Им на удивление, что у каждого «рыбника» есть труба…

Справка: Бездрев — второй по величине «рыбник» Чехии, в километре от Глубоки. Площадь 520 гектаров. Построен в 1492 году. С тридцатых годов служит также для отдыха и спорта.

Осенью наряду с сообщениями о политических баталиях в прессе появилось и такое: после спуска воды в одном из «рыбников» снова объявился сом Албин. Этого белого сома вылавливают уже который раз, взвешивают и выдерживают в садке до тех пор, пока его родной пруд не наполнится водой. Знаменитость весит уже 36 килограммов. Это не так много: здешние сомы нагуливали и по 50, и по 80, достигая в длину

человеческого роста. Но сом-альбинос, по мнению специалистов, к долгожителям не принадлежит. Шансы у него, однако, еще есть. Все будет зависеть от того, какая жизнь ожидает его в новом тысячелетии.

Многоликий вифлеем

Как самую большую достопримечательность музея в Йиндржихувом Градце вам непременно продемонстрируют «Крызовы яслички», или «вифлеем», построенный городской знаменитостью, чулочным мастером Томашем Крызой (1838–1918). Но прежде чем рассказать об этом уникальном памятнике народного творчества, уместно познакомить читателя с «вифлеемами» вообще, с их ролью и традициями в западной христианской культуре.

Название «вифлеем» происходит от одноименного города, в котором, напомним, согласно евангелию, родился Иисус Христос. Прийти сюда из Назарета Марию и Иосифа вынудила объявленная римскими властями перепись населения: следовало прибыть по месту исконного проживания своего рода. Бездомных супругов никто у себя не приютил, «в гостинице не было места», и они устроились в хлеву, где Мария и родила младенца. Положила его в ясли. Ангелы известили мир о рождении Бога, и поклониться ему первыми с ближайших пастбищ пришли пастухи.

Матфей упоминает и о приходе мудрецов, магов с Востока. Дорогу к колыбели Иисуса им указала звезда. Мудрецы принесли в дар золото, ладан и благовонное масло — миро.

Более поздние источники вносят в эту сцену множество подробностей. В хлеву появляются осел и вол. Число мудрецов с трех-четырех возрастает до двенадцати-четырнадцати, но в конце концов останавливается на троих — по числу даров. Позднее, под влиянием византийского искусства, мудрецы превращаются в королей, обретают короны, пышные одежды и имена: Мельхиор, Каспар и Валтасар. Каждый получает определенный возраст, каждый представляет одну из человеческих рас. Неоднозначным было и место рождения: иногда — дощатый хлев, иногда — пещера, иногда — хлев внутри пещеры.

Христианство, как известно, долго подвергалось гонениям. День 25 декабря, отмечаемый как Рождество Христово, был установлен только в 354 г. решением папы Либериуса, который воспользовался древним языческим праздником зимнего солнцеворота. Немного раньше появилось и первое изображение сцены рождения Христа — фреска в катакомбах св. Присциллы. Какое место займет эта тема в изобразительном искусстве последующих веков, вплоть до нашего времени, хорошо известно. Менее знакома история появления «вифлеемов».

С 9 века евангелие в костелах стало преподноситься в форме игры, театрального представления. Текст читался как бы по ролям. Он обрастал дополнительными деталями, легендами, фольклором, мистическими историями, содействовавшими развитию нового взгляда на вифлеемское событие.

Внес свою лепту и знаменитый христианский проповедник Франциск Ассизский. Возвращаясь от папы из Рима через итальянскую Умбрию, он устроил в Щедрый вечер, 24 декабря 1223 года, праздник Рождества. В лесу, неподалеку от деревеньки Грецца, нашел пещерку, поставил в ней ясли, наполненные сеном, велел привести осла и вола, чтобы выглядело все так, как ему расказывали во время его паломничества в Святую землю и Вифлеем. К яслям позвал священника, который в полночь отслужил мессу. Франциск ему ассистировал. Биограф и друг проповедника отмечал, что последний при чтении библейских текстов тянул гласные, подражая блеянью барашка, стоящего перед яслями.

Народ, собравшийся из окрестных деревень и городков, встретил праздник с восторгом. Это был «вифлеем», можно сказать, «живой», на живой природе. Но он натолкнул на мысль о создании «вифлеемов» как предметов искусства. Полвека спустя после праздника в Грецце, получившего, кстати, широкое распространение, в Италии появился первый построенный «вифлеем», прообраз всех последующих и нынешних, вошедших в жизнь христианского мира наравне с алтарями, изображавшими рождение Христа в формах пластического искусства.

Многовековая притягательность «вифлеемов» — в их наглядности и восприимчивости всеми слоями населения, они приближают то далекое событие к каждому человеку, который становится как бы непосредственным свидетелем и участником его, принужденным задуматься о духовном смысле изображенной сцены, наконец, «вифлеемы» вносят в праздник Рождества поэтическую, почти сказочную атмосферу.

История «вифлеемов» в Центральной Европе начинается в 1560 г., в Праге. К этому времени уже началось паломничество чехов в Святую землю. «Вифлеемы» строятся повсеместно как в костелах и монастырях, так и в небольших часовнях, они украшают интерьеры богатых городских и сельских домов. У высшего духовенства, знати, государственных особ «вифлеем» входит в моду, становится предметом гордости, соперничества, его демонстрируют друг другу, его дарят в знак личного уважения и признательности. Мода распространяется на Италию, Испанию, Португалию, Германию.

Искусство «вифлеема» не стоит на месте. Сначала он принимает форму изящного ларца с дверцами, украшенными резьбой и живописью, потом перестает стеснять себя пространственными рамками, увеличивается в размерах, усложняется в композиции, приобретает более хитроумную конструкцию.

Мастера, давно вышедшие за пределы строгого евангельского сюжета, придумывают новые и новые детали и жанровые сценки, обильно черпая впечатления из окружающей их жизни. Статичные фигуры заменяются подвижными, способными принимать разные положения: стоять, сидеть, кланяться. Искусные мастера вырезают из различных пород дерева торсы, лица, руки, ноги. На основе анатомических знаний моделируют даже суставы, так что человеческие фигуры принимают совершенно естественные позы. На головах — настоящие человеческие волосы. Передвигая фигурки, а их — десятки, нередко ростом с человека, можно менять рождественские сцены, как в театре, проигрывая новые сюжеты, подсказанные фантазией.

В работу шло не только дерево, но и глина, гипс, папье-маше. Все раскрашивалось. На отделку брали золото, серебро, драгоценные камни, редкие дорогие ткани с вышивками. Известно, что супруга неаполитанского короля Карла Бурбонского годами придумывала и шила одежды для вифлеемских фигурок. Ткани пропитывали водой с растворенным в ней клеем, они становились жесткими и выглядели, как вырезанные и раскрашенные.

Со второй половины XVIII века в костелах появляется новый тип «вифлеема». Фигуры рисуют на деревянных досках и вырезают, так что их можно переставлять. Примером композиции рождественской сцены может служить один из тогдашних «вифлеемов». В нем 30 фигур, наименьшая — высотой 13 см, наибольшая — полметра. Хлев с дощатой крышей. Младенец Иисус в яслях, устланных мхом. Над ним — деревянная фигурка ангела с белой лентой, несущей надпись: «Gloria in excelsis» («Слава в вышних»). С одной стороны — коленопреклоненная Мария, с другой — св. Иосиф. Вокруг них три короля, трое девушек, одна — с рождественской булкой, другая — с корзиной фруктов на голове, третья — с корзиной в руке. Слуга, ведущий коня. Два наемных солдата. Негры с тюрбанами на головах. Два молодых пастуха. Крестьянин с ношей на спине. Пастух с барашком, склонившийся перед яслями. Двенадцать овец. Пять коз. На заднем плане — высокие дома и башня, на которой стоит ночной сторож.

Искусство барокко привнесло в «вифлеемы» столько

фантазии, что строгий евангельский сюжет почти в ней растворился. Вместо того, чтобы рождать благоговение в душе зрителя, «вифлеемы» некоторыми своими сценками забавляли и веселили. Император Священной Римской империи Иосиф II, хотя и был просвещенным монархом, не мог стерпеть такого кощунства и запретил в 1782 году выставлять на Рождество церковные «вифлеемы». Подобные меры были приняты и в других странах Европы. «Вифлеемы» из костелов выдворили.

Любопытно, что к этому времени существовала уже целая ремесленная отрасль, специализировавшаяся на изготовлении «ясличек». Множество мастеров — художников, резчиков, столяров, плотников, умельцев, искусных в лепке, золочении, шитье — остались без заказов.

Но, как это часто бывает, результаты запретов оказались неожиданными: «вифлеемы» из костелов перешли в дома и в прямом и в переносном смысле. Народ не хотел расставаться с «ясличками». Тот, кому не досталось церковных, приобретал себе в дом небольшие и недорогие, а за отсутствием средств строил сам из любого попавшегося под руку материала. Фигурки уменьшились, а то и вовсе стали миниатюрными. Все чаще делались из бумаги.

Вне церковных канонов и правил народный умелец куда свободнее выражал свои представления об обстоятельствах рождения Христа. Он переносил давнее и далекое событие в близкое и хорошо знакомое ему пространство, оживлял его привычными жанровыми сценками, одевал фигурки в народные костюмы, какие носил сам, изображал местные предметы быта, орудия труда, музыкальные инструменты. В «ясличках» поселились мельники, сапожники, трубочисты, кузнецы, музыканты, рыбаки, швеи, охотники, торговцы, стражники, цыгане, пехотинцы, драгуны. А в «ясличках», смастеренных в местах горных промыслов, появились шахтеры в парадных формах с рудничными лампами в руках.

Были «вифлеемы», содержавшие до тысячи фигурок! Можно представить себе интерес, который проявляли к ним в последующее время этнографы! Именно тогда вифлеем превратился в подлинно народное искусство, живущее и сегодня. Оно передавалось из поколения в поколение: были целые деревни мастеров «вифлеема». Масштабы изготовления «ясличек» в Чехии и Словакии не имели себе равных в остальных областях Европы.

Запрет Иосифа II постепенно терял силу, и уже в первой трети XIX века «вифлеемы» возвращаются в костелы. Возрождаются мастерские резчиков по дереву, которые со временем, уже в начале нашего века, становятся солидными

фирмами, производившими «яслички». Одновременно со старыми материалами и технологиями появляются новые. Фигурки прессуют, лепят, отливают в формах, вырезают, куют. Можно увидеть «яслички» из фарфора, стекла, керамики, бумажной массы, белого и подкрашенного воска, хлебного и пряничного теста, олова, железа, угля, соломы, камыша, кукурузных кочанов. Фантазия не знает предела…

В Чехию приходит «золотой век» «вифлеема».

Три Йозефа — Пробошт, Капуциан и Фримл — изготовляют в Тржебеховицах под Оребом «вифлеем», который 70 лет спустя представлял чешское народное искусство на Всемирной выставке в Монреале (1967). Пятьдесят искусно вырезанных фигур этих «ясличек» движутся посредством трехсот пар деревянных зубчатых колес, валов и других элементов передачи..

К «вифлеемам» обращаются знаменитые художники. Новый тип «ясличек», так называемый «бумажный», появляется благодаря повышению качества типографской печати. Дешев. Картинки и фигурки просто вырезают из бумаги. Славный Миколаш Алеш, украсивший своими работами Национальный театр в Праге, создал «вифлеем» из 88 раскрашенных рисунков людей, животных, деревьев, цветов, трав. Город Вифлеем выглядит у него, как средневековая крепость. Фигурки одеты в народные костюмы — чешские, моравские, силезские. А Йозеф Лада, без чьих иллюстраций не обходится ни одно издание «Бравого солдата Швейка», облек фигурки своего «вифлеема» в повседневную сельскую одежду конца XIX века.

Среди многочисленных бумажных «вифлеемов» 20 века упомянем еще скаутские. Все фигурки там — в скаутских формах, даже некоторые животные экипированы под скаутов. Исключение составляет Святое семейство в длинных одеяниях, правда, не в традиционном хлеву, а в настоящем индейском вигваме. И вифлеемская звезда заменена скаутской лилией, дополненной хвостом кометы. В другом скаутском «вифлееме» Святое семейство представлено в воинском стане, под надписью «Скаут — друг всех людей доброй воли». Новорожденному Иисусу играет скаутская капелла, а поклониться ему приехали скауты-мудрецы на верблюдах и слонах.

Сегодняшний мир «вифлеема» также богат и многообразен. Нет ни одной страны Западной Европы, где «вифлеемы» не были бы представлены в многочисленных костелах, музеях, частных домах. Первенство держит Италия, на втором месте — Германия, на третьем — Австрия.

Искусство «вифлеема», естественно, не ограничивается Европой. Оно распространилось по всему миру, вместе с распространением христианства, приобретая яркий местный колорит. У индейцев Аризоны «яслички» подобны их традиционному жилищу, а короли преподносят в подарок Иисусу бирюзу, серебро и кукурузную муку. В Заире фигурки «вифлеема» изготовляют из эбенового дерева. В Танзании Святое Семейство окружают слоны, антилопы и верблюды. Христиане Индии и Тайланда не могли не привести в свои «вифлеемы» священную индийскую корову…

Первое общество друзей «вифлеема», собравшее как творцов, так и поклонников этого народного искусства, появилось в Баварии в 1917 году. А в 1953-м был учрежден Всемирный союз друзей «вифлеема» с центром в Риме, объединяющий несколько десятков организаций в Европе, Африке, Латинской Америке и сотрудничающий с аналогичными организациями США, Канады, стран Азии..

В чешском Обществе друзей «вифлеема» — 300 членов, представленных и коллективами, и частными лицами.

А теперь пришло время возвратиться в Йиндржихув Градец и осмотреть «яслички» Томаша Крызы, самые большие в Чехии.

Молоденькая девушка-экскурсовод приводит нашу группу на второй этаж музея, в зал, где выставлено творение мастера. Крыза родился и жил в городе с богатыми «вифлеемскими» традициями: первое известие о здешнем «вифлееме» относится к 1579 году. Увидав мальчишкой «яслички» столяра Новотного, Томаш решил, что у него будут не хуже. Чулочных дел мастер, предприниматель, он мог отдаваться своему увлечению только вечерами и в праздники. И посвятил ему всю свою жизнь.

Архитектура «ясличек» состоит из деревянной рамы, несущей «пейзаж» из бумаги и картона. Дома в основном бумажные, частично из липового дерева. Крыза использовал стекло, зеркала, жесть. Во дворце Ирода — сервиз из миниатюрного фарфора. Пошли в ход и материалы, оказавшиеся у мастера под руками: катушки от ниток, детали прялок и других инструментов.

Вифлеем занимает площадь 60 кв. метров, населяют его 1756 фигурок людей и животных, из них 156 движущихся — посредством цепей, кожаных ремней, вертикальных и горизонтальных шестеренок, колесиков, валов. Часть фигурок перемещается на бесконечных лентах и очень правдоподобно шевелит головой, руками, ногами. Деревянные части фигурок связаны проволокой. Покрытый тканью остов фигурки мастер погружал в разогретую бумажную массу. После охлаждения даже

самые мелкие детали сохраняли форму. Потом фигурки раскрашивались. Весь сложный и хитроумный механизм «ясличек» приводился в движение вручную. Это было под силу даже семилетнему ребенку.

Вифлеем был представлен публике в 1894 году на промышленной выставке, проходившей в городе, и имел громкий успех. «Яслички» намеревались показать на этнографической выставке в Праге, но перевезти и установить их заново не решились. После смерти мастера «вифлеем» перешел к сыну Яну, который заменил ручной привод электрическим и добавил электроосвещение. В 1935 году он подарил отцовскую работу городскому музею.

Девушка-экскурсовод нажимает кнопку, и «яслички» приходят в движение. Рассматривать их можно очень долго. Это целый мир в миниатюре. Яркий, веселый, насыщенный, праздничный. Шевелятся и движутся не только фигурки. Машет крыльями ветряная мельница. Вращается водяное колесо. Фонтан действует, как настоящий… Жизнь кипит во всем своем многообразии. И в центре внимания, конечно, евангельский сюжет: рождение Христа.

Предрождественская атмосфера в Чехии начинает ощущаться задолго до праздника.

Уже за месяц — полтора хозяйки, изощряясь в изобретательности, пекут десятки видов печенья, которое вслед за традиционным карпом должно украсить праздничный стол и которого хватит надолго и для себя, и для гостей. Это так же серьезно и ответственно, как рождественские подарки родным и близким (самые крупные расходы в году!), положенные под «стромечек» (т. е. под елку) в гостиной или в детской.

И это при том, что чехи в абсолютном большинстве своем — атеисты: согласно последней переписи 2001 года к верующим отнесли себя всего несколько процентов населения.

Но отмечать Пасху и особенно Рождество, как чисто семейное торжество — вековая народная традиция. Приподнятое настроение, праздничная толчея в магазинах и на ярмарках, красочных и ярких, заполнивших площади, беспрерывно льющаяся музыка, огромные иллюминированные елки возле ратуш и светящиеся гирлянды лампочек на улицах, богатые программы концертов популярных певцов, музыкантов, мастеров эстрады, а также хоровой музыки, веночки из хвои, украшенные стеклянными колокольчиками и перевитые красными сверкающими ленточками — на дверях особняков и квартир, товары с рождественской символикой и живописные «вифлеемы»

на поздравительных открытках, на витринах, в музеях, в костелах, изображающие «Иежишка» (Иисусика) в яслях, и Марию, и овечек, и трех королей, принесших дары, — все это ужасно всех умиляет и завораживает, как сказка…

Шумава: «золотые тропы» истории

Поезд Чешские Будеёвицы — Линц отправлялся в пять утра.

Железнодорожный вагон первого класса носил имя «Ганнибал». Правда, он напоминал скорее вместительный крытый экипаж: за большим окном в дверце и окнами поменьше по ее бокам виднелись лица занявших свои места пассажиров. Но колеса экипажа в самом деле опирались на рельсы, хотя и деревянные, обитые сверху железной полосой. Во время движения колеса гремели и постукивали на стыках, как и положено любым вагонным колесам. Только вместо частого и шумного дыхания паровой машины и звонких свистков в дремоту пассажиров врывался топот конских копыт да свист кнута. Возница восседал на передке, лошадь резво бежала между рельсами. Когда пассажиров было больше и прицеплялся вагон второго класса, впрягали две, цугом.

Через каждые двадцать километров лошадей меняли. Встречные поезда, груженные чаще всего бочками с солью, реже углем и лесом, не доставляли серьезных хлопот, даже в отсутствие станции и запасной колеи. Пассажиры высыпали на свежий воздух, наблюдая, как выпрягают лошадей и сдвигают вагон с рельсов, чтобы пропустить грузовой состав. Обычно это бывал караван из тридцати шести вагонов или платформ, разделенных по три и тоже влекомых лошадьми. Стотридцатиметровая дистанция между ними предписывалась правилами движения.

Но вот «Ганнибал» снова на колее. Путешествие продолжается. В полдень общество покидает свои насиженные места и садится обедать в станционном ресторане. К этому времени подходит встречный поезд Линц — Чешские Будеёвицы, и за столом нередко оказываются старые друзья, знакомые, сослуживцы. Приятное общение через час прервется, и пассажиры поедут дальше. В семь часов вечера поезда прибудут к месту назначения, оставив за собою по 128 километров пути. Фантастическая скорость! В два раза быстрее, чем на почтовом дилижансе!

Чешская земля окружена горами. На юге и юго-западе — Шумава и Новоградские, они не только отмечают границы, но и разделяют бассейны рек. По Чехии реки текут к северу, в сторону Балтики. За горами, в Австрии и Германии, на юг, в Дунай. Оказавшись на перекрестке торговых путей, Чехия искала возможности их удешевить. Идея соединить каналом Влтаву и

Дунай родилась давно. Занимала еще Карела IV в XIV веке. Но план был по тем временам слишком дерзкий и дорогой и должен был подождать еще четыре столетия. В 1775 году лесной инженер Йозеф Розенауер спроектировал Шварценбергский канал, соединявший бассейны Влтавы и Дуная, для сплава древесины из малодоступных шумавских лесов. В последующие десятилетия канал был поэтапно построен и эксплуатировался до середины 20-го века. Общая длина его — более пятидесяти километров, включая полукилометровый туннель. Первое время по воде сплавляли поленья, шедшие до самой Вены, а позднее и двадцатиметровые бревна. Несмотря на блестящее инженерно-техническое решение, возможности канала были ограничены.

В начале XIX века проектом занялся Франтишек Йозеф Герстнер, прекрасный математик, физик, астроном, инженер. Оценив водный проект, как трудно осуществимый и нерентабельный, он предложил соединить Чехию с дунайской областью конной железной дорогой, подобной той, которая уже существовала в Англии.

Но как раз в это время на исторической сцене появляется Наполеон и превращает всю Европу в театр военных действий. Энергия созидания должна была повременить. Когда же конъюнктура снова стала благоприятной, Франтишеку Герстнеру пошел шестьдесят четвертый год. Для столь огромного предприятия он посчитал себя старым и предложил своего сына Франтишека Антонина, профессора геодезии в Вене. Герстнер-младший был человеком обширных знаний, огромной энергии и энтузиастом проекта своего отца, хотя время изменилось, и в Англии одерживал победы паровоз Стивенсона.

Правда, противников паровоза оставалось еще много, даже в английском парламенте: депутаты предостерегали, что из-за грохота и лязга коровы перестанут доиться, а куры нестись, что птицы будут отравлены дымом, который закроет небо и погрузит землю во мрак. В Австрии противников паровоза было еще больше, тем более что Англия не спешила ни с кем делиться своими техническими новшествами. И Герстнеру волей-неволей пришлось строить дорогу на конной тяге. Посетив Англию, он обнаружил, что перед ним стоят более сложные технические проблемы: ведь его дорога прокладывалась по горной местности…

В конце концов технические и финансовые трудности были преодолены, и в 1825 году развернулось строительство, на котором было занято около шести тысяч рабочих и тысячи лошадей.

Герстнер-младший, властный, требовательный, твердый, не

был любим подчиненными. Необходимость выбивать деньги на продолжение строительства ссорила его и с акционерами. После ряда стычек он вынужден был отступить., но унывать ему не пришлось. Приглашенный в Россию Николаем I, он построил железную дорогу между Петербургом и Царским Селом, первую в империи. Из тринадцати инженеров, работавших вместе с ним, было двенадцать чехов. Из России Герстнер уехал в Америку.

А самую первую на европейском континенте железную дорогу между Чешскими Будеёвицами и Линцем заканчивал двадцатидвухлетний Матиаш Шёнерер, бывший ученик и заместитель Герстнера. Первый на европейском континенте вокзал тоже был построен в Будеёвицах. Дорога была торжественно открыта первого августа 1832 года. Строилась она только ради грузовых перевозок. От Будеёвиц, где Влтава уже была способна нести суда, хотя и с малой осадкой, грузы переправлялись водным путем до Праги и дальше, по Эльбе, через всю Германию. Пассажирские поезда стали ходить четыре года спустя, с апреля по октябрь.

Конка оказалась экономически выгодной. Лошадь тянула груз, в тридцать раз больший, чем по обычной дороге. Последний поезд прошел 12 декабря 1872 года, когда основная часть нынешней железнодорожной сети Чехии была уже проложена, и по ней колесили сотни поездов на паровой тяге.

Путешествия по конной железной дороге мы сегодня, увы, не совершим. Только в воображении. Но можно воспользоваться туристическим маршрутом и пройти пешочком по отдельным участкам трассы, где сохранились мосты, насыпи, сторожевые домики. Один из них — прямо в Будеёвицах. Здесь же, в городе, и старый вокзал, и средневековый соляной склад, и зеленое здание у когда-то последних метров пути, где размещались конюшни и товарные склады. Теперь это комплекс технических памятников. А можно принять приглашение на «Шумавское лето с паровозами», предлагающее нам «ностальгические поездки по живописным уголкам Шумавы в историческом четырехвагонном поезде с паровозом, выпущенном в Праге Первым чешско-моравским локомотивостроительным заводом в 1901 году». Причем трех золотых, как на конке, платить не придется!

Южная Чехия — край бесчисленных прудов-«рыбников», хвойных и лиственных лесов, торфяников, живописных гор, прорезанных речными каньонами, средневековых крепостей и замков, неповторимых городков со стройными башнями костелов и деревень с маленькими часовнями и старыми усадьбами в стиле барокко… Карты и путеводители по этим замечательным местам

содержат массу практической информации и всевозможных сведений: географических, исторических, природоведческих, искусствоведческих… Маршрутов — великое множество. Научные, познавательные, спортивные. Пешие, водные, конные, велосипедные. На мотоциклах, на автобусах, на поездах… Но замечательнее всего — туристические карты. Их издает Клуб чешских туристов. Масштаб — 500 метров в одном сантиметре. Всего их — 97. Они покрывают всю территорию Чехии. В основу их легли военные карты, более сорока лет засекреченные министерством обороны. На картах прекрасно виден рельеф местности, лесные просеки и полевые тропы, хутора, природные достопримечательности, реки и речушки, мостики и масса других подробностей. А главное, через все карты тянутся синие, красные, желтые и зеленые ниточки, то пересекающиеся, то сходящиеся вместе, то разбегающиеся по сторонам. Это туристические маршруты.

Ходить по таким картам — одно удовольствие. Заблудиться невозможно. Маршруты нанесены не только на карты, но и на местность, в виде значков. Белые ленточки сверху и снизу, а между ними — цветная: синяя, красная, желтая или зеленая, того же цвета, что и на карте. Ленточки вас ведут. На стволе сосны или березы, на электрическом столбе, на углу дома, на заборе, через несколько десятков метров — она обязательно бросится вам в глаза. Минули одну, ищите следующую, она вот-вот появится. Или вынырнет такого же цвета стрелка: сворачивайте!

Значки доведут вас до перекрестка, куда приходит еще один маршрут, а может быть, и несколько. На столбе — указатели: куда по какой метке придете и как далеко шагать. Найдя на обратной стороне карты описание пункта, в который вы направляетесь, прочтете и о том, что вас ждет. Проголодались — зайдете в ресторанчик. Выбор будет всегда, независимо от толщины кошелька.

Жажда бродить, узнавать, смотреть — для человека естественна. Удовлетворить эту жажду, позаботиться о путнике, сделать туризм доступным и массовым — этим здесь занимаются давно.

Известный писатель-юморист Вацлав Лацина в воспоминаниях о своей юности, которая пришлась на 20-е годы, писал: «Туризм был страстью повсеместной: в бесчисленные походы отправлялись то к истокам Влтавы, то на гору Боубин, то по гребням Шумавы… Обозначенные маршруты соединялись друг с другом, сторонились дорог, петляли, но не утомляли, а в конце дня вас всегда ждал ночлег. Клуб туристов располагал сетью

студенческих ночлежек по всей республике, в каждом маломальски значимом населенном пункте был по крайней мере один большой школьный класс, где все лето держали сенники, а нередко — и железные кровати с большим запасом грубошерстных одеял, всем этим можно было воспользоваться за 1,20 кроны… Клуб туристов ежегодно издавал свой справочник, по оттиску печати на титульном листе превращавшийся в членскую книжку. Справочник кроме того был другом и советчиком в походе: предостерегал от алкоголя, учил оказывать первую помощь и рекомендовал погружать руки по локти в холодную воду, чтобы ослабить чувство жажды… Каждая школьная сторожиха охотно выдавала за одну крону чашку кофе с внушительной краюхой хлеба, так что в продолжительных походах чувствительнее всего были траты на поезд; автобусное сообщение развивалось медленно, да и легковых автомобилей не было столько, чтобы рассчитывать на автостоп».

Самая старая смотровая площадка в Чехии, в виде каменной башни, построена на вершине горы Клеть (1083 м), на Шумаве, в 1825 году. В ясную погоду отсюда видны Альпы. К каменной башне пристроили туристическую хату. Чешскобудеевицкое население отправлялось сюда на воскресные прогулки.

Организованный туризм возник позднее, на переломе XIX–XX веков, с созданием в 1893 году Клуба чешских туристов. Тогда и начались прокладка маршрутов через интересные и памятные места, нанесение знаков, стрелок, указателей, измерение расстояний, организация туристских баз, издание цветных карт с обозначенными маршрутами и памятниками природы, истории, культуры, архитектуры. Клуб ставил своей целью охрану этих памятников, проводил лекции и беседы, организовывал выставки и походы, вовлекал в свою работу энтузиастов.

В чем бродяга-турист может быть абсолютно уверен — он не попадет туда, где «не ступала нога человека». Скорее фантазию его может подогревать мысль, что он идет по земле очень древней, хоженной-перехоженной, езженной-переезженной, похоронившей не одну цивилизацию и не один народ.

Примитивные каменные орудия, найденные здесь археологами, насчитывают 250 тысяч лет. В течение четырех веков, еще до нашей эры, на этой земле жили кельты. Их сменили германские племена, обитавшие здесь во времена Римской империи. Великое переселение народов завершилось в шестом веке приходом славян.

С солью Чехии не повезло: в недрах земли ее нет. А

потребляли ее много, особенно в давние времена: ведь соль была единственным консервантом при заготовке пищи на зиму. Соль залегала в Альпах, о чем с гордостью сообщает нам о себе, например, город Зальцбург. В чешские земли соль шла из Пассау, по-чешски Пасова, живописного городка, построенного на слиянии трех рек — Дуная, Инна и Ильца, где почти смыкаются сегодня границы Австрии, Германии и Чехии. Попасть в Чехию из Пасова означало перейти горы, перейти Шумаву.

Экономическая история Шумавы началась во времена кельтов, где-то за пятьсот лет до нашей эры. Горы пугали непроходимыми дебрями, в которых водились медведи и волки. Но область постепенно осваивалась, заселялась, приходили колонисты, чтобы хозяйствовать на новых, еще не занятых землях. Прокладывались новые тропы и дороги. К XIII–XIV векам их было более двадцати, что свидетельствовало уже о существовании целой транспортной сети. Самую большую славу снискала «золотая тропа», а из трех ветвей ее — та, что вела в город Прахатице. И хотя золото в Чехии добывалось, тропа получила свое название благодаря соли, торговля которой приносила «золотые» прибыли.

Певец Шумавы, беллетрист Карел Клостерман писал в 1890 году: «Перенесемся в те старые часы, когда бескрайнюю лесную глушь, на многие мили уходящую в обе стороны от тропы, пронизывали только звуки колокольчиков у навьюченных тяжелой поклажей лошадей. Представляя себе то время, не избежим, наверное, чувства некоторой ностальгии. Тогда здесь властвовала буйная природа, тогда над величественным первозданным лесом торжествовали покой и мир».

Но такой ли уж покой царил на самом деле? За год только через Прахатице проходило около 3000 кубометров соли. Тысяча двести навьюченных лошадей в неделю. Небольшой арифметический подсчет (шесть рабочих дней: чешское слово «неделя», по-русски «воскресенье», подтверждает, что этот день — не для дел; десятичасовой рабочий день: в темное время не ездили) показывает: каждые три минуты у городских ворот появлялся новый торговый гость с лошадью, навьюченной или тянущей воз! Но приходили и приезжали не только возчики…

Соль перевозили в бочках. Часто этим занимались крестьяне, как самостоятельные предприниматели или нанимавшиеся к оптовикам. Ради безопасности возчики объединялись в караваны, сопровождаемые вооруженной охраной. Караваны ходили в течение всего года, но пик приходился на осень, когда заканчивались сельскохозяйственные работы и на соль обменивалось зерно нового урожая. Кроме зерна чехи вывозили

солод, пиво, мед, хмель, горох, лен, сало, масло, сыр, рыбу, яйца, шерсть, кожу. Вывозили также скот, древесину, изделия ремесленников: стеклянные, металлические, деревянные. И в Чехию помимо соли поставлялись металлы: медь, железо, олово; скобяные изделия: косы, лемеха, сохи; различное оружие; товары из Венеции: полотно, тонкое сукно, бумагу, стекло, зеркала, хлопок, мыло, восточные пряности, масла, шафран, тропические фрукты, вина…

Осенью болотистые участки дорог подмерзали, облегчая передвижение. Когда в горах выпадало много снега, товары возили на санях. В день караваны проходили по 25–30 километров, на этих расстояниях и стояли города, монастыри, сторожевые крепости и башни. Гостиницы и постоялые дворы давали возчикам и охране ночлег и ужин, а усталым лошадям — конюшни и корм.

Города богатели на торговле и, стремясь выглядеть красивее, дабы привлекать новых купцов и гостей, застраивались роскошными домами. Городская казна не скупилась на ратушу и общественные здания, а удачливый коммерсант не жалел средств на дворец, подчеркивающий его вес и положение в обществе.

У каждого города было свое лицо. Эти средневековые города, нанизанные, как драгоценные каменья, на нити «золотых троп», до сегодняшних дней сохраняют свой живописный облик, уют и обаяние. В последние годы, после революции, их тщательно реставрируют, восстанавливают лепнину, стенные росписи, барельефы, скульптуры, выразительно раскрашивают, подчеркивая архитектуру. Центральные площади, застроенные двух-трех-четырехэтажными, узкими, обычно в три окна, домами со сводчатыми галереями в первом этаже, напоминают коробку конфет в ярких разноцветных обертках…

Но жемчужиной Шумавы, а считалось, что и жемчужиной тогдашней центральной Европы, были Прахатице. Город возник в начале XIV века. До наших дней на редкость хорошо сохранился комплекс позднеготических и ренессансных домов, окруженных крепостными стенами, бастионами и башнями с городскими воротами. Костел св. Якуба и ратуша — наиболее ценные городские ренессансные постройки в Чехии. Ратуша возведена при участии итальянских мастеров, ее фасад украшен богатыми росписями в технике сграфитто, запечатлевшими сюжеты на темы правосудия.

Богатство Прахатиц, как и других городов, добывалось в жесточайшей конкурентной борьбе, в нее вовлекались суды, высшие государственные сановники и короли. Права и привилегии приходили и уходили то повергая города в упадок, то

принося им новый расцвет. В звездную пору Прахатице обладали исключительным правом покупки соли в Пасове и продажи ее в Чехии и Моравии только со своих складов. Не допускался обхода города стороной. Любой товар обязательно предъявляли на таможне, и за него взималась пошлина, или мыто. У нарушителей арестовывали запряжку (лошадь и воз) и товар или облагали их высоким штрафом, шедшим на ремонт дорог и городских укреплений. Контрабандистов карали со всей строгостью.

Трудно представить себе, что движение по «Золотой тропе» у Прахатиц регулировалось специальными правилами. На целых два километра протянулся настоящий дорожный узел с рядом перекрестков и соединительных ветвей. Дорога, которую веками топтало неисчислимое множество копыт и человеческих ног, уходила в землю, превращалась в глубокую колею, сохранившую для археологов богатую коллекцию подков, гвоздей, деталей упряжи, боевых топоров, предметов обихода. Прахатицкий «транспортный узел» состоял из шести колей, наибольшая достигала шестиметровой глубины и двухметровой ширины. Немудрено и заблудиться было, особенно тем, кого застигала тьма, туман, низкие облака и снежные бури. Поэтому в десять часов вечера над окрестностями Прахатиц разносился звон колокола. Одновременно это был знак тем, кто засиделся в трактире за кружкой пива: пора спать, завтра рабочий день!

«Золотая тропа» несла жизнь обширным, соседствующим друг с другом государствам — Пасовскому епископству и Чешскому королевству. Шла не только торговля, шел обмен идеями, опытом, знаниями, культурой…

Сегодня шумавские соляные дороги частично превратились в современные, покрытые асфальтом, частично используются как лесные дороги и туристские тропы, частично затерялись среди природы — лесов и полей. Их можно узнать по глубокой колее, иногда вымощенной старым позеленевшим камнем. Они ведут к развалинам замков и крепостей, древним мостам и бродам, путевым часовенкам и родникам. Они, к счастью, снова стали доступными для населения, для туризма. Открылась сеть пограничных переходов с Австрией и Германией. Закончилось абсурдное положение, о котором вспоминает знаток «золотых троп» Шумавы Иржи Андреска: «Не было никакого желания заниматься историей Шумавы в те времена, после 1950-го года, когда эти края великолепной природы в мирное время стали фронтовой зоной, «пограничной полосой», где стреляли в людей и устраивали на них облавы, как на зверя… Словарь этого края содержал такие понятия, как «стража», «нарушитель», «инженерно-технический объект», «колючая проволока», «минное

поле», «осветительная ракета», «служебные собаки», «сторожевая вышка», «автомат» и многие другие. Было бы интересно увидеть на бумаге цифры: в какую сумму обошелся этот сорокалетний фарс, а главное, скольких человеческих жизней стоил. Если бы ноябрьская революция 1989-го года не принесла ничего иного, кроме возможности снова ездить по своей земле, как все свободные, культурные люди, мне и этого было бы вполне достаточно на всю оставшуюся жизнь».

Сегодня Клуб чешских туристов вместе с 37 туристическими организациями других европейских стран входит в Общество европейского туризма EWV (Europische Wandervereinigung) с центром в Саарбрюкене. Общество возникло в 1969 году и охватывает пешими туристическими трассами практически все европейские страны. Трассы связаны между собой, протяженность их около двадцати тысяч километров.

В 1994 году Обществом торжественно открыта международная дальняя пешая трасса Е10, пересекающая и Южную Чехию: Петербург — Хельсинки — Берлин — Прага — Чешские Будеёвицы — Зальцбург — Больцано — Монако.

Не одна ли это из «золотых троп» будущей Европы, обновленной и объединенной?!

Полуторавековая история «Рукописей» с большой буквы

Есть в чешском языке слова «рукопись» и «Рукопись». Первое, с маленькой буквы, никакого иного значения, кроме прямого, не имеет. Зато второе, с большой, сразу напомнит о захватывающей своим драматизмом истории, разыгравшейся на сцене чешской культуры. Истории с насыщенным конфликтами сюжетом и яркими героями.

Во втором десятилетии XIX века образованная часть чешского общества, воодушевленная идеями национального возрождения, с восторгом приветствовала известия о находках старых пергаментов с рукописными текстами на старочешском языке.

Первый из них, называвшийся «Песнь Вышеградская», обнаружил в 1816 году молодой писатель, автор первого чешского исторического романа, талантливый поэт Йозеф Линда (1789–1834). Обстоятельства находки удивляли, правда, не меньше, чем сама находка: по словам Линды, он вынул старочешский текст из книжного переплета, последний же подкладывал себе под ноги, сидя за письменным столом.

Через год (но эта дата стала известна много лет спустя) в замке Зелена Гора у Непомука нашлась вторая рукопись «Суд Либуше», получившая название «Зеленогорская» и заглавную букву (сокращенно RZ). Небольшая пергаментная тетрадка, датируемая 10 веком, в ноябре 1818 года пришла по почте в Чешский патриотический музей в Праге. На восьми страницах, в стихах, рассказывалось о легендарном споре из-за наследства между братьями Хрудошем и Штяглавой, о княжне Либуше, рассудившей их, и о призвании первого Пршемысла на княжеский престол.

Следующей находке суждено было стать самой крупной: 16 сентября 1817 года в костеле св. Иоанна Крестителя во Дворе Кралове над Лабой молодой ученый Вацлав Ганка обнаружил в пыльном чулане вблизи хоров несколько старых пергаментов, рукописное собрание старочешских стихов XIV века. Это небольшая тетрадка из 12 листов размером 12 на 8 см вкупе с еще двумя полосками пергамента содержала целых 14 стихотворений: шесть эпических, шесть лирических и два лироэпических. Уже сами названия источали аромат старины: «О битвах христиан с татарами», «О славном поединке», «О набеге поляков»… Небольшой размер тетрадки словно бы подсказывал:

должна была принадлежать даме. Кому? Скорее всего владелице Двора Кралова королеве Кунгуте, вдове Пршемысла Отокара II, павшего в 1278 году в битве на Моравском поле. Кто мог быть автором лирических песен? Возможно, любовник королевы, Завиш из Фалькенштейна… Эта рукопись тоже была удостоена заглавной буквы и названия «Краловедворская» (сокращенно RK).

Еще год спустя обнаружилась четвертая рукопись, «Любовная песнь короля Вацлава».

Замечательным было то, что все находки обладали исключительной художественной ценностью. Современные поэты, жившие в стихии немецкого языка, еще достаточно робко осваивали выразительные средства родного чешского, а «Рукописи», особенно «Краловедворская», демонстрировали высокую поэзию, яркую образность, словесную культуру. И так писали предки еще в средние века?!

Принятые умами и сердцами просвещенной публики, «Рукописи» сыграли в национальном самосознании и в искусстве свою особую, неповторимую роль. Более того, чешское искусство XIX века вообще трудно себе представить без этих находок. «Рукописи» будили творческое воображение, вдохновляли писателей, художников, музыкантов. Без «Зеленогорской Рукописи» Сметана не создал бы свою «Либуше»: либреттисты не только воспользовались сюжетом, но и позаимствовали целые фрагменты текста.

Крупнейший чешский художник Йозеф Манес в 1856 году принял предложение издателя проиллюстрировать «Рукопись Краловедворскую». С большим энтузиазмом трудился несколько лет, нарушая поставленные ему сроки. Манес углубился в историю и старое искусство, изучал неолитические молоты и бронзовые мечи, древние браслеты и пряжки, рисовал орнаменты, широко используя в своих работах славянские фольклорные элементы. Заботясь о высоком качестве иллюстраций, художник пригласил лучших дрезденских и лейпцигских граверов по дереву. Работы Манеса стали образцом для новых поколений художников, очарованных чешской героической стариной. Среди них были Миколаш Алеш, Йозеф Мыслбек, скульптор Антонин Вагнер.

Когда на всенародные пожертвования был построен в Праге Национальный театр, Вагнер украсил его фасад фигурами мифических славянских героев, изваянных по рисункам Манеса. Знаменитый цикл люнетов в фойе театра, представляющих батальные сцены и певца Лумира, который под огромным дубом поет свою песнь и подает своим слушателям рукописные пергаменты, — это живописное воплощение «Рукописи

Краловедворской», принадлежащее Миколашу Алешу и Франтишеку Женишеку.

Сюжеты и события, о которых повествуют «Рукописи», вдохновляли композиторов Антонина Дворжака и Зденека Фибиха, писателей Яна Неруду, Ярослава Врхлицкого, Юлиуса Зейера. Перечень имен, разумеется, может быть продолжен.

Симфоническая поэма «Вышеград» из цикла Бедржиха Сметаны «Моя родина» начинается мелодией, которую играет на старинном музыкальном инструменте под названием «варыто» уже упомянутый выше певец Лумир. Первые четыре аккорда — это позывные чешского радио.

Горячий прием, оказанный «Рукописям» несколькими поколениями творческой интеллигенции и патриотически настроенной общественностью, сопровождался, однако, постепенно разгоравшимся скандалом. И первое слово в нем принадлежало Йозефу Добровскому (1753–1829). Это — уникальная фигура чешского народного Возрождения, его духовный вождь в первом поколении. Ученый-славист европейского масштаба, заложивший основы чешского литературного языка, человек аналитического ума, фантастической работоспособности и необычайно широких интересов, полиглот, владевший дюжиной языков, Добровский был непримиримым борцом за истину: «Доказательств, надежных доказательств прошу, а не предположений. Доказательств, а не риторики».

Если «Рукопись Краловедворская» подозрений у Добровского не вызвала, то к «Суду Либуше», т. е. к «Рукописи Зеленогорской», он отнесся скептически. В 1824 году в печати появилась его статья «Литературный обман». Но согласиться с тем, что перед ними подделка, патриоты не могли. Жизнь старого ученого до последних дней ее превратилась в ад. Многолетние друзья его возненавидели, он оказался в одиночестве. Стал «ренегатом», «старым дураком», «вредителем» и «предателем народа».

Сомнения в подлинности находок тем временем множились. Что в первую очередь вызывало подозрения? Недостоверные исторические факты, понятия, словосочетания, обороты речи, не существовавшие в старочешском языке; употребление грамматических форм времени, не бытовавших в то время и т. д.

В 1837 году выразил недоверие к «Рукописям» венский славист Бартоломей Копитар, к нему присоединились голоса других ученых. В 1857 году комиссия при Национальном музее, состоявшая из специалистов, заново изучила пергаменты и признала два из них — «Любовную песнь короля Вацлава» и

«Песнь Вышеградскую» — подделками. Об этом с грустью сообщал М. П. Погодину в Россию крупнейший историк славянских литератур и языков, автор знаменитых «Славянских древностей» Павел Шафаржик (1795–1861). Как и другой славный деятель чешского национального движения, историк и философ Франтишек Палацкий, Шафаржик с молодости был влюблен в «Рукописи» и искренне верил в их аутентичность.

Профессор Пражского университета, исключительный знаток старочешского, Ян Гебауер в 1881 году сообщил своим студентам, что, тщательно проанализировав обе «Рукописи», сомневается в их подлинности настолько, что исключает из лекций о старой чешской литературе и отвергает как источник при изучении старочешской грамматики.

Спустя еще несколько лет разгорится особенно яростная баталия между защитниками «Рукописей» и их разоблачителями, среди последних особенно активную роль сыграют, кроме упомянутого Гебауера, основатель научной школы историографии Ярослав Голл, эстетик Отокар Гостинский и тридцатишестилетний философ, будущий первый президент Чехословацкой республики Томаш Масарик.

Масарик не был зачинщиком спора. Переехав к этому времени из Вены в Прагу, он читал лекции в университете и выпускал научный журнал «Атенеум». Свою статью о результатах штудий «Рукописей» Ян Гебауер предложил редактору «Филологических листов», профессору Квичале, но последний, видимо, из осторожности, предложил напечатать ее у Масарика в «Атенеуме». Масарик согласился. Квичала обещал полную поддержку, однако, единомышленников предал, особенно, когда увидел, какая поднялась буря…

Подробный рассказ о двухгодичной полемике, атаках, обвинениях, упреках, то ослабевавших, то набиравших новую силу, составил бы целую книжку. Поэтому, коротко. Статья Гебауера в масариковском «Атенеуме» вышла в феврале 1886 года. Воюющие разделились на два непримиримых лагеря. Защитники «Рукописей» сплотились вокруг «Народных листов» и месячника «Освета». Если борцы за истину изыскивали новые доказательства и факты, указывали на языковые и грамматические нарушения норм старочешского языка (более тысячи, при том, что «Рукописи» содержали всего 6000 слов!), давали социологический, культурно-исторический, эстетический, палеографический анализы текста, то противная сторона, не имевшая серьезных аргументов, но одержимая слепой верой, стремилась представить своих оппонентов дилетантами, полагая,

что читающая публика во всех тонкостях спора все равно не разберется.

Масарик, по их словам, «относится к «Рукописям», как халтурщик, прикасающийся к драгоценным фрескам не кистью живописца, а мастерком каменщика». Подобные выражения принадлежали еще к самым мягким. Когда обстановка накалялась, солидные университетские профессора и журналисты, забыв о вежливости и приличиях, впадали в патриотическую истерию, не брезгуя демагогией, бранью и политическими доносами. Любой, сомневавшийся в истинности «Рукописей», сразу причислялся к «масариковской банде», становился «врагом народа, который посягает на его святыни», «герострaтом, который должен быть выставлен к позорному столбу, проклят и изолирован от общества». О самом Масарике писалось, что в нем нет ничего чешского, кроме имени и звания профессора чешского университета, его сравнивали с гиеной, которая «пробралась в святой пантеон чешской культуры, чтобы глодать и уродовать кости самых прославленных и лучших наших патриотов». «Какой народ вытерпел бы подобные атаки на свою культуру?!»

Поэтесса Элишка Красногорска опубликовала цикл стихотворений, утверждавших ее веру в подлинность старых текстов и отметавших критику, как «лженауку», которая «в жгучие раны народа» вонзает «смертельный нож…»

У кого-то может возникнуть вопрос: может быть, не стоило разрушать миф, который так льстил национальному самолюбию? Может быть, надо было сохранить его, как «святую ложь»?

Ян Гебауер отвечал: «…сокрытие правды я считал преступлением перед наукой и чешским народом… Я обязан был выступить публично. Это моя обязанность — и научная, и служебная, как профессора университета, я давал присягу быть приверженцем правды в науке». О. Гостинский характеризовал обстановку, побудившую его выступить: «…нетерпимость ликвидировала свободу слова и террором обеспечила монополию в пользу «Рукописей». Для Масарика, как философа, спор об аутентичности «Рукописей» имел огромное этическое значение. Этика не отделима от науки — это был его основной философский принцип. Этику он распространял и на политику. «Честь народа, — утверждал ученый, — нуждается в знании правды; нравственнее признать заблуждение, чем его защищать, даже если в этом заблуждении находится весь народ».

Борьба за правду обошлась Масарику недешево. Обещанную ему ординарную профессуру пришлось ждать еще десять лет. От

своего грандиозного детища, многотомного научного словаря, готовившегося под его редакцией в издательстве Яна Отто, отказался сам, чтобы не загубить саму идею предприятия. И журнал «Атенеум», финансировавшийся тем же Яном Отто, должен был выпускать за свой счет.

Баталии 1886-87 годов не поставили окончательной точки в споре, но вера в истинность «Рукописей» была сильно подорвана. В общей сложности спор продолжался полтора века. Закончился он после того, как в 1966-70 годах «Рукописи» прошли экспертизу в Пражском институте криминалистики. За палеографическим анализом последовал химический, пергаменты изучали под микроскопом, в рентгеновских, ультрафиолетовых, инфракрасных лучах…

Если «Рукописи» фальшивые, то чья же это «работа»? За руку мошенника никто не схватил, в подделке никто не признался. Но подозреваемые были. И первых назвал тоже Йозеф Добровский.

«Рукопись Зеленогорскую» принес ему, своему бывшему учителю, Вацлав Ганка, вместе с ним пришел и Йозеф Юнгман, поэт, переводчик, историк литературы, активный деятель национального возрождения, в будущем ректор Пражского университета и автор монументального (пять томов!) чешско-немецкого словаря. «Рукопись эта, — писал позднее Добровский, — которую «будители» сами составили, конечно, фальшивая, заново на старом пергаменте… написана, как я сразу из текста, едва его увидел, понял… Одного из этих господ, а то и обоих (Ганку и Юнгмана) я за сочинителей, а господина Линду за писаря держу…»

Относительно Юнгмана Добровский все-таки ошибался: в спорах о происхождении «Рукописей» имя его среди подозреваемых никогда больше не появлялось. А вот Ганка… Горячий патриот, средний поэт, переводчик «Слова о полку Игореве», знаток чешской грамматики, Вацлав Ганка (1791–1861) был страстным поклонником старины и публикатором древних чешских рукописей, благо что они у него, как у пожизненного библиотекаря Национального музея, были под руками. Склонность к мошенничеству у Ганки замечали. В молодости он подделал аттестат и рекомендательное письмо Добровского, позднее оговаривал своего учителя, когда тот был уже мертв. Казалось бы, обнаружив «Рукопись Краловедворскую» в костеле св. Иоанна Крестителя, Ганка должен был помнить, где она находилась, но путался: то нашел ее якобы «под шкафом», то «на дне шкафа», то «за шкафом».

А вот о лаврах и славе не забывал никогда. Был награжден

орденом св. Владимира, осыпан наградами австрийских императоров и русских царей, удостоен звания почетного доктора многих европейских университетов. На торжественных похоронах за его гробом шли десятки тысяч провожавших, в числе их — представители высших культурных и политических кругов.

Современники, знавшие творческие возможности Ганки, не допускали, однако, мысли, что он способен создать вещи такого высокого качества, как «Рукописи». Подозрение пало на Йозефа Линду. Он был из круга друзей Ганки: в то время они снимали на двоих одну квартиру и были влюблены в дочку хозяина дома. Рассорились, когда Ганка на ней женился.

Среди сообщников Ганки называют и его близкого друга Алоиза Свободу (1791–1849), очень талантливого поэта, филолога и актера-любителя. Уже в университете он мог свободно импровизировать на нескольких языках, в том числе на латинском. В 1815 году играл в первой пьесе Вацлава Клицперы «Бланик» роль злого Збыгоня. Появившаяся двумя годами позже «Рукопись Краловедворская» включала в себя стихи похожего содержания, в которых фигурировало то же имя «Збыгонь», хотя впервые оно появилось только в пьесе и было придумано ее автором, о чем Свобода мог не знать…

То, что на разоблачение подделки ушло полтора века, свидетельствует о чрезвычайно высоком профессионализме фальсификатора. Взяв из старых книг настоящие средневековые пергаменты (например, для «Рукописи Зеленогорской» — латинские псалмы Соломона), он удалял водой, химикалиями и механическим путем первоначальный текст, оставляя от него лишь фрагменты — цветные заглавные буквы, миниатюры, которые создавали бы впечатление подлинности. Для каждого типа пергамента находил оптимальный состав чернил, очень прочно приставших и отлично имитировавших патину и «цвет старины». «Рукопись Краловедворская» написана раствором железистой соли, «Зеленогорская» — смесью солей меди и железа, «Песнь Вышеградская» — растительными и животными красками, «Любовная песнь короля Вацлава» — суспензией сажи. Текст выглядел чрезвычайно красивым и чистым.

Такого уровня, по мнению специалистов, мог достичь только Франтишек Горчичка (1776–1856), один из близких друзей Ганки, бывший даже свидетелем на его свадьбе. С 1808 года Горчичка был хранителем картинной галереи в замке Зелена Гора у Непомука (!). Уже в школе выделялся как искуснейший рисовальщик, окончил Пражскую художественную академию, был тщеславен, считал себя лучшим портретистом Европы. В Пражском техническом университете Горчичка дополнительно

посещал лекции по химии и краскам, проводил самостоятельные опыты, разыскивал рецепты составления красок, изучал технику живописи старых мастеров. Стал уникальным реставратором. Тоже был влюблен в чешскую старину, живо интересовался славянскими и старочешскими литературными и художественными памятниками.

Вообще, все, кто «нашел» «Рукописи», принадлежали к ближайшим друзьям Ганки!

В мистификации с «Рукописями» чехи не были оригинальными. Наступавший романтизм воспевал сильную личность, способную на мужественные поступки. Народы хотели иметь письменные подтверждения существования своей древней истории, полной храбрых благородных героев, побеждающих в битвах с недругами. У греков был Гомер, у французов — «Песнь о Роланде», у немцев «Песнь о нибелунгах»… А у нас?

Во второй половине XVIII века появляются на свет старые легенды и песни кельтов, связанные с именем барда Оссиана. Но оказалось, что «Песни Оссиана» написал современный шотландский поэт Джеймс Макферсон. Баллады, эклоги, трактаты на средневековом английском тоже, как выяснилось, принадлежали не Раули, жившему в XV веке, а Томасу Чаттертону, поэту второй половины XVIII века…

Надо вдобавок представлять себе общественную атмосферу в тогдашней Чехии. Двести лет народ не имел своего государства. Жил в Австрийской империи, бок о бок с немцами и их культурой. Чехи принялись возрождать свое национальное самосознание на идеалах просвещения. Если окружавшие их немцы, евреи, англичане получали образование, как само собою разумеющееся, не отводя ему особого места в шкале жизненных ценностей, и с головой уходили в предпринимательство, то чехи ценили образование превыше всего. Семьи самоотверженно помогали своим сыновьям учиться, чтобы сделать престижную карьеру врача, государственного чиновника, служащего. Проявляя горячий интерес к своему языку и культуре, эта молодая чешская интеллигенция не обладала еще высокой духовностью и широким кругозором, не была философски искушенной. Чувство неполноценности маскировала высокомерием: «В наших простонародных пословицах больше здоровой философии, чем во всех системах прославленного философского народа». Нетрудно заметить здесь камень, брошенный в немецкий огород, где философия действительно достигла высочайшего расцвета. Понятно, что патриотизм такого сорта неразборчив: сойдет и ложь! А если она еще и талантлива!

Ни у кого не вызвала подозрения частота находок, следовавших одна за другой с годовыми интервалами. Зато сочинители чувствовали, что именно будет иметь успех. В «Рукописи Зеленогорской» один из героев, Ратибор, заявляет: «Непохвально нам у немцев право искати, у нас право по закону святому, который принесли отцы наши…». Антинемецкая направленность присутствовала и в двух из четырнадцати стихотворений «Рукописи Краловедворской». В австрийской монархии времен Меттерниха подобные националистические пассажи цензура не пропускала, но по какому праву она вмешивалась бы в тексты средневековых литературных памятников?! Так что фальсификаторы отлично понимали, как можно ее обойти.

А чего они точно не знали и не могли предвидеть, так это грядущего уровня развития науки и методов анализа! Русское «Слово о полку Игореве» часть славистов, среди них французских, тоже не воспринимает как древний памятник, относя его ко второй половине XVIII века. Сгорев при московском пожаре 1812 года, «Слово» избежало комплексного скрупулезного изучения следующими поколениями ученых, вооруженных новыми знаниями и научными средствами, и сохранило свою тайну. Чешским «Рукописям» с большой буквы в этом плане здорово не повезло…

«…Великолепная актриса и гениальная женщина»

Это был подлинный триумф. Занавес то опускался, то поднимался снова: который раз — никто уже не сказал бы. Аплодисменты, чуть затихнув, вспыхивали с новой силой, перекрываемые возгласами одобрения и восторга. Все три тысячи триста мест нью-йоркской Метрополитен-оперы были заняты. «Бриллиантовая подкова» — так называли ложи, сверкавшие драгоценностями богатейших дам Америки — едва ли уступала остальному залу в проявлении своих чувств. А уж она была избалована, покупала за свои деньги все, что ей хотелось!

Примадонна Эма Дестин пела здесь впервые. Ее выступлением в опере Верди «Аида» 16 ноября 1908 года открывался очередной сезон. Приглашение на открытие сезона в Метрополитен-оперу — само по себе великая честь. Но партнером ее был Энрико Карузо! А за дирижерским пультом, тоже впервые в этом зале, стоял Артуро Тосканини! И остальные партии оперы пели звезды мировой величины!

На другой день пресса, захлебываясь от восторга, будет писать о непревзойденной исполнительнице эфиопской рабыни: «это вообще то наивысшее, что теперь можно на оперной сцене услышать и увидеть». «Я сидела, наклонясь вперед и боясь повернуть голову, — читаем другое свидетельство, передающее атмосферу третьего действия оперы, на берегу Нила, в зелено-голубом свете месяца, — ибо малейшее движение, даже взгляд, казалось, могут разрушить серебряный блеск голоса Дестин. А этот божественный голос поднимался все выше и выше, как ослепительная точка, пока не погас в глубочайшей тишине…»

В роду Эмы Дестиновой — имя этой певицы в Чехии звучит так — все были необыкновенными. Дед Ян Киттл пришел в Прагу без гроша и устроился учеником пивовара. Сколько же надо было упорства и целеустремленности, чтобы оставить в наследство своему сыну несколько пивоваренных заводов, спиртовой завод, двадцать три доходных дома и много земельных участков! Сын Эмануел в предпринимательстве был полной противоположностью отцу, хотя попытки делал. Пустился на добычу серебра и сурьмы, ничего не вышло. Понял, что каждому свое.

Был страстно влюблен в литературу и отцовский капитал тратил на меценатство. Финансировал издание нескольких

чешских журналов, помогал писателям, которые обычно происходили из небогатых семей и не имели средств на закордонные вылазки. С Яном Нерудой отправился на Ближний Восток и на юг Европы, ему обязан классик рождением удивительной книги «Картины из заграницы», изданной с посвящением «Эмануелу Киттлу, верному другу и товарищу по странствиям», чем адресат всю жизнь гордился.

Этот богатый буржуа вел светскую жизнь, любил вино, карты, красивых женщин, вечера и ночи проводил среди веселой пражской богемы, его обожали за доброе сердце и, не в последнюю очередь, за то, что он платил. Женился на бедной скромной девице из провинции, Йиндржишке Шрутовой, прельстившись ее свежестью и неопытностью; чуткий на таланты, обнаружил у нее певческий дар, заставил учиться в Праге, Милане, Париже; два года она состояла в труппе Парижской оперы. Но певческую карьеру и пятеро детей совмещать трудно…

Эма была одной из пяти. Родилась ровно в полночь, с 26 на 27 февраля 1878 года, в Праге на Катержинской улице, недалеко от сумасшедшего дома. Утром за окнами двигалась похоронная процессия. Мудрые люди успокаивали: это к счастью, как и разбитая посуда.

Эма была «enfant terrible», сорви-голова, с необузданным темпераментом и буйной фантазией. Характер у нее был скорее мальчишеский: шалостям, проказам дома и на улице не было удержу, она действовала на нервы домашним и соседям и разрушала представление о том, каким должен быть ребенок в богатой культурной семье. Только отец был и на всю жизнь остался ее лучшим другом, снисходительно смотрел на ее проделки и с восторгом принял известие о ее музыкальной одаренности. Дочь училась играть на скрипке, потом на рояле, а с четырнадцати лет занималась пением у прекрасных пражских педагогов, супругов Лоу: Томаша, концертмейстера, и Марии, бывшей певицы Венской оперы, в совершенстве постигшей итальянскую школу пения. Пять лет студий у таких мастеров! «Если из нее не выйдет мировая знаменитость, можете при всех назвать меня ослом!» — говаривал отцу Эмы маэстро Лоу.

Одновременно дочь посещала драматическую школу Национального театра, где ее педагогом была Отилия Скленаржова-Мала, в прошлом лучшая драматическая актриса этой сцены. Как учебу театральному искусству можно расценивать и литературные опыты Эмы Киттл: в эти же годы она написала семь пьес, они были поставлены в пражских театрах — в Народном доме на Виноградах, в Швандовом театре на Смихове, на любительских сценах.

Вообще, она писала с четырнадцати лет и до конца жизни: пьесы, стихи, романы. Переводила. Немецким и чешским владела, как родными, Прага в ту пору была двуязычной. Позднее, в Берлине, издала два сборника стихотворений на немецком. Также владела английским, итальянским, французским. С русского переводила, но говорить на нем ей было трудно.

«Enfant terrible» превращался в «божественную Эму», окруженную толпой поклонников, но привычки, сложившиеся в пору детских игр со сверстниками, сохранялись: любила повелевать и потакать своим капризам. Предостережение Мюссе «с любовью не шутят» прочувствовала на себе, влюбившись в красавца-спортсмена, многократного чемпиона в гонках на велосипеде, но избранник или не любил ее, или испугался ее властолюбия и страсти. Эма в отчаянье спрыгнула бы с балкона, если бы друг семьи, оказавшийся поблизости, не схватил ее за косу: распущенная, она достигала колен. Эма не раз будет дорого платить за свою страсть и тянуться к тем, которые ее мучат. Как отметит будущий биограф, у этой «фатальной женщины», одинаково великой актрисы и великой любовницы, сексуальность была так сильна, что нередко определяла ее судьбу и часто вела путями, которые при ее интеллекте были непонятны своей противоречивостью.

От своего отца Эма унаследовала любовь к веселым компаниям, прекрасно чувствовала себя в кофейнях и винных погребках среди гуляющих актеров, художников, писателей, знала их сленги, ценила дух товарищества и добродушный юмор, играла на бильярде. Как бы ни осуждали окружающие ее склонность к богеме, неприличную для девушки из богатой семьи, Эма оставалась сама собой. Выросла свободным человеком. И, как отец, всю жизнь оставалась чешской патриоткой. Когда между пражскими чехами и немцами возникали стычки, юная Эма охотно в них ввязывалась и даже высадила как-то стекло в немецком казино на Пржикопе…

В Национальный театр Праги девятнадцатилетняя Эма Киттл пришла на просмотр к директору Шуберту. Спела две арии Кармен. Директор был предубежден и груб. Сказал, что во время пения она слишком волнуется, и посоветовал принимать холодный душ. Комиссии заявил, что у претендентки нет голоса.

В Дрезденской опере, в том же году, Эму Киттл тоже не оценили: якобы не музыкальна…

В Берлине ее ждала новая неудачная попытка в одном из театров. Но, как известно, смелость города берет. Эма отправилась прямиком в Королевскую придворную оперу.

Директор не хотел брать конкурентку своей жене, зато интендант, граф Хохбергер, сам писавший музыку и знавший в ней толк, приглашавший к дирижерскому пульту Рихарда Штрауса и других крупнейших музыкантов, сразу понял, кто перед ним.

19 июля 1898 года после единственной репетиции Эма спела в опере Масканьи «Сельская честь». Накануне она запросила по телеграфу у своей любимой учительницы Лоу согласия воспользоваться ее сценическим псевдонимом, и та согласилась. Собственная фамилия Эмы для сцены не годилась, а в псевдониме звучало английское слово «судьба», и, как выяснилось на следующий день, судьба молодой певицы была решена: родилась новая оперная звезда!

Наутро газеты были единодушны в своих оценках: «это поразительно, что она уже может», «после такого удачного начала надо ожидать прекрасной карьеры», «произвела в роли Сантуцци такое великолепное впечатление, что нам из всех знаменитых исполнительниц этой роли в Берлине кажется самой привлекательной, хотя есть среди них артистки с прекрасной репутацией и с большим сценическим опытом».

Слава Дестиновой росла с каждым спектаклем. На сцене певица чувствовала себя как дома. Без подготовки заменяла заболевшую примадонну. Без репетиций спела партии Миньон в одноименной опере Тома и Элизабет в вагнеровском «Тангейзере». За два часа до начала спектакля приняла роль Маргариты в «Фаусте» Гуно. Никогда прежде эти партии на сцене не исполняла, не боялась идти на риск. Могла сама выучить музыкальный и литературный текст, понять характер героини и придумать ей костюм, найти выход из любой ситуации на сцене.

Император Вильгельм II встретил Эму Дестинову с восторгом, завязал с ней дружбу. Но певица не побоялась разорвать ее после того, как ей наскучило ежедневно петь ему арию графини из «Свадьбы Фигаро». Это не помешало ей позднее получить титул прусской придворной камерной певицы.

Вдова Рихарда Вагнера Козима пригласила Дестинову выступить в Байрейте. Этой огромной чести удостаивались только мировые знаменитости. На фестивале царил культ Вагнера, который певица не разделяла. Она согласилась поехать туда лишь по настоянию отца. Перед выступлением заболела ангиной, но на сцену вышла. Успех ее Зенты в «Летучем голландце» 22 июля 1901 года был ошеломляющим. «Это серебряный орган, во всех регистрах полный сладострастного очарования, всегда прекрасный и совершенный…, - писал «Берлинский биржевой курьер». — Сегодняшний день принес фроляйн Дестин мировое

признание».

Роль Кармен принадлежала к числу особенно любимых певицей: героиня была близка ей характером и темпераментом, та же независимость, та же свобода, то же пренебрежение условностями, то же отношение к любви.

Рихард Штраус написал для Дестиновой партию Саломеи в одноименной опере. Певица колебалась: надо было пожертвовать своим бельканто ради музыкального модерна. Боялась за свой голос. В конце концов согласилась. Премьера состоялась 9 декабря 1905 года под управлением композитора. «Ее Саломея была так великолепна и непревзойденна, что рядом с ней почти забылось об авторе оперы Рихарде Штраусе», — писал один из критиков. «Ныне случилось чудо! — вторил ему другой. — Что все эти драгоценности, которые предлагает ей Ирод, в сравнении с опалами и топазами, хризопразами и агатами, в сравнении с садами и королевствами, заключенными в этой душе! Дайте нам этот тициановский голос, чтобы он остался у нас навсегда!»

Чем выше восходила звезда Эмы Дестиновой в Западной Европе, тем горячее ее любила Прага. Директор Шуберт уже на следующий год после отъезда Эмы в Берлин пригласил ее на «пробу», но получил отказ.

Певица приезжала домой в Прагу при любой возможности, не могла жить без ее средневековых башен, улочек, мостов, без моря красных черепичных крыш, расстилавшихся за окном своей комнаты, без старых друзей.

Прага впервые услышала ее в 1900-м, прием превзошел все ожидания. Репертуар с каждым годом расширялся: «Кармен», «Миньон», «Проданная невеста», «Аида», «Летучий голландец», «Далибор», «Африканка», «Сельская честь», «Паяцы», «Тангейзер»… Концерты. Национальный театр принимал ее как почетную гостью. Празднично украшенные залы. Патриотические манифестации.

В 1909 году Дестинова покидает Берлин, где за десять лет спела 54 оперные партии и выросла в певицу мирового масштаба. Исполняла здесь, между прочим, и роль Лизы в «Пиковой даме».

Причины ухода накапливались постепенно. Свободно высказывала свои мнения, которые не всем нравились. Уменьшалось количество ролей. Пожертвовала часть гонорара чешской патриотической организации. «Свою национальность никогда не скрываю и роль ренегатки играть не буду, — заявила Дестинова. — Далеко бы мы зашли, если бы в сугубо личных делах художники подвергались контролю со стороны

политических кругов. Не думаю, чтобы подобная опека понравилась итальянским, французским или американским артистам».

Не последнюю роль играли настойчивые многолетние приглашения нью-йоркской Метрополитен-оперы. Предлагаемый ей гонорар за пять месяцев достигал 200 тысяч марок.

Тем не менее, расставание с Берлином Дестинова переживала тяжело, сказала даже, что для нее это — смерть. На прощание выступила в «Мадам Баттерфляй» и дала концерт славянской музыки. Берлинская публика горевала: десять лет Эма была для нее «ангел во плоти» и «наша Дестин»…

В конце XIX — начале XX века Америка стремилась стать центром музыкальной культуры. Пригласила Дворжака организовать консерваторию, в 1893 открыла Метрополитен-оперу, куда звала лучших певцов и музыкантов мира. Гонорары были сказочные. Шли лучшие оперы, уже завоевавшие мировое признание, чаще итальянские, с полюбившимися мелодиями и бурными страстями. Исполнителям репертуар был хорошо знаком: не надо было долго спеваться и сыгрываться. Карузо, Скотти, Амато, Тосканини, Малер, Вейнгартнер, Мук — имен певцов и дирижеров с мировыми именами можно назвать много. Теперь в этом созвездии появилось имя Дестиновой.

Условия работы были тяжелее, чем в Европе. Труппа выступала не только в Нью-Йорке: гастролировала в Чикаго, Балтиморе, Филадельфии, Бостоне, Вашингтоне… Артисты нередко проводили в поезде по сорок часов, дорога изматывала. «Лучше картошку копать», — жаловалась Эма в письме к отцу.

Здесь, как и в Берлине, Дестинова стремилась познакомить американского слушателя с чешской музыкой. На сцене появилась «Проданная невеста», дирижировал Густав Малер. Сметана стал знаменит. «Кто из нас еще неделю назад знал это имя?!» — вопрошал критик в «Нью-Йорк Геральд Трибюн».

Огромный успех выпал на долю «Девушки с Запада». Десятидолларовые билеты спекулянты продавали по 150. Опера-вестерн, первая на американскую тему, рассказывала о временах «золотой лихорадки» в Калифорнии. Пуччини видел в роли Минни только Эму Дестинову. Но какой вестерн обойдется без коней?! Героиня должна была скакать по сцене верхом и спасти возлюбленного от петли. На одной из репетиций, испугавшись яркого света юпитеров и грома оркестра, конь выбросил певицу из седла, и неизвестно, чем бы это кончилось, если бы ее не поймал на лету ловкий и сильный коллега. На премьере 10 декабря 1910 года героиня вела скакуна под уздцы: не так

эффектно, зато безопасно… Пели Карузо и Амато. Дирижировал Тосканини. Занавес поднимался и опускался пятьдесят раз! После первого действия директор театра перед рампой увенчал Пуччини серебряным венком с лентами, окрашенными в цвета итальянского и американского флагов. Дирижер подарил Дестиновой свою палочку, которую она, как дорогую реликвию, хранила всю жизнь. Последовали спектакли в Чикаго и Бостоне, потом в лондонском Ковент-Гардене. Тосканини перенес постановку в Рим, а в 1912 году — в миланский Ла Скала…

Дестинова спела в Америке 21 оперную партию. Выезжала на гастроли в Гамбург, Стокгольм, Будапешт, Брюссель, Лондон, Вену, Прагу, Берлин. Имя ее знали, кажется, все. Американские миллионеры приглашали ее на домашние вечера, за несколько номеров платили по 100–150 тысяч долларов. Дестинова такие вечера не любила, если можно было отказаться, отказывалась. Ее имя присваивалось модным салонам, редким сортам роз, дорогим конфетам и сигарам.

С началом первой мировой войны, приезжая в Прагу, певица предпочитала выступать в чешских операх, чаще в «Либуше» и «Далиборе» Сметаны. Они отвечали ее настроению и настроению публики, охваченной патриотическими чувствами. Когда легендарная княжна Либуше, основательница династии чешских королей Пршемысловцев, молилась о благе народа, который преодолеет все беды, зал слушал ее со слезами на глазах.

Дестинову все больше тянуло домой, хотелось помочь родине в ее драматические минуты, и в январе 1916 года она сделала выбор — решила оставить Америку.

Ее предостерегали: попадете в ловушку, погубите карьеру. Немецкая и австрийская полиции подозревали ее в связях с чешскими политиками, боровшимися за государственную независимость страны. Подозрения не были случайными…

Есть две версии о том, как Эма Дестинова пересекала границу. По одной, у нее обнаружили секретные документы. «Знаете, что вас ждет?» — спросили ее. «Смерть», — отвечала она спокойно. Вмешательство немецкого императора Вильгельма II спасло ее от тюрьмы, но не освободило от слежки… По другой версии, она спрятала бумаги в корзине под подушкой, на которой сидела ее любимая кошка. Приказ об аресте пришел позднее, когда таможенный чиновник отпустил ее, и опасный документ уже попал к адресату.

Дестинова и в самом деле попала в ловушку — у нее отняли паспорт.

Работая в Берлине, а потом в Нью-Йорке, певица в летние месяцы всегда старалась приехать домой, в Чехию. Снимала в живописных местах замочки, окружала себя друзьями, гостившими у нее, не знала цены деньгам. Радовалась природе, бродила по лесам, собирая грибы и ягоды, часами просиживала на рыбалке. С удовольствием меняла свои элегантные наряды из дорогих салонов на простую удобную одежду и сапоги.

Перед самой войной Дестинова купила старинный двухэтажный замок в одном из живописнейших уголков Южной Чехии, в Страже над Нежаркой. Теперь этот замок стал местом ее недобровольного заключения. Пропал договор на 70 выступлений, подписанный с Метрополитен-оперой и нью-йоркской филармонией. Надо было ждать лучших времен. Пока занялась хозяйством. Ведь она стала владелицей не только самого замка, но и пивоваренного и спиртового заводов, электростанции, виллы, мельницы, сада, лесов, нескольких прудов и хозяйственных построек. Опыта управления таким имением у певицы, естественно, не было. Ведь оно уже несколько раз переходило из рук в руки, оставаясь экономически убыточным. Пришлось и ей вкладывать в него все новые и новые средства. Капитал, заработанный за океаном, начал таять…

Дестинова принялась обставлять замок по своему вкусу. Множество редких ценных вещей и целых коллекций, приобретенных в Европе и Америке и украшавших ее бывшие дорогие апартаменты, теперь сосредотачивалось здесь. Замок превращался в музей: наполеоновский салон, японская, арабская, ампирная, золотая комнаты, музыкальный салон с «Бехштейном», «Блютнером» и коллекцией других инструментов, большая и малая столовые, комнаты в старочешском стиле, комнаты с городской и сельской мебелью, охотничий салон. Библиотеку украшали Боккаччо, Казанова, Гофман, лучшие сочинения эпохи классицизма и романтизма, сказки, книги по медицине, хиромантии, алхимии, астрологии; гербарии.

В сводчатой камере под башней, гостя, открывавшего дверь, встречал пляшущий скелет, у трех больших сов зажигались глаза, тропический паук раскачивался под потолком, змея принимала угрожающую стойку, на разлагающемся трупе, лежавшем в открытом гробу, копошились черви, а у окна сидел монах и читал книгу. Memento mori! Но Дестинова, наверное, не была экстравагантнее Сары Бернар, спавшей в гробу…

Австрийская монархия между тем рушилась. Дестинова следила за событиями, писала политический манифест, на концертах опоясывалась лентой с цветами национального флага.

Десятки раз выступала на сцене Национального театра. 22 декабря 1918 года участвовала в манифестации народа и искусства, на которой присутствовал только что вернувшийся из Америки первый президент Чехословакии Томаш Масарик.

Границы для Эмы Дестиновой были снова открыты.

В 1919-21 годах певица трижды совершала турне по Америке. Представляла чешское искусство в Западной Европе.

Однако мир был уже иным. Пришла новая эпоха. Война оказалась не просто мясорубкой, унесшей миллионы жизней. Изменились пережившие ее люди. Изменились их интересы и вкусы. Входило в жизнь новое поколение. Восторженные поклонники уже не выпрягали лошадей из карет примадонн, чтобы самим довезти их до отеля. В музыке победно царил джаз. Зритель толпой валил в кино, где в моду входили стройные женские фигуры. Новые молодые дарования заняли на сценах театров места прославленных звезд.

Интерес к Дестиновой падал. В 1924 году она последний раз пела в Национальном театре. Хотя продолжала концертировать в Праге и в провинции. Хотела преподавать в Пражской консерватории, но интриги помешали ей получить место. Правда, США предлагали профессуру во Флориде, но певица не хотела оставлять дом. Давала частные уроки, режиссировала в местном любительском театре, написала роман-хронику о бывших владельцах своего замка (1750 страниц!), но успеха у читателей не имела; другой роман «Казанова» остался в рукописи. Издала антологию чешских поэтов на немецком, переводила с немецкого, с французского, с русского — 24 романса Чайковского, еще девять других русских романсов.

В 1923 году Дестинова вышла замуж за Йозефа Хальзбаха, именовавшего себя «Джо». Муж-чех — это отвечало ее принципам! Но Джо, торговавший в мирное время москательными товарами, а в войну дослужившийся до старшего лейтенанта авиации, не интересовался ничем, кроме самолетов и автомобилей. Он фотографировал с воздуха Страж над Нежаркой и принес певице снимки. Увлекшись его простотой и молодостью, Дестинова делилась с ним самыми сокровенными мыслями и переживаниями. Интерес великой певицы ему льстил, но чем дальше, тем больше он чувствовал себя узником ее славы. Недвижимость была ему по душе до тех пор, пока он не понял, что хозяйство убыточно. Тогда он махнул на все рукой. Часто оказываясь без денег, делал долги, тайком продавал редкие антикварные вещи и проматывал давно таявший капитал своей жены… А ведь Дестиновой восхищались, и не только как певицей, Карузо, Тосканини, Пуччини!

Артистка быстро старела, только ее великолепное драматическое сопрано, которое пытались описывать музыкальные критики всей Европы и Америки, соревнуясь между собой в поэтических сравнениях и эпитетах, оставалось таким же, как в молодые годы. Это подтверждают все, кто ее тогда слышал. Хотя таких было немного. Она все больше сторонилась людей, уходила в себя: «Нет, я не верю людям и не люблю их. Куда лучше вода и солнце, деревья и животные! Часами сижу неподвижно у заводи над Нежаркой, неделями горевала я над деревьями в парке, вывороченными смерчем… И самые горячие объятья однажды охладевают, и самое верное сердце предает; самые сладкие воспоминания однажды прогоркнут, и не останется ничего, кроме никогда не исполнившихся желаний и печали. Слейтесь с природой и не требуйте ничего от людей».

Последнее в своей жизни Рождество провела в одиночестве.

28 января 1930 года поехала в Чешские Будеёвицы к врачу по поводу кровоизлияния в глазу. На приеме ее разбил паралич, отнялась правая половина тела. Была перевезена в городскую больницу, где, не приходя в сознание, через три часа скончалась.

Похороны в Праге были пышными и многолюдными. Процессия двигалась мимо Национального театра на Вышеград, где на кладбище Славин нашли последний приют самые замечательные люди земли чешской…

«С Эмой Дестиновой ушла от нас одна из величайших певиц и один из красивейших голосов этого столетия», — откликнулся на трагическую весть Рихард Штраус.

Поселившись в Страже над Нежаркой, пражанка Дестинова связала свою биографию с Южной Чехией. Замок ее по разным причинам не стал мемориальным центром. Лишь некоторая часть когда-то украшавших его интерьеры фотографий и редких вещей, принадлежавших певице, представлена сегодня в постоянной экспозиции музея в Йиндржихувом Градце. Но зато Южная Чехия стала местом рождения Международного музыкального фестиваля имени Эмы Дестиновой. Он проводится с 1990 года в последней декаде августа — первой декаде сентября. «Изюминкой» каждого фестиваля является гала-концерт оперной музыки, в котором обязательно принимает участие одна из мировых звезд, поющих там же, где пела Эма Дестинова: в нью-йоркской Метрополитен-опере и в лондонском Ковент-Гардене.

Недалеко от замка, на берегу Новой реки, уже триста пятьдесят лет стоит могучий дуб, под которым певица любила

сидеть и размышлять; природа успокаивала ее, Эма разговаривала с птицами и подражала их голосам… Гранитный памятник, установленный здесь, сохраняет ее стихи-эпитафию, родившуюся, может быть, именно в этих местах: «Живые, пока вам дано с улыбкой на эти красоты взирать, вспомните, глядя на птиц перелетных, что снега белей, сиротство моей души, которая, верю, в одной из них воплотилась, и возвращается снова и снова в места, где когда-то счастливой была». Под стихами выбиты инициалы «E.D.»

«Великолепная актриса и гениальная женщина», по словам известного писателя К. Чапека-Хода, хорошо ее знавшего.

Последнее пристанище Ярослава Гашека

Этот небольшой приземистый домик, зацепившийся за крутой склон зеленой горы на завитке дороги, кажется еще меньше из-за того, что стоит под стенами монументального древнего замка с уходящими в небо крепостными стенами и башнями. Таких средневековых замков, хищно угнездившихся на вершинах скал, как напоминание о воинственных амбициях своих хозяев, в Чехии много. Кто были эти хозяева, сегодня мало кто помнит. Зато хозяина маленького домика на склоне горы знают миллионы читателей во всем мире: Ярослав Гашек. И адрес его последнего пристанища назовут многие: Липнице над Сазавою.

Неожиданный сюрприз: с дороги дом выглядит одноэтажным, на самом деле этажей — три. Мемориальные комнаты музея Гашека. Группы экскурсантов, приезжающие автобусами, и отдельные посетители… Документы, фотографии, афиши, письма, книги, личные вещи. Вот метрика: родился 30 апреля 1883 года в Праге. Аттестат об окончании торговой академии. Письмо Гашека Ярмиле Майер, своей будущей жене, на бланке журнала «Мир животных». Брачное свидетельство от 23 мая 1910 года. Лицензия на торговлю собаками — на имя жены. Больничный лист о пребывании в клинике для душевнобольных после попытки самоубийства. Гашек — солдат 91-го пехотного полка в чешскобудеевицкой больнице в 1915 году. Документ австрийской армии о побеге Гашека на русский фронт. Анкета, заполненная перед отъездом из России домой: «Ярослав Романович (?!) Гашек». Партийный билет. Фотографии писателя в кругу друзей. Гашек с сыном Рихардом и женой Ярмилой. Высказывания писателей, актеров, режиссеров об авторе «Похождений бравого солдата Швейка». Триумфальное шествие романа по всему миру. Последняя фотография, снятая в ноябре 1922 года, когда больной Гашек из своего дома уже не выходил. Афиши фестивалей юмора и сатиры в Липнице, начиная с первого — в 1959-м…

В Липнице Гашек попал совершенно случайно. В августовский день 1921-го с кувшином в руке он вышел из дома за пивом и возле вокзала неожиданно наткнулся на своего старого друга, художника Ярослава Панушку, который как раз собрался в Липнице, где еще перед войной написал много живописных полотен. Какой произошел разговор, неизвестно, но в

Липнице они отправились вместе. Ни новая жена Гашека Шура, приехавшая с ним из России, ни приятель Франта Сауер, у которого они жили, не знали, куда он исчез. Сначала и он не давал о себе известий, но через пару дней объявился… Отлучка длилась три недели.

Гашек поселился в гостиничке «У коруны», или «У Инвальдов», как ее чаще называли по имени владельцев. Небольшая комната на первом этаже, с кафельной плитой и умывальником, была разделена цветастой испанской ширмой на две половины, одна служила кухней, другая — спальней и кабинетом.

В исчезновении Гашека из Праги не было ничего странного. Он всегда был бродягой, непоседой, был, как говорится, непредсказуемым. Теперь же он чувствовал себя особенно скверно…

Минуло уже восемь месяцев с тех пор, как он вернулся из большевистской России. Снабженный агитками, инструкциями, деньгами в немецких марках и личным удостоверением на имя австрийского военнопленного Йозефа Штейдла, Гашек должен был по заданию чешских коммунистов в Москве помочь революционному движению у себя дома. Сначала увлеченный этой идеей, Гашек чем дальше, тем больше остывал, сомневался, медлил, а в Праге появился в те дни, когда зачинщики переворота уже сидели на скамье подсудимых по обвинению в предательстве.

Встретили Гашека враждебно. Даже многие бывшие друзья, избегая встречи с ним, переходили на другую сторону улицы. Социал-демократы видели в нем провокатора. Гашек опасался слежки со стороны полиции, судебного преследования за побег из чешского легиона; легионы эти, как известно, формировались в России из числа пленных.

Ходили слухи, охотно распространявшиеся и газетчиками, о невероятной жестокости Гашека: велел якобы расстрелять тысячи легионеров и всю семью Шуры тоже расстрелял, чтобы сделать ее своей рабыней. О Шуре писалось еще, что она — не кто иная, как княжна Александра Львова, внучка председателя Первой Государственной Думы. В действительности все было проще. Гашек познакомился с ней в Уфе, в мае 1920-го, заявив, что холост и детей не имеет. Теперь, в Праге, ко всем неприятностям добавилась еще одна: обвинение в двоеженстве. С Ярмилой Гашек не был разведен, у него рос сын. К счастью, вмешалась политика: Чехословакия не признавала советские законы, и брак Гашека с Шурой считался недействительным.

Гашек был подавлен. Эмил Лонген, художник, актер, драматург, вспоминал: «Никогда перед войной я Гашека в таком

состоянии не видел. Пил и пел, пил и бранился. Бранился с нами и со всем светом…» Гашек возвращался в мир богемы, в пьяный гвалт кабаков, защищаясь иронией, мистификацией, надевая на себя разные клоунские маски. Меланхолия овладевала им. Пытаясь найти опору в жизни, разыскал Ярмилу с сыном, писал ей отчаянные письма: «Обещаю тебе, что буду порядочным человеком. Пускай это будет первое обещание, которое исполню. Пить совсем перестану, что было бы хорошо, ведь в России годами, пока служил у большевиков, не пил нисколько. Рад был бы видеть тебя с сыном… Прошу тебя о встрече, если не стыдишься меня…»

Они встретились. Гашек считался погибшим на фронте и был представлен сыну как «дядюшка», «пан редактор». Но слова, данного Ярмиле, не сдержал: в другой раз приехал со своей новой книгой, подписанной «Дорогому сыну Ярослав Гашек».

Ярмила прекрасно понимала мужа, обладала художественным интеллектом, писала сама и раньше многих оценила его великолепный талант. Знала, что вести рутинную семейную жизнь он не способен, был, по ее словам, «лишен чувства ответственности». Шура не упрекала Гашека, видела его отчаянье, и он не уходил, оставаясь ей единственной опорой на чужбине.

Несмотря на все напасти, обрушившиеся на Гашека, он работал. Печатался в газетах. Выходили новые книги. Его возраставшая скандальная популярность привлекала к нему издателей, надеявшихся заработать хорошие деньги. Гашека считали единственным, кто постиг «тайны красного Востока». И он не скупился на обещания. Кому сулил «Швейка в русском плену», кому «Швейка у большевиков», кому «Швейка в Бугульме». Издатели, в свою очередь, не скупились на задатки будущих гонораров и вместе с Гашеком радостно потирали руки.

А он тем временем писал свою главную книгу: первый том «Похождений бравого солдата Швейка» был закончен…

В Липнице, в тот же номер гостиницы, Гашек вернулся вместе с Шурой. Всегда любивший шумные компании, застолья, веселые истории и анекдоты, писатель вскоре обзавелся множеством новых друзей, людей самых разных взглядов, возрастов, профессий. Это — хозяин гостиницы, Александр Инвальд, его гостеприимством писатель пользовался больше года. Лесничий, управляющий липницким замком Хуберт Бем, в сохранившейся столовой замка Гашек написал много рассказов, а во дворе, в саду, веселые посиделки у огня нередко заканчивались поздней ночью. Учитель Йозеф Якл, часто получавший от Гашека

шуточные стихотворные приглашения в гости. Пивовар и староста липницкого спортивного общества Ярослав Штольц, горячий поклонник писателя. Антонин Крупичка, познакомившийся с Гашеком на другой день после его приезда и вскоре ставший его близким другом и «личным портным»… Кавычки здесь не случайны. К одежде Гашек был предельно равнодушен. Друзья запомнили его в мохнатой русской шапке, в валенках, в сильно потрепанном «кайзер-роке» (длинное черное пальто с фалдами) с шелковым блестящим воротником и разодранным локтем и в старых темных портках. На летнюю жару у него было сшито из голубого полотна нечто среднее между сорочкой и курткой, называемое «рубашкой». Она надевалась на голое тело, навыпуск, и подпоясывалась шнуром с кисточкой. На голове — кепка с козырьком. Однажды, будучи при деньгах, что случалось редко, Гашек поехал с Шурой в Прагу, откуда вернулся в новом голубом костюме, серой шляпе и коричневых полуботинках, держа в руках трость с серебряным набалдашником. Но этот маскарад быстро ему наскучил…

Вечера и костры у липницкого замка, веселые застолья в ресторане у Инвальдов, празднования именин и дней рождения, шумные пиры по случаю убоя свиньи, т. н. «забиячки», связанные с чешской народной традицией и приходившиеся обычно на позднюю осень и зиму… Гашек во всех этих развлечениях не только с удовольствием участвовал, но и бывал заводилой. Знал, где предстоит следующая «забиячка». Писал программу торжества, сочинял и рассылал приглашения, обычно в стихах. Иногда варил морской грог. Любил сам покухарничать, посылая к мяснику за печенкой, копченым языком и прочим съестным. Как-то сообщил всем, что испечет русские пироги. Пироги вышли красивые, но грибной фарш, по воспоминаниям гостей, не удался…

Вечеринку Гашек начинал длинной остроумной лекцией о святых покровителях виновника торжества, цитировал священное писание, сочинения отцов церкви, приводил примеры из жизни великомучеников и сопоставлял их с фактами из биографии именинника. Праздники в канун св. Ярослава были самыми оживленными: именинников было двое, сам Гашек и липницкий пивовар Штольц.

Время от времени в Липнице наезжали старые друзья из Праги. Издатели, писатели, художники, режиссеры. Лонген, ставший директором пражского театра «Адрис», готовил постановку «Швейка». Жил несколько месяцев, отпраздновал Рождество и Новый год. Кинорежиссер Ровенский намеревался ставить «Швейка» в кино…

Когда Гашек писал? И как? Ведь в эти месяцы создавался его бессмертный роман. Художник Йозеф Лада, лучший иллюстратор «Швейка», свидетельствовал: «Гашек писал легко и свободно… Он мог писать где попало: в трамвае, в трактире, в кофейне, как бы шумно там ни было. Одновременно он мог заниматься чем-то вроде литературной эквилибристики. Однажды, когда в «Юнионке» он сочинял очередную юмореску, каждый завсегдатай кофейни мог за десять крейцеров предложить какое угодно имя, и Гашек в следующей фразе его использовал, нисколько не нарушая естественности повествования».

А Франта Сауер, писатель и издатель, близко знавший Гашека именно в то время, когда создавались первые страницы романа, приводит не менее интересные подробности о его работе: «Не было ни одной главы, ни одного эпизода, которых бы он сначала не рассказал. Не в обществе утонченных литераторов или своих ревнивых друзей-писателей, а в кабачках, среди маляров, каменщиков, столяров, поденщиков, воров и проституток. Взгляд его маленьких глаз перебегал при этом с одного слушателя на другого, отмечая производимое впечатление. На следующий день он рассказывал тот же эпизод по-другому, с иными подробностями. Потом тщательно выбирал то, что впечатляло более всего».

Ни дисциплины, ни порядка писатель не признавал. Работал, когда хотелось. По настроению. Иногда спал до обеда, а то и позже. Издатель Адольф Сынек выходил из себя. «Швейк» печатался отдельными выпусками. Читатели забрасывали автора и издателя письмами, требуя продолжения. В типографии в ожидании следующих страниц рукописи стоял наготове печатный станок, простой которого обходился в копеечку. Нередко Гашек и Сынек обменивались корреспонденцией: Гашек требовал гонорар, а Сынек — рукопись. В результате у писателя снова появлялось вдохновение, и вечером из Липниц в Прагу шла новая порция «Похождений».

Когда после одной из «забиячек» Гашек обварил себе руку, решил диктовать. Пригласил Климента Штепанека, сына липницкого полицейского. Рука зажила, но Гашеку такой метод работы пришелся по душе, и Штепанеку мы обязаны добросовестными воспоминаниями о последнем годе жизни писателя.

Диктуя, Гашек ходил по комнате, заложив руки за спину. Никаких предварительных записей у него не было. От накануне отосланной рукописи обычно оставалась последняя страничка, иногда исписанная до половины или только начатая. Этого хватало, чтобы Гашек мог продолжать диктовку. Уточняя

маршрут следования Швейка на фронт, разворачивал карту. Много курил, улыбался. Иногда начинал громко хохотать. Обычно это случалось на тех страницах, где он заставлял Швейка нести околесицу, Балоуна — «жрать», а подпоручика Дуба — орать: «Вы все меня еще не знаете, но вы меня еще узнаете!»

Нередко обращался к Шуре с просьбой налить ему рюмочку ликеру. Еще больше любил «сливовицу». Шура сопротивлялась, говорила, что «Ярославчик» и так уже много выпил. Гашек обещал ей, что это последняя, и Шура сдавалась.

Надиктованные страницы, обычно до восьми, Гашек не просматривал. Рукопись запечатывалась в конверт и отсылалась…

За первым изданием первого тома «Похождений бравого солдата Швейка» в 1921 году вышло еще пять в следующем. Тогда же выдержал пять изданий второй том и два издания — третий.

Гашек разбогател. Хотя наличных денег у него и теперь почти никогда не водилось. Теми, что появлялись в кармане, сорил направо и налево… Случай, однако, распорядился так, что Гашек стал домовладельцем. Это произошло в июне 1922-го.

Домик стоял в двух шагах от гостиницы, нуждался в серьезном ремонте, но Гашек был доволен: у него никогда не было своего дома, разве что в детстве, когда жил с родителями.

С юности ему не сиделось на месте. Из банка, куда Гашек поступил по окончании торговой академии, его уволили за прогулы: пропадал где-то больше месяца. С началом писательства годами бродяжничал, ненадолго возвращаясь в Прагу и исчезая снова. Для биографов эти периоды жизни писателя — самые темные. Исходил он Словакию, Венгрию, Словению, Сербию, Боснию, Косово, Польшу, не говоря уже о Чехии. В Праге снимал себе какое-нибудь простенькое жилье, скитался по друзьям, знакомым, по редакциям. Сменил более трех десятков адресов. Женитьба не поколебала его привычек. А сколько крыш было над головой Гашека, начиная с того дня, как его призвали в армию и послали на фронт?! На книге, подаренной товарищу перед отъездом из Чешских Будеёвиц, Гашек написал: «Через несколько минут уезжаем куда-то далеко. Может быть, вернусь казацким атаманом. А если меня повесят, пошлю тебе на счастье кусок своей веревки». Австрия — Венгрия — Галиция. Плен. Киев — Симбирск — Бугульма — Уфа — Челябинск — Красноярск — Иркутск. Снова Прага. И опять — бездомовец, «бомж». Поистине, Липнице — самый оседлый период в жизни писателя!

В купленном домике квартировали еще две семьи: каменщик с сестрой и бедная вдова, портниха. Гашек объявил им: никакой

арендной платы он с них брать не будет. За первой горячей благодарностью последовала вторая, когда Гашек добавил, что заодно со своими отремонтирует и их комнаты.

Ремонт продолжался до осени и обошелся Гашеку в кругленькую сумму. Для каменщиков и их помощников распорядился готовить сытные полдники, несмотря на протесты хозяина, уверявшего, что Гашек развращает его работников, и без того хорошо оплачиваемых. Еще одного подручного Гашек нанял себе сам и по окончании ремонта оставил в доме только для того, чтобы он топил печку и проветривал комнаты. Поиздержался Гашек так, что спал на старой постели, хотя была куплена новая, из лиственницы, но она стояла без дела: не хватало денег на матрац.

В новое жилище писатель переехал с Шурой в начале октября. Жить ему оставалось три месяца.

Они заняли две комнаты наверху и комнату с кухней этажом ниже, она стала и приемной, и рабочим кабинетом. Украшали ее два стола со стульями в старочешском стиле, подобные тем, что сохранились в липницком замке, полочка для керамики да шурина балалайка. Здесь Гашек работал, диктовал новые главы романа… Здесь почти каждый вечер собирались друзья: Гашек приглашал всех, кто был ему симпатичен. Уже тяжело ходил, жаловался на боли в ногах. Аппетита не было. Страдал рвотой, объясняя ее порчей желудка аспирином, который в больших дозах глотал от ревматизма. Показаться врачу не хотел, хотя часто принимал его у себя как гостя. Не допускал и мысли о том, что болен. Когда выходил из дому, что случалось все реже, стоял у дверей и мечтал, где весною посадит цветы…

Наконец Гашек сдался: врача пригласили. Но болезнь развивалась не по дням а по часам. На Рождество выпал свежий снег, и писатель еще прошелся по протоптанной тропке взад и вперед. Новый год встретил в кругу нескольких знакомых и друзей, выглядел даже веселым. Но второго января ему стало совсем плохо. Тяжело дышал и никого, кроме Шуры, не хотел видеть. Она была в полном отчаянье. Врач ничем не мог ему помочь. Третьего января в половине девятого утра Гашек умер.

В апреле ему исполнилось бы сорок.

Согласно медицинскому заключению причиной смерти был паралич сердца. Правильнее было бы назвать причину следствием. Среди подлинных причин называли прежние болезни, тяжелые испытания, выпавшие на долю писателя, особенно во время войны, нездоровый образ жизни, сопряженный с неумеренным курением и длительной привычкой к алкоголю.

Судя по трезвой жизни в России привычка к алкоголю не была у Гашека болезненной. Но при том образе жизни, который писатель вел на родине, алкоголь оказывался его неизбежным спутником.

А может быть, все дело в неодолимой врожденной хандре, которой, по мнению некоторых биографов, был подвержен автор «Швейка»? Может быть, она-то и привела тогда Гашека на Карлов мост, с которого он собирался спрыгнуть в реку? Сумасшедшим его тогда не признали. Те, кто хорошо знал его, предполагали, что это мистификация… Скорее всего, хандра и гнала писателя «на люди», чтобы не оставаться наедине с собой. Зато эта богемная среда стала для него неиссякаемым источником тем, сюжетов, характеров, анекдотов…

Только Прага может насчитать более сотни заведений, которые посещал Гашек. «Завсегдатай жижковских кабаков, пьяница, время от времени гость полицейского участка, приводимый за мелкие ночные дебоши, должник пригородных трактирщиков, «стрелок», берущий взаймы у всех знакомых подряд, готовый ради выпивки все отдать под залог, милый и веселый собутыльник», писал о Гашеке еще при его жизни известный чешский писатель Иван Олбрахт. Заслуживает особого внимания характеристика автора «Швейка», принадлежащая Эдуарду Бассу, поэту, сатирику, романисту: «В Гашеке всегда жило два человека: один дурачился, другой на него смотрел. Этот второй Гашек, чье лицо мало кому удавалось видеть, с поразительной ясностью осознал ничтожность человеческой жизни, и, поняв это, старался отделить себя от нее, приглушить ее в самом себе, отойти в сторону, отделаться от нее шутовством, которое он препоручил Гашеку первому».

Известие о смерти писателя пришло в Прагу, когда повсюду еще царило новогоднее настроение. Некролог опубликовала только одна газета, и то под вопросом. Другие редакции не поверили: ведь Гашека хоронили уже столько раз! Подозревали розыгрыш.

На погребение, состоявшееся шестого января, в воскресенье пополудни, пришли, главным образом, липницкие друзья писателя. Брат Богуслав был убит горем, в дом Гашека не шел и похорон не дождался, уехал обратно в Прагу. Священник соглашался хоронить тело только на участке для самоубийц: покойник, мол, был неверующим. Неизвестно было, кто оплатит похороны, и грубый черный гроб, сколоченный дешевым плотником, появился лишь в последний момент. Яму наконец вырыли у стены, в правом углу кладбища… Позднее могилу украсили массивными гранитными плитами и памятником в виде

открытой книги…

А главная книга Ярослава Гашека «Похождения бравого солдата Швейка» осталась недописанной. Последний, четвертый том ее подготовит к печати фельетонист «Руде право» Карел Ванек.

По сравнению с нынешними чешскими особняками дом Гашека выглядит более чем скромно. Понятно, что от того времени нас отделяют восемьдесят лет. Иные возможности, финансовые, строительные, иные понятия о комфорте. Но что-то вроде оскорбленного чувства справедливости остается в душе. Ведь классик! Мировая величина! Именно так мы оцениваем Гашека сегодня.

Увы, современники не разглядели масштаба его дарования. Любопытная деталь: из его адресатов письма сохранила только будущая жена Ярмила. Остались открытки, записки, шуточные послания, деловые письма, но их немного. Исследователям, интересующимся внутренним миром Гашека-писателя, поживиться почти нечем. Может быть, у него не было глубоких серьезных корреспондентов? Наверное, были. Но письма его не сохраняли. Не придавали им значения.

В 1921 году книжные магазины отказывались продавать «Швейка»: «С такой вульгарной литературой, цель которой не в том, чтобы повышать интеллект нации, а наоборот, плодить в ней хамов и пошляков, мы не работаем и не желаем позорить имя нашей фирмы. Это литература для коммунистов, а не для чешского человека».

Но, как это часто бывает, простой читатель оценил книгу раньше многих высокомерных эстетов, собратьев по перу и самоуверенных критиков. Таких читателей видел и Гашек. Был счастлив, когда в одном из кабачков повстречал пьяницу, который сидя на бочке, корчился от смеха, читая «Швейка».

Из коллег в числе первых оценил последний роман писателя, еще при жизни его, уже упомянутый выше Иван Олбрахт. Отметив «высокий уровень и своеобразие юмора» и его «поразительно редкостное богатство», Олбрахт выявил главные достоинства книги, найдя их «гениальными». Каковы же эти достоинства?

Во-первых, «Гашек показал мировую войну с совершено новой точки зрения». Нигде «не показана так зримо вся та мерзость, глупость и жестокость мировой войны, как в книге Гашека». Все, писавшие о войне, чувствовали ее у себя «в затылке» и лишь «благодаря напряжению всей воли и мышц» могли поднять голову и выпрямиться. Одному Гашеку «не надо было превозмогать в себе войну… Он стоял над ней с самого начала. Он над ней

смеялся. Он мог глумиться над ней в общем и в частностях, будто она не более, чем пьяная потасовка в жижковском трактире».

Во-вторых, «Швейк — совершенно новый образ в мировой литературе. Умный идиот, прямо-таки гениальный идиот, который благодаря своему дурацкому, но ловкому добродушию всегда остается в выигрыше… Этот новый литературный тип не пробуждал бы в нас столько интереса и столько веселья, если бы появился откуда-нибудь из пустоты, откуда-то, где нас нет… Наверное, и впрямь потребовалась мировая война, чтобы мы уяснили себе это преимущество настоящего или притворного идиотизма перед суровой властью людей и обстоятельств, наверное, она и впрямь была нужна, чтобы эта составляющая нашего духа могла выявиться и сформироваться в цельный готовый человеческий тип, и, наверное, не мог этот тип нигде прежде быть уловлен, да еще с такой полнотой, как только в Чехии, с ее удивительным отношением к войне и авторитету государства…

Читаете эту книгу? Великолепная вещь!»

Томаш Масарик и Карел Чапек

Масарику не спалось. Вставал, выходил на палубу, вглядывался в непроницаемую тьму, скрывавшую бесконечные зябкие пространства осеннего океана. Прохаживался взад-вперед, переходил на другой борт, подставляя лицо свежему ночному ветру… Странно, никуда не надо спешить, договариваться о визитах, срочно писать статьи в газеты, выступать на митингах, убеждать, спорить, добиваться понимания и поддержки. Теперь, когда, кажется, все самое тяжелое уже позади, он мог бы насладиться полным покоем. Но покой не приходил. Сказывалось непрерывное, в течение четырех лет, напряжение: заботы, тревоги, опасности. Мозг, как заведенный, продолжал работать…

Беспокойство о близких, остававшихся на родине, в Чехии, о жене, о детях, которых все это время он столько раз подвергал опасностям, сменялось огромной радостью: Боже, неужели это все удалось?! Неужели, мечта его жизни осуществилась?! Конечно же, его вело Провидение! Факт, в который все еще трудно поверить и к которому еще труднее привыкнуть: чехи и словаки получили независимость, у них своя республика! И еще факт, в который надо поверить: четырнадцатого ноября 1918 года он, Томаш Гаррик Масарик, избран первым президентом этой республики!

Не ждал он этого, не думал. Когда размышлял, чем займется по возвращении домой, останавливался на журналистике. Привычное дело в его жизни, знакомое… Начинать что-то новое, когда так устал, несколько раз перенес тяжелый грипп, когда кажется, долго не проживешь… Ведь шестьдесят восемь лет за плечами… Нет!.. Хотя… легкую спортивную фигуру сохранил, любит скакать на лошади, не пьет, ест немного, во всем приучил себя к дисциплине, считая ее обязательной для каждого культурного человека…

Поздравительная телеграмма, полученная им в Америке, срочно звала домой. Двадцатого ноября, по чистому совпадению, в день рождения жены Шарлотты, Масарик отплыл в Европу.

Масарик, философ, ученый, не был политическим радикалом. Социальную революцию не признавал, предпочитая ей «революцию в головах и сердцах». Десятки лет надеялся на то, что австро-венгерская империя трансформируется в федерацию и предоставит всем населяющим ее народам, в том числе чехам и словакам, справедливые условия жизни и развития. Надежды не сбывались. Конфликт с Сербией летом 1914-го перерос в мировую войну.

Новая стратегия Масарика, в эту пору уже депутата парламента, в двух словах заключалась в следующем: эмигрировать, перейти на сторону противников, Британии и Франции, и способствовать поражению габсбургской монархии, которое должно принести освобождение его народу. Стратегия нашла поддержку у ряда влиятельных чешских политиков, среди них был и молодой Эдуард Бенеш, будущий, после Масарика, президент.

Масарик: *Бенеша я знал по Праге, как университетского коллегу… Без Бенеша у нас не было бы республики. Между нами было полное согласие в стратегической линии. Бенеш все решал в духе наших договоренностей относительно общих действий. Однажды, это было позднее, он приехал ко мне в Англию из Парижа, сообщил, что делает, как развиваются события, как наша идея постепенно претворяется в жизнь — тогда я сказал ему: «Бенеш, будем друзьями!»*

Разумеется, все держалось в строжайшей тайне. Одновременно Масарик находил сторонников за границей: среди западноевропейских журналистов, ученых, политиков.

Масарик: *Моя жена была американка, это открыло мне англосаксонский мир. Знание языка и культуры помогло мне работать во время войны в Англии и в Америке. Вообще, знание языков было мне на пользу, я мог говорить и читать лекции в России, во Франции, Англии и Америке. И с итальянским я худо плохо справлялся…*

Перед Рождеством 1914-го Масарик выехал в пока еще нейтральную Италию: собрать информацию и сориентироваться. Надеялся, что еще вернется домой. Но известия из Праги и Вены предостерегали: будет немедленно схвачен и повешен, как предатель. С этого момента его жизнь, по словам одного из биографов, «описанная пером хроникера, составила бы толстую книгу, которая от начала до конца читалась бы с затаенным дыханием».

Венеция, Флоренция, Рим, Генуя. Масарик восстанавливает старые знакомства и связи, заводит новые… Встречается с английским послом. Австрийские и немецкие шпионы ходят за ним по пятам.

Женева. Организует группу единомышленников и помощников. Налаживает связи с Парижем, где Милан Штефаник, известный астроном и будущий военный министр республики, вдохновенно пропагандирует чехословацкую идею в общественных кругах, возбуждая к ней живой интерес и сочувствие.

Париж. Масарик ведет переговоры с французским военным министерством. Готовит издание газеты «Чешский народ»… Много хлопот доставляет организация конспиративной связи с Прагой: секретную информацию прячут в часах, в зонтиках, в чемоданах с двойной стенкой, в бочках с маслом. С каждым агентом Масарик беседует лично, проверяет, инструктирует. Нарваться на шпиона проще простого…

Масарик: *В политике, в борьбе не обойтись без психологии. Мне повезло, я знал много наших на родине и знал заранее, кто каким актером будет в нашей игре. Знал Вену и тамошнее общество, начиная от двора и кончая бюрократией и журналистами. Надо было изучать наших единомышленников и тайных противников. Отправляясь к какому-нибудь влиятельному лицу, я знакомился с его биографией, чтобы знать, как с ним обходиться… В этом мне помогала, однако, не академическая психология, а жизнь и — романы!.. Живу в поэзии, без нее не выдержал бы, в ней чрезвычайно много опыта и знания человеческой души.*

Лондон. Масарик пишет меморандум английскому правительству и другим союзникам. Профессорствует в Лондонском университете. Первую лекцию посвящает проблеме малых народов в условиях европейского кризиса. Каждую неделю пишет статьи в «Санди таймс» и другие газеты, ведет обширную переписку. Читает лекции в клубах, в Кембридже, в Оксфорде. Встречается с послами союзников, дипломатами, военными.

Масарик: *Сейчас уже не вспомнил бы, со сколькими людьми познакомился… Не рвался к официальным лицам, пока не удалось сформировать общественное мнение. Сначала, с пустыми руками, не мог ничего обещать, были у меня только свои аргументы, что отвечало бы интересам Европы расчленить Австро-Венг-рию. Следил за тем, чтобы ежедневно в газетах было что-нибудь против Австрии и о нас… Были у меня свои принципы в пропаганде: не обещать впустую, не выступать как проситель, заставить говорить факты и на них указать: это и это в ваших интересах, а это вот ваша обязанность… не принимать ни от кого деньги, только от наших людей. Лгать и передергивать — наихудшая пропаганда. Ложь не проходит даром ни в политике, ни в повседневной жизни…*

Зимой 1916 года Масарик пересекает Ла-Манш для встречи с французским премьером Брианом, которую организовал Штефаник. Бриан сразу принял план Масарика и обещал поддержку. Авторитет чешского политика был уже высок. Масарик понимал, что идею создания чехословацкого государства лучше всего было бы поддержать военной силой на стороне

Союзников (Антанты). Еще в начале войны он видел низкий моральный дух австрийских войск, а чехи и словаки шли на фронт, не испытывая ни малейших патриотических чувств. Неудивительно, что они массами сдавались в плен русской армии на Восточном фронте. Возникла смелая идея: создать их этих пленных чехословацкий корпус.

Масарик обзаводится паспортом на чужое имя и через Стокгольм едет в Петроград, надеясь, что после падения царского режима он легче договорится, тем более что министром иностранных дел был Милюков, ранее хорошо знакомый Масарику. К несчастью, Милюков как раз покидает свой пост во Временном правительстве. Масарик, с группой способных и преданных помощников, ведет тяжелейшие переговоры с российской военной бюрократией и вербует легионеров в лагерях чешских и словацких военнопленных. Самостоятельное, независимое от русской армии чехословацкое войско, формально включенное во французскую армию, надо было перебросить на Западный фронт, и Масарик тесно сотрудничает с французскими политиками и военными.

В начале июля чехословацкие легионеры приняли первое сражение на Восточном фронте у Зборова и добились победы, разбив австрийскую линию обороны. Моральная победа была еще выше: западные союзники увидели, что будущая Чехословакия, за которую борется Масарик и его единомышленники, уже обладает реальной силой.

Окрыленный успехом, Масарик стремится закрепить его, агитирует, призывает… Но Россия все более погружается в хаос и неотвратимо катится к большевистскому перевороту.

Приехав в Россию в середине мая 1917-го, полагая, на несколько недель, Масарик задержался в ней почти на год…

Масарик: *Удивительно, куда в Россию ни приеду, везде стреляют. В Петрограде я жил напротив телеграфного и телефонного ведомства, из-за него начался упорный бой… Доехал до Москвы, там — то же самое. На крыше отеля* («Метрополь») *было человек пятьдесят юнкеров Керенского, они стреляли в большевиков, а большевики с театра — в них. Я стащил матрац с кровати на пол и спал в углу… Пришли большевики… Поставили охрану. Один солдат потянулся к колечку на моем галстуке. Такой оловянный перстенек с красной стекляшкой… Если он хочет, я ему отдам. Не хочет. Спрашиваю его так, в шутку, выпустит ли скоро меня отсюда. Захочу пущу, говорит, захочу зарежу… Некоторые гости платили охране, но я не могу подкупать, это так унизительно… Страшнее всего было, когда охрана вдрызг упилась… В другое время я не боялся, и даже, когда страшно было,*

виду не показывал, уж нашим-то ребятам — никогда. Ходил по улицам, где стреляли… Как бы я мог командовать, если бы они видели, что боюсь?!..

Переговоры с большевиками были столь же тяжелыми и изнурительными. Россия втягивалась в гражданскую войну, царили разруха и беспорядок. Чехословацкий корпус, обязанный соблюдать «вооруженный нейтралитет», подвергался опасности быть втянутым в российскую междуусобицу, что в конце концов и случилось. Тем более что путь на Запад через Кавказ, Румынию или Архангельск становился нереальным. Оставалась единственная возможность: через Сибирь и Дальний Восток, а оттуда — морем, вокруг света, до Франции. Седьмого марта 1918 года, в день своего шестидесятивосьмилетия, Масарик выезжает из Москвы поездом английского Красного Креста на Восток, чтобы подготовить водный транспорт для чехословацких легионов во Владивостоке.

Масарик: *Путешествие длилось месяц; дорогой я размышлял и работал над своей книгой «Новая Европа», наблюдал за английскими попутчиками, дебатировал с большевистским проводником. Однажды наш поезд должен был остановиться, потому что впереди шел бой; иногда у нас заканчивалось топливо, и надо было нарубить дров для локомотива…*

Торопила Масарика и изменившаяся военно-политическая ситуация в мире. В апреле 1917 года в мировую войну вступили Американские Штаты, резко усилив Западный фронт. Война явно шла к концу, и президент Вильсон становился одной из ключевых фигур на будущих мирных переговорах. Если европейские союзники уже поддерживали идею создания самостоятельного чехословацкого государства, то американский президент стоял за сохранение австро-венгерской империи с предоставлением автономии ее народам. Масарик поспешил в Японию. Из Токио послал меморандум Вильсону о состоянии России и обратил его внимание на успехи чехословацких легионеров. 29 апреля Масарик достиг берегов Америки, 5 мая появился в Чикаго, как триумфатор, встречаемый толпами народа и осыпаемый цветами.

Масарик: *В Америке меня уже везде ждали наши земляки и американские журналисты — я должен был привыкнуть к такой славе; с одной стороны, вся Америка переживала от войны такое лихорадочное возбуждение, это было для всех необычно, испытывали новое отношение к Европе и вообще ко всему миру, с другой стороны, тут сказывалась популярность наших легионов, которые тогда с оружием в руках начали пробиваться через всю Россию и Сибирь. У американцев — необычайный восторг от всего героического, так что поход пятидесяти тысяч наших через целый*

материк производил на них огромное впечатление…

Масарик надеялся, что, поддержанный многочисленными колониями живущих в Америке чехов и словаков, он сформирует выгодное его политическим целям общественное мнение, которое повлияет на позицию президента Вильсона. Предстояла огромная, последняя за границей, работа: снова статьи в газетах, встречи и переговоры с иностранными дипломатами и американскими государственными деятелями, выступления на митингах и конгрессах. Время подгоняло, война заканчивалась. Заканчивалась раньше, чем предполагал Масарик.

В Америке Масарик был в четвертый раз. Хорошо ее знал. Был знаком со многими земляками и влиятельными людьми.

Масарик: *С президентом Вильсоном я сходился, думаю, четырежды. Мое первое впечатление о нем — был безукоризненно опрятен. Я сказал себе: наверное, у него есть жена, которая его любит… Мы довольно хорошо понимали друг друга… В убеждениях он был упрямый, но возражения принимал. Знал обо мне, были мы в связях, хотя и не прямых, еще до того, как я приехал в Америку.*

30-го июня американские чехи и словаки подписали в Питсбурге договор об общем государстве, а 18-го октября Вильсон, переубежденный Масариком, отказался от своей прежней точки зрения в пользу суверенной демократической Чехословакии.

На родину — через Британию, Францию, Италию, Австрию — Масарик вернулся 20 декабря 1918 года. Со слезами на глазах целовал землю. Ближайшие друзья окружали его. На следующий день — Прага. Рукопожатия, объятия, приветственные речи. Восторженный народ, хорошо знавший, кого избирал. Фанфары из сметановской «Либуше», звучавшие с лоджии Национального театра. Торжественная присяга президента перед Народным собранием на Пражском Граде…

И семнадцать последующих лет ежедневной, упорной работы по строительству демократии на осколке распавшейся империи.

Масарик: *Измеряем жизнь слишком односторонне: продолжительностью, а не значением. Думаем о том, как продлить жизнь, а не о том, чем ее по-настоящему наполнить. Многие люди боятся смерти, но не огорчаются тем, что они сами и их окружение de facto живут лишь наполовину, без огня, без любви, без радости. Жизнью, наполненной познанием правды, нравственными правилами, деятельной любовью, мы вносим свою лепту в человеческое бессмертие… Иногда меня преследует сон, не знаю, откуда он, может, навеян какой-то картиной: лодка в море, а над ней склоняется ангел с часами, время от времени стекает с*

этих часов капля в море, и ангел говорит: «Прошла еще минута». Этот сон я всегда воспринимаю, как предупреждение: трудись, работай, пока твои минуты еще текут…

Масарик стал легендой еще при жизни. Два мнения. Одно принадлежит Т. Манну: «Если бы, кроме Масарика, в Европе было еще три-четыре личности такого же масштаба, ее история сложилась бы благоприятнее». Второе — Б. Шоу: «Если бы существовали Соединенные Штаты Европы, то президентом я мог бы себе представить только Масарика». Литература о первом чехословацком президенте огромна. Подробнейшие биографии, воспоминания, исследования философских, религиозных, политических взглядов написаны публицистами, журналистами, историками… Самые полярные мнения принадлежат, разумеется, политикам, оценивающим всех и вся со своей партийной колокольни. В зависимости от ориентации и глупости они клеили на Масарика все возможные ярлыки — от предателя до националиста..

Среди авторов, ныне забытых, полузабытых или известных узкому кругу исследователей, неожиданно обращает на себя внимание знакомое имя — Карел Чапек. В 24-томном собрании сочинений классика чешской литературы двадцатый том — целиком «масариковский». Это знаменитые «Разговоры с Т. Г. Масариком», без которых ни один библиографический список литературы о первом президенте просто не мыслим. Немыслимым, на первый взгляд, кажется и сочетание имен: что связывало великого писателя с главой государства?

Большой писатель редко тянется к властям. Тем более, великий писатель. Разве что раньше, во времена коронованных меценатов, чтобы не умереть с голоду? Разве что ныне, желая славы и постов, там, где власть пользуется им как идеологическим рупором? Чапека, уже известного в мире, более того, великого сатирика, в этой роли вообразить трудно.

Чапек много знал о Масарике еще до личной встречи с ним. Знал, что будущий президент родился в бедной провинциальной семье, средства на учебу и жизнь зарабатывал себе сам уроками в состоятельных семьях сначала в Брно, потом в Вене. Еще гимназистом увлекался Гете и Лессингом. Был влюблен в философию Платона за то, что она воспевала полноту жизни и соединяла рациональную мудрость с поэзией и практической политикой. В университете учился у Франца Брентано. Создал новую культурно-философскую концепцию истории чешского народа и государства, основанную на идеале гуманизма. Был

профессором философии в Пражском университете. Вступил в политическую жизнь. Избирался депутатом парламента. Издавал научные журналы «Атенеум», «Время», «Наша эпоха». Редактировал «Научную энциклопедию Отто». Писал статьи и книги «Чешский вопрос», «Ян Гус», «Идеалы гуманизма», «Россия и Европа»… Человек высоких принципов…

Впервые Чапек встретился с Масариком 22 марта 1922 года в Городском театре на Виноградах, где был представлен президенту как драматург. Чапек смущен, позднее, вспоминая о знакомстве, будет писать о себе в третьем лице («писатель») с иронией.

Потом была встреча «на Граде», куда президент пригласил его вместе с другими литераторами на ужин. Кто-то сказал Масарику, что у Чапека собираются на «пятницы» писатели, журналисты, университетские профессора. «Примут ли меня там? — спрашивает Масарик. — Я пришел бы». Чапек зовет президента от имени всех участников. «Спасибо, приду», — благодарит Масарик. Пришел. Были дебаты, споры, столкновения взглядов. Масарик остался довольным. Прощаясь, сказал: «Что ж, приду еще».

Встречи становились чаще — на квартире у Чапека, на Граде, в президентском дворце в Ланах, в Топольчанках, где Масарик бывал летом. Возникает глубокая личная дружба, несмотря на сорокалетнюю разницу в возрасте.

Надо сказать, что писатель шел к новому знакомству не без внутреннего сопротивления. Раньше не раз заявлял, что политика, по крайней мере, практическая, ему противна. Что его интересует «обычная жизнь». Был человеком домашним, сожалел о каждой минуте, истраченной не на литературу, и чувствовал себя чужим среди властей предержащих. То, что он сблизился с Масариком, можно объяснить огромным интересом к личности президента-интеллектуала. Чапек подходил к Масарику с удивлением, как к человеку глубокому и цельному, достигшему всего своим трудом и упорством, исповедующему строгие нравственные принципы в жизни и в политике.

В пору знакомства с Чапеком у Масарика был огромный авторитет, еще более возросший с выходом в 1925 году книги «Мировая революция». Но по конституции он являлся официальным государственным деятелем и оказался в изоляции, поскольку терял возможность свободно высказываться, к чему привыкнуть никак не мог. Основные коалиционные партии требовали, чтобы президент пребывал «над облаками» и не вмешивался в политическую практику. Президент не мог публично проявлять симпатии и антипатии к частным лицам и даже присутствовать на похоронах, если усопшие не были

министрами, закончившими жизненный путь на государственном посту. Масарик искал выход из сложившейся ситуации. Форма интервью была для него приемлема. Чапек-журналист, не связанный ни с какой партией или политической группой, оказался очень кстати. Нет сомнения и в том, что Чапек привлекал Масарика тоже масштабами своей личности, ума и таланта.

Чапек не ходил возле Масарика с блокнотом и карандашом. И нынешнего диктофона у него, понятно, не было. Книга рождалась трудно: «Эти «Разговоры» не возникли ни такими связными, какими, верно, кажутся, ни хронологически последовательными, какими здесь представлены; эти воспоминания и рассуждения большей частью всплывали в памяти непроизвольно, внезапно, случайно, как это происходит в обычной беседе. Любой крохотный фрагмент является мозаикой, собранной из десятка-другого мгновений: одно воспоминание пришло на память, когда мы сидели у костра под Грушевым, другое — в полутьме коляски, третье — в присутствии двух десятков людей, четвертое в беседке, увитой розами; одна фраза была сказана вчера, другая — три года назад, но каждую, насколько можно полагаться на свою память, я стремился передать теми же словами, какими она была тогда сказана… Трудно найти другого человека, который так неохотно говорил бы о себе и так противился бы усилиям выпытать его прошлое. Мог бы привести в отчаянье любого, кто хотел бы узнать о старых фактах и событиях, участником или инициатором которых он был сам, скажет о них скупо и бесстрастно, создавая впечатление, что о его личном участии и говорить, собственно, не стоит…»

Своей будущей жене Ольге Шейнпфлуг Чапек писал 3 сентября 1928 года из Топольчанок: «…я здесь с позавчерашнего вечера и, кажется, буду принужден обстоятельствами остаться на несколько недель… Начинаю работать над «Разговорами» и буду потихоньку посылать их в печать…» 7 сентября: «Работа над «Разговорами» идет у меня отчаянно медленно при здешнем распорядке дня и при постоянной переработке и расширении. Будет довольно толстая книжка…»

Чапек давал Масарику перепечатанный фрагмент рукописи, Масарик читал, уточнял, добавлял, возвращал писателю. Чапек создавал новый вариант того же фрагмента и отдавал Масарику. Президент снова читал и правил. Так повторялось многократно.

Первая часть «Разговоров» — «Время молодости» — вышла в свет в 1928 году, вторая — «Жизнь и работа» — в 1931. Как раз из нее взяты вышеприведенные фрагменты рассказа Масарика о

своей заграничной одиссее в годы мировой войны. Третья, последняя часть, «Мышление и жизнь», изданная в 1935 году, отражает взгляды Масарика на теорию познания, метафизику, христианство, культуру, политику, народ. Перу Чапека принадлежит и около полусотни заметок о президенте, часть их печаталась в прессе, часть осталась при жизни неопубликованной. Они полны наблюдений за характером, привычками, жестами Масарика, за стилем жизни, за речью, за манерой говорить и — молчать.

Президент любил своего старого коня Гектора, на котором ездил верхом, из обуви любил сапоги, потому что их не надо было зашнуровывать. Любил физическую силу и ловкость, тринадцатое число, людей, хорошо знающих свое дело. Любил затачивать карандаши и сидеть у костра. Если на кого-то сердился, говорил о нем: «нехороший человек». Это была самая грубая характеристика в его устах.

Не любил рис, хотя всю жизнь его ел. Не любил, когда грубо и пренебрежительно говорили о женщинах, не любил, когда ему на глаза попадала его личная охрана. Шутил: «Больше всего мне нравится президентство тем, что не надо носить с собой деньги».

Однажды в парке беседовал с чешским гостем. Откуда-то взявшийся деревенский пес приласкался к его собеседнику. Тот принялся чесать пса за ухом. Масарик, с его пристрастным отношением к чистоте, не выдержал: «You don't know, if he is clean» («Вы не знаете, чистый ли он»). Вот она, замечает Чапек, истинная деликатность: постеснялся, что пес мог бы понять его чешскую речь и обидеться.

«С этической точки зрения, — считал Масарик, — демократия мотивируется, как политическое претворение в жизнь любви к ближнему… Нет разной морали, разной этики для государств, народов, правительств и для отдельного человека». Это говорилось в те годы, когда две диктатуры, гитлеровская на западе Европы и сталинская на востоке, готовились к страшной схватке. Множились голоса, утверждавшие, что демократия, основанная на свободе личности, себя изжила, что ее должен заменить коллективизм фашистского или коммунистического толка.

Но демократия не утверждается сразу во всем совершенстве, она развивается долго и трудно, проходя длительный путь болезненного становления, при этом, по словам Масарика, «единственное лекарство для демократии это — больше демократии».

Мысли президента-освободителя постоянно обращались к

будущему. Сколько времени необходимо для того, чтобы народ, несколько столетий живший в условиях национальной, политической и духовной несвободы, избавился от рабской психологии и научился жить в демократическом обществе? Двадцать, тридцать лет? Или больше?

«Пятьдесят лет республики, — мечтал Масарик, — этого хватило бы. Потом уж ничего не боюсь… Через пятьдесят лет свобода будет у людей в крови… Тогда придет новое поколение, оно уж эту свободу не отдаст…»

Масарик умер в сентябре 1937 года.

До «Мюнхена» оставался всего год.

Чехословацкие легионеры в России: как это было

Из Владивостока возвращались разными путями. Одни пересекали Тихий океан, через США и Канаду добирались до восточного побережья Америки, и снова на судах плыли в Европу. Другие, обогнув Азию, Индийским океаном, Красным и Средиземным морями шли до Триеста. Незнакомые страны, экзотические края сменяли друг друга. Калейдоскоп удивительных пейзажей, городов, обычаев, одежд, жизненных укладов… Ничего подобного и в таком множестве они никогда в своей жизни уже не увидят… Из европейских портов поезда везли их на родину.

Горни Двориште — первая чешская станция на австрийской границе, в шестидесяти километрах от Будеёвиц. «Пришла минута, которую мы ждали долгие годы, — вспоминал подполковник Матей Немец, позднее чехословацкий генерал. — Машинист останавливает состав прямо в поле, все выскакивают из вагонов, полковой оркестр исполняет гимн, и мы все, волнуясь и радуясь, стоим на родной земле. Одни обнимают друг друга, другие плачут и, упав на колени, целуют землю. Мы — дома!»

Шесть лет войны и страданий — позади.

Москва, Петроград, Киев в названиях чешских улиц — это понятно: как Париж, Белград, Варшава. Но как попали на красные эмалевые таблички Челябинск, Иркутск, Красноярск? И даже Бузулук, о котором и в самой-то России мало кто знает? Случайно? Совсем нет! Это — живые следы драматического периода совместной истории Чехии и России, относящегося к первой мировой войне и большевистской революции.

Правдивой истории, как доказывает француз Марк Ферро, не бывает. Каждый народ пристрастен к своему прошлому и старается выглядеть лучше в зеркале мира. Но чем демократичнее государство, тем исторической науке труднее врать. Советские историки занимались фальсификацией «по мандату долга», и горько осознавать, сколько чудовищной галиматьи вбивалось в наши головы. Тем интереснее взгляд на «чехословацкий мятеж» «с другого берега», взгляд, не искаженный идеологическим диктатом.

Первая мировая война разворачивалась стремительно. После убийства в Сараево наследника австро-венгерского трона Франца

Фердинанда габсбургская монархия 28 июля 1914 года объявила войну Сербии. Через два дня начала мобилизацию Россия. В начале августа Германия объявила ей войну и напала на Францию. Немецкие войска вторглись в нейтральную Бельгию, и в войну вступила Великобритания…

Чехи жили в многонациональной габсбургской монархии уже триста лет. В отличие от венгров, добившихся автономии, чехи чувствовали себя оскорбленными. В союзе Германии и Австро-Венгрии последняя играла подчиненную роль, не разделяя немецких аппетитов, распространявшихся помимо Центральной Европы на Балканы и Ближний Восток. В случае победы надежды чехов на федерализацию и демократизацию, не говоря уже о государственном суверенитете, были бы потеряны. Естественно, что желания умирать на такой войне они не испытывали.

В армии габсбургской монархии чехи составляли 13 %. Большинство офицеров были немцы. Все мобилизованные: и молодежь, и запас — росли в мирное время; последняя война Австрии с Пруссией закончилась почти полвека назад. Все были уверены, что кампания долго не продлится: до «слив», в худшем случае — «до листопада». Настроения были анархистские, антимилитаристские, пацифистские. В пестрой гамме чувств, обуревавших чешский воинский контингент, надо обязательно указать как на одно из основных — на панславизм, точнее панруссизм, о чем впереди не раз будет речь.

Габсбургская монархия отделяла две амбициозные империи, Германию и Россию. Чехи, жившие с немцами практически одной жизнью и далеко не всегда довольные друг другом, будучи славянами, с интересом посматривали на Россию. Панславянская идея, когда-то овладевшая умами чешских просветителей, проникала и в народ, и в политическую среду, как реакция на крепнущий пангерманизм. Русофильство чаще всего выражалось в интуитивной тяге к большому народу и обширному самостоятельному государству и питалось не столько реальными фактами и представлениями, сколько русской культурой, в первую очередь — литературой, музыкой, живописью, казалось, воплощавшими в себе «тайну русской души». Трезво и критически мыслящие писатели, философы, политики, увидев российскую действительность собственными глазами, быстро излечивались от своих туманных иллюзий, а русский царизм и русскую ортодоксальную церковь просто не переносили на дух.

Простые чехи, жившие в России, встретили войну манифестациями, демонстрируя свои ура-патриотические чувства и солидарность с русским народом. Перед войной их

насчитывалось тысяч 60-100, не так уж много (в Соединенных Штатах — около 800 тысяч). Большинство их составляли крестьяне, преимущественно Волынской губернии, остальные — коммерсанты, ремесленники, предприниматели, пивовары, мельники, служащие, учителя — жили по всей царской России и в крупнейших городах ее — Москве, Петербурге, Киеве, Варшаве, Одессе, Харькове. В Петербурге двести чехов прошли по улицам с транспарантом «Братья, освободите Чехию!» Когда великая Россия одержит победу над Германией, то поможет, дескать, создать самостоятельное чешское государство, в котором «будет сиять свободная независимая корона св. Вацлава в лучах короны Романовых». Во имя такой перспективы российские чехи готовы были создать отряды добровольцев.

Чехия, по крайней мере, в начале войны, в российских стратегических планах никакой роли не играла. Царскую империю интересовали Балканы, Дарданеллы, Босфор с вожделенным «Царьградом». Предложение чехов присоединиться к русской армии было принято с прохладцей, но согласие властей в конце концов последовало. Позднее царская пропаганда вошла во вкус и даже разбрасывала на фронте листовки, умножавшие антиавстрийские настроения чехов и обещавшие принести им «свободу и исполнение народных чаяний».

«Чешская дружина», четыре роты, формировалась в киевском Михайловском монастыре, в день св. Вацлава принесла присягу возле храма св. Софии и отправилась на фронт. Ее рассредоточили по штабам и использовали в разведке, на фронте и в тылу противника.

Первые месяцы войны складывались благоприятно для России. Австро-венгерская пропаганда скрывала свои поражения за оптимистическими военными реляциями. Возвращавшиеся с фронта очевидцы рассказывали прямо противоположное, так что одно время даже распространился слух о том, что «русские идут к Праге» и что «славянская победа близка». В столичном кинотеатре «Корона» во время показа военной хроники «Отступление немцев на Марне» зал так неистово аплодировал, что власти запретили дальнейшую демонстрацию ленты. Колонны новобранцев, маршировавших по улицам чешских городов, пели «возмутительные» песни: «Красный платочек, машешь ты кому? Мы идем на русских, не знаем, почему…»

Тяжелые поражения, сотни тысяч убитых и раненых в Галиции и на Балканах, холодная снежная зима, плохое снабжение, изнурительные походы и изматывающие бои дух чешских солдат, прямо скажем, не укрепляли. Сдача в плен

казалась единственным спасением. Тем более, к братьям-славянам.

Правда, представление «чешских братьев», что они будут встречены с распростертыми объятиями, оказалось далеким от действительности. По воспоминаниям одного из чешских офицеров, «пленные чехи страдали необычайной наивностью. Много перенесли дорогой в плен, шли пешком и были жестоко биты, так что настроение у них было антирусское». «Нас окружили русские солдаты, — свидетельствует другой очевидец, — и каждый спрашивал: «Пан, часы есть?»… В ту ночь русские не дали нам ни минуты отдыха, мы и ночью должны были mašMrovat, хотя некоторые в изнеможении падали на землю, не имея сил подняться снова… Многие погибли по дороге… Через двадцать два дня дошли мы до первой русской станции, где нас дожидались эшелоны…»

В 1916 году число пленных достигло двухсот тысяч. Из огромного лагеря в Дарнице под Киевом их распределяли в три тысячи лагерей, разбросанных по всей России. Условия были отвратительные. Холод зимой, жара летом, антисанитария, из-за которой вспыхивали эпидемии, скверная пища, тяжелая изнурительная работа, вроде строительства железной дороги на Мурманск. Тысячи пленных умирали без медицинской помощи. Больше везло тем, кто попадал на завод или на сельхозработы.

Достигнув пика к весне 1915 года, русофильские иллюзии среди чехов пошли на спад, тем более, что тяжелые поражения царской армии на фронте никак не вязались с представлением об освободительной миссии старшего славянского брата. «Я, как и большинство наших чешских офицеров, находящихся в плену в России, — читаем в письме из семипалатинского лагеря, относящемся к апрелю 1916 года, — России просто не верю и не предполагаю, чтобы это государство, которое угнетает и преследует своих нерусских подданных и которое не может и не хочет дать свободу собственному народу, чтобы это прогнившее до корней, а в культурном отношении на много-много лет отставшее государство могло и хотело дать свободу нам… Если бы и могла прийти помощь из-за границы, так скорее от Франции и Англии, чем от России».

Большая часть чешских политиков с началом войны предпочла лояльность к австро-венгерской монархии, надеясь такой ценой купить будущую чешскую автономию. Но были и такие, которые, взвесив шансы воюющих сторон на победу, приняли решение поддержать Великобританию и Францию, т. е. стать на сторону противника; они перешли на нелегальную

деятельность, некоторые эмигрировали и выступили против Австро-Венгрии. Томаш Масарик, о котором уже говорилось подробно в предыдущих очерках, организовал за рубежом Чешский национальный комитет, поддерживавший связь с нелегальным центром на родине, так называемой «Мафией».

Масарик и его единомышленники пропагандировали «чешскую идею», выражавшуюся в стремлении чешского народа к независимости. Эту идею горячо поддержали также многочисленные чешские колонии и землячества за границей. По их инициативе были созданы первые воинские части, воевавшие против Германии и Австро-Венгрии в Западной Европе. Заявление Чешского национального комитета от 14 ноября 1915 года, кроме Масарика подписанное представителями Союза чехословацких землячеств России, Чешского народного содружества и Словацкой лиги в Америке, а также парижскими и лондонскими чехами, было, по существу, политической программой: «чешский народ должен позаботиться о себе сам», «добиваться самостоятельности, не обращая внимания на Австро-Венгрию», поэтому переходит «к русским, сербам и их союзникам».

Ждать от какой-то страны, что она придет и из милости освободит чешский народ, на что надеялись чешские русофилы, по мнению Масарика, несерьезно и унизительно. Чешский народ должен сам участвовать в войне, как полноценный союзник, а для этого иметь собственную армию. Добровольцев, отправившихся на фронт от заграничных землячеств, было не так много. А вот сотни тысяч пленных в Италии, Сербии, а главное, в России, представляли богатейший резерв.

Как вернуть на фронт тех, кто уже нахлебался войны вдоволь? Только добровольно и при условии, что есть высокая воодушевляющая цель. Известия о политической программе чешской эмиграции и ее целях, о планах создания собственной армии проникли в лагеря военнопленных — в Кургане, Ашхабаде, Царицыне, Омске, Тюмени. Начался сбор заявлений от желающих добровольно вступить в будущую армию. Но успех плана зависел от России.

Между тем царское правительство смотрело на деятельность чешской эмиграции с недоверием. К тому же, не хотело нарушать международное право, запрещавшее создавать армейские части из военнопленных. Только в конце января 1917 года одобрила создание российского филиала Чешского национального комитета и даже назначило правительственное пособие. Но царский режим уже дышал на ладан.

Февральская революция пробудила надежды. Военнопленные

приветствовали ее, как символ свободы и демократии. Так же ее восприняли и в Чехии, где по традиции первыми выступили двести писателей, призвавших депутатов быть «честными представителями своего народа»: «Европа демократическая, Европа полноправных и свободных народов — это Европа завтрашняя и будущая!»

Многочисленные ставки рабочих под антиавстрийскими лозунгами и массовые демонстрации завершились историческим голосованием чешских депутатов в парламенте «за преобразование монархии в союз свободных и равноправных национальных государств». Чехословацкая эмиграция имела теперь полное право представлять большинство народа.

Масарик из Великобритании поспешил в Россию организовывать армию, но наткнулся теперь на нежелание Временного правительства: военный министр Гучков считал, что чехословацкие пленные полезнее в промышленности, чем на фронте. Временное правительство еще стояло «за войну до победного конца», но возникающие повсеместно советы, руководимые большевиками, требовали «мира без аннексий и контрибуций» и разлагали армию. Массовые дезертирства и братания стали обычным явлением. На чехов и словаков, не поддававшихся этой пропаганде, русские солдаты были так злы, что угрожали расстрелом.

Летом Керенскому, ставшему военным министром, все же удалось организовать наступление русских войск, в котором особенно отличилась чехословацкая стрелковая бригада, взявшая более трех тысяч пленных и многочисленные трофеи. Это произвело такое впечатление, что генерал Селивачев вскочил на коня и поскакал в расположение бригады. Седоволосый, с длинными усами, кланялся раненым и мертвым, прижимал солдат к груди и целовал по русскому обычаю, восклицая: «Чешские орлы в этой битве тянули за собой русских куриц». Керенский лично посетил этот единственный участок фронта, где наступление увенчалось успехом, присвоил командиру бригады генеральское звание и пообещал поддержку в создании чехословацких воинских частей. Еще решительнее был генерал Брусилов, согласившийся «с формированием чехословацких дивизий». А генерал Деникин требовал сформировать столько чехословацких частей, «сколько вообще возможно сформировать». Сдался в конце концов и Керенский, позволив «неограниченный набор чехословацких военнопленных».

Этот успешный «бой местного значения», вошедший в историю, как «битва у Зборова» 2 июля 1917 года, не изменил хода войны: через две недели немцы перешли в

контрнаступление, и русская армия практически перестала существовать. Но печать всех стран обратила внимание своих политических кругов и общественности на успехи чехословацкого оружия, и создание на территории России самостоятельной армии из чехословацких военнопленных сдвинулось наконец с мертвой точки.

Бывшие военнопленные становились легионерами, чтобы воевать на стороне Антанты, т. е. Франции, Великобритании и ее союзников, против Германии и Австро-Венгрии. Одетые в ту же форму, что и русские солдаты, легионеры отличались от них гуситскими эполетами, кокардами и нашивками на рукаве. Язык общения был чешский, дисциплина — французская.

Уже в июле 1917-го на Украине сформировалась легионерская дивизия. Масарик и его помощники выступали в частях, разъясняли обстановку и политические цели эмиграции. Но ситуация с каждым днем усложнялась. В начале сентября немцы занимают Ригу и угрожают северной российской столице. Большевики овладевают петроградским Советом. Вспыхивает корниловский мятеж. А в ударном полку генерала — целая чехословацкая рота! Вмешательство в российскую междуусобицу? Нет, только полный нейтралитет, настаивает Масарик. Но каким образом продолжать войну на стороне Антанты? Ведь большевики готовят переворот и требуют «мира без аннексий и контрибуций», а это означает возвращение к довоенной Европе, иными словами, к Чехии в составе габсбургской монархии! Абсурд! Есть единственный выход: переместить чехословацкие легионы на западноевропейский фронт, во Францию, туда, где война с немцами продолжается. И первые 1100 легионеров из Житомира в октябре 1917 года поднимаются в Архангельске на палубу парохода «Курск» и плывут на Запад. Второй транспорт уходит в следующем месяце. Но это капля в море…

Октябрьский переворот расстраивает эти планы. В письме Плеханову Масарик замечает: переворот не был необходим, ибо «Россия избавилась от абсолютизма, провозглашена республика, создается парламент, предоставлены конституционные свободы, ни политических, ни нравственных причин для революции уже не было, даже притом, что Временное правительство было слабым и неспособным». Большевиков, отрабатывавших немецкие деньги, «нравственные причины» не интересовали. Гражданская война обострялась: Каледин — на Дону, Дутов — на Урале. Центральная Рада Украины позвала немцев: наступают на Одессу и Киев. Большевики просят их о перемирии. А на восточном берегу Днепра — сорокатысячная армия легионеров.

Командующий Киевским военным округом умоляет: «Чехи, не оставляйте, пожалуйста, в эти тяжелые минуты Россию!»

Обстоятельства прямо-таки втягивают легионеров в российские внутриполитические конфликты. Нужна великая осмотрительность: «не хотим проливать русскую кровь и не будем ее проливать». Тем более что легионы получили новый правовой статус: «часть самостоятельной чехословацкой армии во Франции», армии воюющей «под собственным знаменем» и подчиняющейся Чехословацкому национальному комитету; условие ее пребывания на территории России — «вооруженный нейтралитет».

Из Киева удалось уйти буквально в последнюю минуту перед приходом немцев, но спасли даже свои самолеты, восемь штук. У Бахмача с немцами все же столкнулись: были убитые и раненые. Эшелоны направлялись в Курск, Орел, Елец, Воронеж, Тамбов, Пензу… «Была еще зима, — рассказывает участник событий, — в вагонах — холод, печек не было, и не было, собственно, чем топить. Ко всему прочему, нас мучил голод… Кругом — страшная беда, города и деревни — нищие, бездорожье… Никто не знает, что будет дальше. Никакой русской армии нет, только большевики, а против них — офицеры и всевозможные банды…»

В Москве шли вроде бы успешные переговоры с большевистским правительством об эвакуации легионерских войск через Урал и Сибирь до Владивостока. Но договоренность, достигнутая сегодня, завтра могла ничего не значить.

В последующие месяцы чехословацкие легионеры оказались в таком вихре событий, которые трудно даже перечислить, не то что рассказать о них. Оказались в сфере интересов ряда правительств и политических партий. Оказались жертвами разрухи и хаоса, воцарившихся в России, жертвами некомпетентности и произвола новых властей на всех уровнях.

По поводу мира с немцами большевики не могли договориться даже друг с другом. Ленин настаивал на мире и ждал революции в Германии. Троцкий надеялся, что Советы создадут армию и в союзе с Антантой снова выступят против Германии: тогда легионерам, стало быть, и незачем переправляться в Западную Европу, они понадобятся здесь. Франция, наоборот, ждала их на своем фронте. Великобритания, в свою очередь, охотно использовала бы легионеров в России для поддержки своих сил в Архангельске и Мурманске. Легионам грозила опасность быть разорванными на части. Но чехословацкое командование основную свою цель — Владивосток — пока не меняло. И Сталин рассылал телеграммы губернским

советам, требуя разоружить чехословацкий корпус.

Слабые местные власти, окруженные со всех сторон врагами, испытывали самый примитивный страх перед вооруженными иноземцами. Чехословацкий национальный комитет согласился на частичное разоружение: легионеры эвакуируются «как группа свободных граждан, имеющих оружие только для своей защиты от контрреволюционных элементов».

Первым поживился за счет чехословацкого корпуса Пензенский совет: ему достались 21 тысяча винтовок, 216 пулеметов, 44 орудия, 3500 лошадей, 11 автомобилей, 4 самолета. Примеру Пензы последовали другие губернии, по которым тянулись эшелоны с легионерами. Самара, Челябинск, Омск, Николаевск, Чита тоже требовали своей дани — пулеметов, ружей, патронов. Офицеры и солдаты уже не верили местным властям и предъявляли ультиматум: отдадут оружие только во Владивостоке. Власти в ответ неделями и месяцами мариновали эшелоны на запасных путях. Формальные причины у них тоже были: возвращение немецких и австрийских пленных входило в условия Брестского мира, их эшелоны пользовались преимуществом.

Но какого бы напряжения не достигали отношения между легионерами и местными властями, вооруженный нейтралитет пока соблюдался.

Перелом произошел на Челябинском вокзале 14 мая 1918 года. Из встречного эшелона с венгерскими, немецкими и румынскими пленными кто-то случайно или умышленно бросил кусок железа, ранивший легионера. Чехословаки остановили поезд, выгнали пленных из вагонов и расправились с подозреваемым. Челябинский Совет арестовал десять человек. Легионеры освободили арестованных, низложили городскую власть и захватили арсенал. Комиссар Челябинского военного округа срочно сообщал Троцкому: хотели чехословаков разоружить, но сил мало, гарантиям они не верят, считают, что их надо отправить во Владивосток. Тихоокеанского побережья к этому времени достигли только четырнадцать тысяч легионеров, остальные десятки тысяч все еще находились на железнодорожных путях — от Пензы и Сызрани через Урал и всю Сибирь до Дальнего Востока.

Реакция Москвы была категоричной: «полное разоружение». Через два дня: «расформирование». Легионеры не подчинились. Так называемый «чехословацкий мятеж» большевики, всегда отдававшие предпочтение диктату и насилию, в значительной мере подготовили сами.

Первый бой разгорелся перед Омском. Туда из Петропавловска шли два эшелона легионеров, отказавшихся разоружиться. Два состава с красногвардейцами, высланные им навстречу, были разгромлены в течение часа. Легионеры захватили не только магистраль, но и прилегающие территории. Через несколько дней у них в руках были Челябинск, Миасс, Петропавловск и Курган. Еще через неделю — Новониколаевск, Нижнеудинск, Канск, Томск. Пензенский гарнизон защищался оружием, недавно отобранным у чехословаков, но, понеся большие потери, через несколько часов сдался в плен и сдал город. По захваченному мосту через Волгу легионеры переправились на левый берег. Недалеко от станции Липяги, в направлении Самары, большевики сосредоточили латышские части, интернациональную гвардию и матросов. Благодаря удачному ночному маневру легионеры разбили противника наголову: тот потерял полторы тысячи убитыми, две тысячи сдалось в плен. Легионеры отделались легко: погибло тридцать, ранено девяносто.

Москва, не обращая внимания на потери, продолжала требовать «полной и безоговорочной сдачи всего оружия» и посылала в бой новые силы.

Разбросанные на всем протяжении транссибирской магистрали, чехословацкие части соединялись друг с другом и захватывали области на север и на юг от нее, гарантируя себе безопасность. Сдались Уфа, Оренбург, Златоуст, Екатеринбург, Ишим, Барнаул, Тюмень… Пала Казань и ее крепость, где хранился русский золотой запас. Поразительнее всего было то, что открытие фронта на Волге и Северном Урале и захват всей транссибирской магистрали были осуществлены силами всего двух дивизий!

Мировая пресса изображала легионеров героями. США, Великобритания, Франция видели в них «авангард союзных сил», который создаст «антинемецкий фронт вместе со всем русским народом».

Новая общественно-политическая ситуация, складывавшаяся в России, на время заслонила, однако, первоначальную цель легионеров — пробиться во Владивосток…

Непредвиденные события волновали легионеров до глубины души. По воспоминаниям одного из них, вступившего со своим полком в Самару, «к вечеру составы один за другим въезжали в освобожденный город при неописуемом ликовании всего населения, встречавшего нас цветами».

И в каждом городе повторялась та же картина.

За последний год, прожитый в России, настроение чехов и словаков менялось не раз. Добровольное возвращение в армию во имя будущей независимости родины диктовалось патриотическими чувствами. Но душевный подъем сменялся упадком, когда на пути к цели возникали очередные преграды. Не оправдывала надежд Россия: «мощная славянская держава», сбросив царизм, должна была стать «гарантом демократии в Европе», а она заключила мир с Германией и уничтожает себя в гражданской войне. Да, диктатура и террор, принесенные большевиками, отвратительны всем, кому дороги демократия и свобода, но те же большевики призывают к пролетарской революции, которая, по их словам, «освободит трудящихся от эксплуатации и уничтожит в обществе социальное зло». Есть, над чем задуматься!

Сомнения, беспокойство, соблазны в легионерской среде сеяли политические партии — социал-демократы и социалисты. Их приверженцы вели агитацию и распространяли свою печать. Чешские социалисты-интернационалисты уговаривали легионеров не ездить во Францию, а вступать в международный отдел Красной Армии. Не отставали в агитации и чешские коммунисты, издававшие свой журнал в Пензе.

Однако ликующие толпы, встречающие своих освободителей цветами, были убедительнее агитаторов, лозунгов и передовиц!

Демократическим силам России, не принявшим октябрьский переворот, успехи чехословацких войск вернули надежды на возрождение страны: мысль о новом Учредительном собрании еще была жива. Но слабые и разрозненные, силы эти соперничали друг с другом и договориться между собой не могли. Создавали свои правительства, и каждое хотело представлять «всю Россию». Правительство в Самаре, правительство в Новониколаевске, правительство в Омске. С трудом примирить свои позиции им удастся, только создав коалицию, названную «Уфимской Директорией», но дни ее будут коротки: в ноябре 1918 года ее свергнет группа высших офицеров во главе с Колчаком.

Эти сепаратные правительства были похожи еще и тем, что опирались на чехословацкую военную силу. В то время в России, справедливо замечает один историк, никто не надеялся на собственные силы: украинцы, финны, латыши, литовцы, эстонцы надеялись на немцев, мусульмане — на турков, Дальний Восток — на японцев, большевики — на мировую революцию, либералы и социалисты — на западноевропейских союзников.

Заметим попутно, что вооруженное сопротивление большевикам летом 1918 года легионеры предприняли без

согласия и Масарика, который в это время был уже в Америке, и его политического центра. Съезд чехословацкого корпуса в Омске послал телеграмму в Вашингтон, когда события развернулись уже в полную силу: «Мы были вынуждены пробивать себе дорогу… Население помогало нам воевать и восторженно приветствовало наши победы. Оказалось, что советское правительство опиралось исключительно на мобилизованные роты немецких и венгерских пленных… Когда мы их поразили и обезоружили, власть Советов пала сама, и сразу возобновилась деятельность городского и земского самоуправления. Народ на освобожденных землях благодарит нас за спасение; всюду мы видим стремление к возрождению России». Масарик не спал всю ночь: «Боже, что эти парни там делают?!»

Легионер и писатель, один из самых восторженных русофилов, Рудольф Медек восклицал в конце августа 1918-го: «Россия будет свободной! Никогда уже не вернется сюда ни самодержавие, ни комиссародержавие. Здесь будут властвовать только русский народ и его свобода». В эти дни эсеровской пулей был сражен главный петроградский чекист Урицкий, а Каплан стреляла в Ленина. Восстания социал-демократов в Ярославле и Муроме, монархистов в Костроме, левых эсеров в Москве свидетельствовали о том, что мыслящая и деятельная часть русского общества не может принять большевистский режим. Волжский фронт, мечтал Медек, будет сдвигаться на Запад, к Москве, к Киеву, к Петрограду, к Румынии, к Польше, к Прибалтике, к Вене, к Праге, к Берлину: «Здесь будет продиктован мир. Здесь подадут друг другу руки демократия западная и демократия восточная…»

Но Волжский фронт был в опасности. Тысячекилометровую линию его удерживали всего десять тысяч легионеров! А надо было две-три дивизии. России нужна была Народная армия.

Население освобожденной Казани между тем бросилось на бега и в открывшиеся снова кафешантаны. За двенадцать дней мобилизации из двух тысяч офицеров проявили готовность к обороне только четыреста, да к ним — двести рядовых, чьи родители не имели протекции. В Самаре наблюдалось то же самое. Наконец в Казани объявился Ставропольский полк Народной армии. Из четырехсот его новобранцев полтораста потерялись по дороге, и только пятая часть оставшихся умела обращаться с винтовкой.

Власти умоляли легионеров защитить город. По словам командующего дивизией, полковника Йозефа Швеца, «казанцы сулили золотые горы, спирт, еду и т. п. Думали, что чехи

наедятся, напьются и снова пойдут за них умирать».

Казань была сдана, ее участь разделил Симбирск, потом Волжск. «Уфимская Директория» бежала в Омск.

«Верховный правитель и диктатор всей России», вицеадмирал Александр Колчак, бывший командующий Черноморским флотом, был легионерам до крайности неприятен. Хотя переворот совершился с молчаливого согласия Англии и Франции, сам способ насильственного захвата власти был настолько неприемлемым, что Чехословацкий национальный комитет поспешил заявить: «поддерживать диктатора не будет». Чем Колчак лучше большевиков, тоже пришедших к власти в результате переворота?! То, что он объявил свою диктатуру временной — до возникновения условий перехода к демократии, ничего не меняет: о демократии у него смутные представления. Тысячи политических противников держит в тюрьмах, а на вопрос, как же так получается, отвечает, что, конечно, лучше было бы десятерых из каждой сотни расстрелять, а остальных выпустить…

Легионеры, физически и душевно измотанные боями, уступили фронт русским войскам, оставив за собой только охрану железнодорожной магистрали от Николаевска до Иркутска. С передислокацией частей в глубь Сибири вооруженные конфликты не закончились. Севернее и южнее магистрали действовало много воинских формирований: разбитые и рассеянные красноармейские части объединялись со всевозможными бандами, с дезертирами из русской Сибирской армии, с немецкими и венгерскими военнопленными, с партизанами. Все они действовали одинаково: грабили жителей, взрывали железнодорожные пути, нападали на эшелоны, и с ними приходилось вступать в бои.

Капризный, истеричный, неуравновешенный Колчак, ко всему прочему, как и большинство его соотечественников, испытывал неприязнь и недоверие к иноземцам, хотя чехословакам обязан был уже тем, что они захватили и удерживают территорию, которая ему подвластна. Поддержку Колчаку, еще как одному из участников готовившегося переворота, оказал, по мнению историков, чехословацкий генерал Радола Гайда. Честолюбивого, энергичного, готового на риск и авантюры офицера Колчак пригласил командовать Сибирской Армией. Гайда согласился, о чем вскоре пожалел. Стотридцатитысячное войско Колчака было плохо вооружено, плохо воевало, голодало, скверно снабжалось. Гайда выходил из себя, видя, как две тысячи офицеров, спасаясь от фронта, отсиживаются в штабах, томятся от безделья и с

тоской вспоминают о старых золотых часах царизма. Гайда требовал навести порядок, жаловался самому «верховному», давал советы, пока его все не возненавидели. Его отношения с Колчаком закончились бурным скандалом: диктатор был вне себя, размахивал револьвером и грозился застрелить чешского генерала.

Среди легионеров сложилось убеждение, что «для русского нет большего оскорбления, чем зеркало, поставленное перед ним иностранцем». Высокомерные, самовлюбленные беспечные военные чиновники, служившие еще в царской армии, не могли простить чужаку, да еще выходцу из небольшого народа, того, что он осмеливается поучать их, представителей великой нации. Неспособные самостоятельно справиться со своими бедами, они платили злобой тому, кто шел им на помощь. Даже население, уставшее от смены властей, не приносивших им ни мира, ни экономических благ, склонно было обвинять чехословаков в том, что они начали воевать с большевиками: не все ли равно, чья диктатура, зато «жили бы теперь в покое». Омские газеты не скупились на оскорбление и клевету по адресу легионеров, даже называли их «грабителями». Легионеры выглядели благополучнее, русские им завидовали и не верили, что можно жить лучше не воруя. Сам Колчак в одной из крупнейших китайских газет в августе 1919 года заявил, что «чехословаки опасны для Сибири и надо, чтобы они как можно скорее отсюда ушли». Из окружения Колчака исходили и такие выводы: «По складу своего характера, по своим узко материалистическим взглядам чехи, без сомнения, являются вырожденцами славянства. В душевной выхолощенности чехов, в их невероятном эгоизме следует искать прежде всего объяснение их деятельности в Сибири».

Их деятельность, и в самом деле, была впечатляющей.

Экономическая разруха в России не оставляла легионерам иного выхода, кроме как полагаться на свои силы. Шеф интендантской службы вспоминал позднее, что «равнодушие и нерадивость русских учреждений была повсюду причиной плохой организации снабжения», «не было ни одного станка, ни одного инструмента, а если и было что-то, так было упрятано или закопано глубоко в землю или увезено далеко в степь». Власти были поражены невиданной коррупцией, без крупных взяток от них ничего нельзя было добиться.

Было нелегко и опасно наладить поставки с Дальнего Востока, из Китая и Монголии. Чехословаки привозили зерно и запускали мельницы для его помола, доставляли десятки тысяч

шкур и открывали армейские обувные, швейные, шорные предприятия. Обувная фабрика в Екатеринбурге ежемесячно производила пятнадцать тысяч пар сапог, шила полушубки для русской армии. Работали столярные мастерские, цехи по производству мыла и разной иной продукции. В Иркутске половина товаров обувных, слесарных, шорных мастерских шла русским.

Возобновилось промышленное производство. В 1919 году технический отдел штаба Чехословацкого военного корпуса управлял сто пятью предприятиями, среди которых было восемнадцать шахт, более семидесяти фабрик и заводов, десять железнодорожных мастерских. Производство выросло в среднем на 40 %, а на некоторых предприятиях — в два с лишним раза по сравнению с довоенным уровнем. Металлургические, сталелитейные, машиностроительные, химические, строительные, горнодобывающие предприятия удовлетворяли и нужды Сибири. Изготовлялись рельсы, мостовые конструкции, запчасти для локомотивов, вооружение. Открылась фабрика, производившая телефоны, батарейки, аккумуляторы, котлы, весы, скобяные изделия. В Омске вырабатывались сигары и мелкая галантерея, в Екатеринбурге ортопедическая мастерская изготовляла протезы для солдат-инвалидов, чехословацких и русских.

Не забудем еще о семи больницах и ветеринарной лечебнице, открытых легионерами в Сибири, и об организованной ими почтовой связи между Россией и Дальним Востоком, которая была единственной, надежной и доступной для всех.

Хозяйственно-экономическая деятельность чехословацкого корпуса вызывала большой интерес промышленных, торговых и финансовых кругов Сибири и Урала. Местное население получало работу, чехословацкая сторона нередко выступала посредником в спорах между рабочими и предпринимателями.

Удивительно, что даже в этих суровых условиях не оказались забытыми культура и просвещение. Легионерские театральные коллективы в 1919 году сыграли 235 спектаклей в семнадцати городах Сибири. Кое-кого здешние любительские подмостки привели позднее на профессиональную сцену и даже в труппу пражского Национального театра. Душой симфонического оркестра из шестидесяти музыкантов был композитор Рудольф Карел. Из семидесяти семи концертов тридцать было дано исключительно русской публике. Только симфоний в его репертуаре было шестнадцать!

Работали свои художники и скульпторы. Легионерское издательство выпускало книги, иллюстрированный ежемесячный журнал и журнал юмора. Газет было множество, печатались даже

полковые. Крупнейшая ежедневная газета «Чехословацкий деник» за полтора года вышла тиражом более 3,5 миллиона экземпляров.

В условиях военного времени, когда надо было охранять вокзалы, мосты, пути, вести разведку и отбиваться от вооруженных банд, активность легионеров, их инициатива, изобретательность, организаторский талант и творческие способности кажутся просто невероятными.

В сентябре 1919 года, когда Колчак потерял 20 тысяч убитыми, омская пресса снова стала превозносить легионеров и просить о помощи на фронте: «без чехов режим не сохранится». Омск был в отчаянии и, как это уже бывало раньше, готов был на все, лишь бы чехословацкий корпус снова жертвовал собой.

Но обстоятельства изменились в корне.

Во-первых, еще в ноябре 1918 года капитулировала Германия. Мировая война закончилась раньше, чем предполагали чешские политики. Легионерам не надо было переправляться во Францию и бороться за независимую Чехословакию. Во-вторых, независимая Чехословакия уже стала фактом. Политическая, военная, дипломатическая деятельность Масарика и его единомышленников, горячо поддержанная на родине, увенчалась успехом: 28 октября 1918 года на карте Европы появилось новое государство.

Это великое событие произошло в такие тяжелые для легионеров времена, что им некогда было даже порадоваться: почти ежедневно шли бои в Поволжье и на Урале. Теперь, когда республика нуждалась в вооруженных силах на собственной земле, лучшая и большая часть армии находилась вдали от дома, затянутая воронкой российской гражданской войны. Что еще держало там легионеров? Только трудности эвакуации, шедшей медленно, тяжело, долго, нередко с боями, которых невозможно было избежать. А что касается русофильских иллюзий, еще год назад живших в легионерских душах, так их уже не оставалось… Умерли…

Это был их второй этап. Если первый можно было бы выразить формулой «мы в беде, Россия нам поможет», то второй звучал бы так: «Россия в беде, мы поможем ей».

За несколько лет чехи и словаки хорошо познакомились с Россией в критический для нее период. Встречаемые восторженным населением, они чувствовали себя ее освободителями от большевизма. Русофильство командного состава, так же как и рядовых, проявлялось в заинтересованном общении с местным населением. Хорошо одетые, накормленные,

умеющие себя держать, чешские и словацкие парни нравились юным россиянкам. Языковый барьер оказался нетрудным. Завязывались знакомства с разными людьми, подкрепляемые взаимными визитами и откровенными беседами о житье-бытье, да и о политике тоже. Ставились вечные русские вопросы «что делать?» и «кто виноват?» Снабженцы имели дело с чиновниками, кооператорами, купцами, банкирами, фабрикантами и могли оценить положение в стране. Офицерский состав дружил с интеллигенцией и политиками. Добрые отношения сложились с меньшевиками, кадетами и особенно эсерами. Однако… Российская действительность показала чешским русофилам, что у них отсутствовали практические знания русского менталитета, страдающего мечтательностью, благодушием, упованием на чудо и на «авось».

Командующий первой дивизией, полковник Швец, с горечью писал своему коллеге: «Ты знаешь, когда наши люди видят, что народ здесь не хочет защищать собственную землю, то и у них появляется мысль, что они сражаются за чужие интересы, оттого и эта поспешность уйти отсюда». Швец принадлежал к ярким личностям в легионерских войсках. Награжденный за героизм еще в битве у Зборова, он командовал частями в боях за Пензу и у Липяг, был любим и пользовался большим авторитетом. Усиливавшиеся сомнения в том, насколько действия легионеров в России отвечают их главной цели, ослабляли воинский дух армии и расшатывали дисциплину. Отказ одного из батальонов идти в атаку Швец расценил, как свое личное поражение, и застрелился. Трагедия произошла на ж.-д. станции Аксаково, в 150 километрах от Уфы. Швец так и не узнал, что в этот же день пражский Национальный комитет провозгласил независимость Чехословакии…

«Зачем завоевывать то, что русские все равно потеряют? Все демократические правительства в России пали одно за другим. Кому нужна демократия в России и нужна ли она ей вообще?» Итог этим невеселым размышлениям подвел Богдан Павлу, политический руководитель легионерского войска, юрист, редактор, русофил: «Большевизм мы считаем болезнью общества, которая охватила всю Россию и которой русский народ должен переболеть сам».

Оценивать вооруженный конфликт между легионерами и большевиками, как столкновение политических интересов, означало бы ставить их в один ряд. Судьей может быть мораль: легионеры имели право на моральное превосходство, как защитники демократии и свободы, для которых большевистская диктатура, аморальная, как всякая иная диктатура, была

олицетворением зла.

Дни Колчака и его правительства были сочтены. 12 ноября 1919 года из Омска на Восток вышли пять личных эшелонов диктатора. В двадцати восьми вагонах ехал государственный золотой запас — 28 тысяч пудов золота и драгоценностей. В том же направлении двигались составы с легионерами.

Колчак был на пути в Иркутск, когда там произошел переворот, направленный против него. Адмирал обратился к западным союзникам, чтобы его самого и золотой запас взяли под охрану. Союзники поручили это легионерам. Золотой запас охраняла смешанная стража из чехословаков, русских, поляков, румын, южных славян и японцев.

Иркутский Совет потребовал выдать Колчака, а в случае отказа угрожал легионерам разоружением и блокадой железнодорожной магистрали на Восток. Ввязываться в новые бои командование чехословацким корпусом уже не считало нужным. К великому неудовольствию союзников Колчак был выдан, хотя начальник его охраны предлагал ему переодеться в простую офицерскую форму и укрыться в одном из чехословацких эшелонов. Колчак отверг предложение: «Не хочу быть обязанным чехам за охрану». Отвечая на упреки союзников, командующий чехословацким войском генерал Сыровы заявил: «На Колчака легионеры смотрели, как на неприятеля, мешающего нашей эвакуации. Мы охраняли Колчака дольше, чем могли».

С Иркутским Советом легионеры заключили трехнедельное перемирие на следующих условиях: взаимный обмен пленными; нейтралитет чехословаков; поставка полутора миллионов пудов угля; соблюдение блок-участка длиной в 350 верст между последним легионерским эшелоном и первым советским составом; присутствие в каждом эшелоне смешанной советско-чехословацкой комиссии; передача золотого запаса советским властям последним легионерским эшелоном.

Заключительное событие произошло в торжественной обстановке 1 марта 1920 года. Командир чехословацкого гарнизона был преисполнен гордости и пафоса: «Мир в эти дни будет смотреть на нас… Золотой запас — собственность русского народа. Советы сегодня — его единственное правительство. Передачу проведем честно и добросовестно. Пусть большевики видят, что у нас никогда не было нечестных умыслов».

5143 ящика с золотыми монетами, слитками и самородками были переданы с соблюдением всех необходимых формальностей. Официальный воинский церемониал, предусматривавший взаимные приветствия обнаженными саблями и рукопожатия,

завершился неофициальными прочувствованными объятиями и поцелуями.

Но большевики вскоре усомнились в честности и добросовестности легионеров, обвинив их в том, что они присвоили себе часть золотого запаса. Называли огромную сумму, в которую оценили вещи, вывезенные легионерами из Владивостока. Подвергая сомнению точность этой суммы и методы ее подсчета, чехословацкая сторона одновременно отмечала, что все покупалось на заработанные деньги, поскольку экономическая деятельность корпуса была прибыльной. Существенный аргумент состоял и в том, что золотой запас в течение полутора лет переходил от владельца к владельцу. Захваченный в Казани, он был сразу отдан Самарскому правительству, после падения Самары передан «Уфимской Директории», потом в Омск, где 14 месяцев был в распоряжении Колчака. Последнее хищение на пути к Иркутску произошло, как свидетельствуют документы, в то время, когда его охраняла русская стража. Сразу же после случившегося ее заменили…

Факт, однако, остается: золотой запас растаял на треть. Чехи свою вину отрицают.

Легионеры покидали Владивосток с января по ноябрь 1920 года. Последний эшелон пришел туда в начале июня. Финансировать эвакуацию помогли западные союзники: половину перевезли американцы, треть — британцы, остальных — французы, итальянцы, японцы и сами чехословаки.

Всего из Владивостока ушло 42 морских транспорта, эвакуировавших около 73 тысяч человек, среди них — около трех тысяч офицеров. Около пяти тысяч вернулись домой инвалидами. Потери чехословацкого корпуса в России составили 3650 человек убитыми и 740 пропавшими без вести… «Война — это что-то ужасное, бесчеловечное, особенно эта война, — записывал Масарик в памятную книгу первого легионерского полка 20 августа 1917 года, — но война — не самое большое зло. Жить бесчестно, быть рабом, порабощать и многое другое — хуже. Война — зло, но оборона нравственно допустима, хотя нелегко установить, где начинается оборона, а где — насилие».

1 января 1996 года лично принять награду от президента Вацлава Гавела в Пражском Граде смогли только двое бывших легионеров: 98-летний Стефан Догодил, бывший боец 39-го полка, и столетний Вацлав Кратохвил, стрелок 5-го полка.

За семьдесят с лишком лет после их возвращения домой мир

неузнаваемо изменился. Далеко не все ожидания оправдались. Писатель Франтишек Лангр, еще будучи легионером, это предчувствовал: «Впечатления, которые будет приносить нам жизнь, уже никогда не будут такими яркими, как в те времена, когда мы были между Волгой и Тихим океаном. Все наши чувства будут мелкими и рутинными. Великое и неизгладимое останется в прошлом».

Часть легионеров осталась в армии, занимала крупные должности в генеральном штабе и в военных округах; боевые традиции легионеров были в республике основой воинского воспитания. Часть вернулась к своим профессиям. Часть пошла на государственную службу. Почти все офицеры, воевавшие в антигитлеровской коалиции, были из числа легионеров. В 1948 году диктатура, с которой они тридцать лет назад столкнулись в России, пришла в их собственный дом. Армию «очищали» от бывших легионеров: некоторые не избежали тюрем и казней. История переписывалась заново: чехословацкий корпус в России «хотел задушить молодую советскую республику — надежду всего человечества». (Это и нам вдалбливали.) Уцелевшие как бы перестали существовать: исчезали легионерские памятники и имена, которыми были названы улицы, площади, парки…

Но те, кто оставался в живых, помнили все. «Да, Россию мы, братцы, любили, — признавался тот же Матей Немец. — Для одних она осталась воспоминанием о прекраснейших днях молодости, для других стала судьбой, определившей всю их дальнейшую жизнь».

«Русская акция» в Чехословакии

> «Ныне я эмигрант, человек, всегда бывший чуждым политике, но принужденный покинуть родину по причинам, хорошо известным всему культурному миру, и находящийся в большой нужде… Позвольте горячо просить страну, родную нам, оказать мне материальную поддержку в тех или иных размерах и форме.
>
> *Иван Алексеевич Бунин*
>
> *Париж, 3 октября 1921 г.»*

Письмо, адресованное президенту Чехословакии Томашу Масарику, не осталось без ответа: будущий лауреат Нобелевской премии получил 50 тысяч чешских крон, сумму по тем временам весьма солидную.

Бунин не был единственным русским писателем в эмиграции, которого поддержала молодая республика. Помощь получали Цветаева, Ремизов, Бальмонт, Мережковский, Зинаида Гиппиус, Куприн, Шмелев, Тэффи, Борис Зайцев… «Вечная благодарность русских людей Вам и Вашему народу, — писал Масарику Мережковский, — за то, что Вы осуществили больше всех других славянских народов великую идею нашего братства».

Первая волна эмиграции, вызванная большевистским переворотом, террором, голодом, разрухой, гражданской войной, вынесла из России заграницу несколько миллионов человек. Бежали в Финляндию и Прибалтику, а оттуда — в Варшаву, Берлин, Париж. Бежали в 1918-м с немцами, оставлявшими Украину, в 1919-м — с французами из Одессы и с Юденичем из Петрограда, в 1920-м с войсками Колчака в Китай, с Деникиным — из Новороссийска в Болгарию, с Врангелем — из Севастополя в Турцию.

Последняя операция была особенно масштабной. Десятки тысяч беженцев со всей России вместе со стотысячной армией в переполненных судовых трюмах пересекали Черное море и высаживались в Стамбуле. Эвакуация проходила под патронажем Франции, которая, признав созданное Врангелем российское правительство, чувствовала свою ответственность за случившееся. Врангелевцы были размещены на Галлиполийском полуострове Турции, протянувшемся вдоль Дарданелл, казаки атамана Краснова — на греческом острове Лемнос.

Турцию массовое нашествие русских не обрадовало, а вооруженная армия не на шутку растревожила. Разочаровавшись в союзниках, без средств к существованию, терзаясь горечью поражения и надеясь на реванш, она беспокоила и Францию, тем более что стала обременять ее казну. Чтобы сохранить армию, Врангель предложил дислоцировать ее в нескольких странах: в Болгарии, Югославии, Чехословакии. Такое решение было достигнуто. Состав эмигрантов был пестрый. Высшая аристократия не составляла большинства, как было принято утверждать еще совсем недавно, наоборот, основную массу эмигрантов творили солдаты и офицеры белой армии, политики разных направлений, студенты, инженеры, ремесленники, церковники, ученые, профессора и, конечно, творческая интеллигенция — писатели, публицисты, философы, художники, артисты, музыканты. Последняя группа эмигрантов появилась в 1921-23 годах, когда большевики сравнительно легко разрешали служебное пребывание за границей, но эта лазейка быстро закрылась: уехавшие не возвращались. Тогда же, осенью 1922-го, советское правительство совершило поступок для него неожиданный и не характерный: арестовав более двухсот крупнейших ученых, еще остававшихся в России, выслало их за границу на двух пароходах, из Петрограда и из Одессы. Эта научная элита, под угрозой смерти никогда не смевшая возвращаться на родину, стала украшением русской эмиграции.

Инициаторами «Русской акции», начатой в 1921 году в Чехословакии, были президент Томаш Масарик и русофильски настроенные Карел Крамарж, бывший глава первого правительства и лидер народно-демократической партии, и Вацлав Гирса, заместитель министра иностранных дел и один из бывших руководителей чехословацких легионеров в России.

«Русская акция» преследовала не только гуманитарные, но и практические цели, что нисколько не умаляет ее значения. По замыслу президента Масарика, надо было «собрать, сберечь и поддержать остаток культурных сил России», которые после краха большевизма начнут у себя на родине строить новое демократическое государство. Приоритетными были поэтому наука и образование. Одновременно Чехословакия надеялась удовлетворить потребность в рабочих руках на селе, где началась реформа земледелия. Этими соображениями и была продиктована телеграмма Гирсы от 7 ноября 1921 года, в которой он уведомлял Стамбул, что его страна примет 800 студентов и 4000 земледельцев, из них 50 % казаков, донских и кубанских. Недавним военным предстояло найти свое место в мирной жизни,

став эмигрантами.

На «Русскую акцию» Чехословакия истратит больше средств, чем все остальные европейские страны, вместе взятые — более полумиллиарда крон, или пять процентов среднегодового бюджета республики. Средства будут поступать через министерство иностранных дел, фонд президента, чехословацкий Красный Крест. Существенную поддержку, материальную и моральную, окажут эмигрантам благотворительные организации и частные лица, знавшие Россию или жившие там ранее и сочувствовавшие ей, легионеры, прошедшие долгий и мучительный путь до Владивостока, представители чешской интеллигенции, влюбленные в русскую культуру.

Первой в Праге эмигрантской организацией, возникшей еще в апреле 1919 года, была Русско-чешская Еднота. В Японском салоне отеля «Беранек», владелец которого даже отказался от арендной платы, вокруг огромного самовара еженедельно устраивались чешско-русские посиделки, где можно было отдохнуть, развлечься, хоть на время забыв о своем утраченном доме. Читались лекции, завязывались дружеские отношения, начиналось знакомство с новой, неизвестной эмигрантам, страной, с ее культурой и стилем жизни.

В конце 1920-го Русский трудовой союз взаимопомощи организовал в ресторане «У Юнгру» ежевечерне работавший клуб, юридическую консультацию, биржу труда, мебельную и переплетную мастерские, кондитерскую. Столовая, открывшаяся 11 января 1921 года в Старом месте, в центре Праги, зазывала земляков на «здоровую русскую кухню»: «Каждый вторник — пельмени, по пятницам — блины, по воскресеньям — пироги, мясные и рыбные. Чай, кофе, пиво, ежедневно — свежие калачи, пончики, пирожки. Все за доступные цены». В тот же день Общество русских оперных и драматических артистов дало свой первый концерт: исполнялись русские танцы и сцены из «Кармен». А еще через два дня в кабаре «Люцерна» праздновалась встреча старого Нового года с чешско-русской концертной программой… Культурные мероприятия со временем станут регулярными. Появится «Русский очаг», организованный по инициативе дочери президента Алисы Масарик, с библиотекой-читальней, клубом для проведения лекций и вечеров, буфетом. Но жизнь налаживалась не так быстро, как хотелось бы.

Основную заботу об эмигрантах взял на себя Земгор — Объединение российских земских и городских деятелей в Чехословакии. У Земгора были свой санаторий в Засмуках, сеть русских библиотек и читален, большая Русская народная

библиотека. Земгор заботился о трудоустройстве, образовании, медицинской помощи, жилье. В пражском районе Либень было открыто одно из первых общежитий для эмигрантов «Свободарна». В центре Праги аренда квартиры стоила дорого, селились в новых городских районах, да и то более обеспеченные, дешевле было жить в небольших деревнях вокруг столицы — Збраславе, Черношице, Вшенорах.

Жили скромно. На пособия, ссуды, случайные заработки, пока не находили себе достаточно оплачиваемую постоянную работу. Ради нее переселялись в Брно, Братиславу, Ужгород, Пльзень, в небольшие провинциальные города.

Правовой статус эмигрантов был аналогичен статусу граждан: получали удостоверения личности, а в конце 20-х годов, так же как русские эмигранты в других странах, т. н. «нансеновские паспорта», дававшие право выезжать за границу (кроме СССР) и возвращаться обратно. Отсутствие политических прав эмигрантов не смущало: они продолжали жить проблемами российской политики, разделенные на партии, фракции, платформы.

На одном фланге сосредоточились партии сторонников монархии и белого движения, на другом — демократические, социалистические, либеральные. Самыми многочисленными были монархисты, самыми влиятельными, благодаря тесным контактам с чехословацкими правительственными кругами, эсеры. Не случайно среди пражских эмигрантов оказалась «бабушка русской революции», лидер партии эсеров Екатерина Брешко-Брешковская и главный эсеровский теоретик и идеолог, председатель Учредительного собрания Виктор Чернов.

Меньшевики, кадеты, русская земледельческая партия, «Крестьянская Россия», «Крестьянский путь»… У каждой партии свой печатный орган: у монархистов — «Русская мысль», у эсеров — «Воля России» и «Революционная Россия», у кадетов — студенческий журнал «Своими путями»… Кроме политических объединений существовали землячества, общества национальные и профессиональные, взаимопомощи, культурные, самообразования, религиозные, спортивные.

Расцвет «русской Праги» приходится на 1922-25 годы. Число эмигрантов в республике переваливает за 25 тысяч. Наряду с русской возникают многочисленная украинская и белорусская колонии, в меньшинстве остаются грузины, армяне, калмыки…

Если Париж называли «столицей эмиграции», Харбин — «Россией за границей», а Берлин — «мачехой русских городов», то Прага именовалась «русскими Афинами» и «русским Оксфордом»,

как центр образования и науки. Комплекс образовательных учреждений включал в себя приюты для сирот, школы, гимназии, институты и университеты. Педагогические силы собрались первоклассные: одних профессоров более полутораста! Московский университет представляли философ и правовед Павел Новгородцев, бывший ректор, зоолог Михаил Новиков, теолог и экономист Сергей Булгаков (о. Сергий), историк Александр Кизеветтер. Продолжим список именами историка искусств и археолога, члена Императорской Санкт-Петербургской Академии наук Никодима Кондакова, ученого-экономиста, бывшего министра Временного правительства Сергея Прокоповича, экономиста, историка, философа Петра Струве, философа, филолога, историка Дмитрия Чижевского, историка и философа Георгия Вернадского, философа и богослова Георгия Флоровского, философа, основателя интуитивизма Николая Лосского, критика и литературоведа Альфреда Бема… Любой перечень ученых знаменитостей был бы, впрочем, неполным.

Павел Новгородцев основал Русский юридический факультет, готовивший адвокатов, судей, законоведов, политиков. Русский народный университет, руководимый Михаилом Новиковым, превратился в международный просветительский центр, публиковавший научные труды, преимущественно исторические и природоведческие. При университете собиралось «Философское общество», Новиков возглавил и Зоологический семинар. Семинар Кондакова при Карловом университете позднее перерос в Археологический институт, носивший имя русского академика. Сергей Прокопович вел Экономический кабинет. Мировую известность приобрел Пражский лингвистический кружок, основанный в 1926 году языковедом, одним из основателей структурализма Романом Якобсоном. Последний приехал в Прагу официально в 1920 году как пресс-атташе российского торгпредства, но обратно не вернулся.

Готовили специалистов Русский институт коммерческих знаний, Русский институт сельскохозяйственной кооперации, Русский педагогический институт имени Амоса Коменского, Русское высшее училище техников путей сообщения, русская Автомобильно-тракторная школа. Студенты получали стипендию.

Бурную организационную, просветительскую, общественную деятельность вел Валентин Булгаков, историк литературы, секретарь Льва Толстого в последний год жизни писателя. Как «ненадежный элемент» он был выслан из Петербурга в Штеттин на том же «философском пароходе», что и Бердяев, и Лосский. В Праге он издает ряд монографий о Толстом, покупает у русской диаспоры рукописи, книги, фотографии, картины и становится во

главе созданного им Русского культурно-исторического музея в Збраславе.

Русская культура, сосредоточившаяся в эти годы в Праге, впечатляла своим богатством и могла удовлетворить даже самый взыскательный вкус. Не случайно возникает идея ежегодного «Дня русской культуры», который с 1925 по 1938 год торжественно проводился в день рождения Пушкина.

Огромным успехом у русской публики в Чехии и за ее границами пользовалась Пражская группа МХТ, образовавшаяся после раскола труппы Московского Художественного театра в 1921 году в Берлине. Недолго, но с блеском работал Русский камерный театр. Заслуженную любовь зрителя снискала Пражская драматическая труппа, возникшая позже, в начале тридцатых.

Возможно, только историкам театра известны сегодня такие имена, как Елизавета Никольская, Ремислав Ремиславский, Бронислав Хорович. А ведь их прекрасно знал и любил не только русский, но и чехословацкий зритель, благо что искусство их не признавало языкового барьера. Никольская была прима-балериной Национального театра в Праге, его главным балетмейстером и хореографом, возглавляла балетную школу как театра, так и свою собственную. Солистом балета и хореографом Национального театра был и Ремиславский, тоже открывший собственную школу балета. Он руководил также балетным ансамблем театра «Варьете», работал хореографом «Большой оперетты» и Театра на Виноградах. Русский оперный певец Хорович выступал на сценах Пражского Национального и братиславского Государственного национального театров.

Из певческих коллективов самыми известными были Донской казачий хор имени атамана Платова и хор имени А. А. Архангельского, прославленный хоровой дирижер и композитор прожил в Чехословакии последний год жизни.

Марина Цветаева жила в Праге с 1 августа 1922 года, как следует из собственноручно заполненной и подписанной ею анкеты Союза русских писателей и журналистов. Из этой же анкеты видно, где жила: Дольние Мокропсы. Деревня под тогдашней Прагой. Хотя точный адрес указан другой: Прага, Вышеградска, 16, Местский (т. е. городской) Худобинец. Это уже центр столицы: в «Худобинце», бывшей пражской богадельне св. Варфоломея, осенью 1921 года было открыто общежитие студентов-эмигрантов.

Цветаева приехала в Прагу из Берлина, где встретилась с мужем, Сергеем Эфроном, прошедшим сначала мировую войну, а потом гражданскую, с Добровольческой армией.

Три года жизни в Праге оказались чрезвычайно плодотворными для Цветаевой. Кроме множества стихотворений созданы «Поэма Горы» и «Поэма Конца», трагедия «Ариадна», большая часть поэмы «Крысолов».

Эмигрантская Прага Цветаеву почти не знала и не была способна воспринимать ее поэзию, казавшуюся претенциозной и вычурной. Знакомых было мало. Из чехов ее добрым другом стала переводчица Анна Тескова, которой она посвятила цикл стихотворений «Деревья». Из эмигрантов — Марк Слоним, литературный критик, высоко ценивший ее как поэта. Слоним был редактором левоэсеровского журнала «Воля России», в партию входил и сам. Считая себя подлинными социалистами, которых предали большевики, левые эсеры держались особняком. Свою позицию занимал и журнал: знакомил с новостями культурной жизни в Советской России, пока там еще была какая-то свобода, например, с «Серапионовыми братьями», ОПОЯЗом, конструктивизмом, с крестьянской поэзией. К 1925-му году «Воля России» превратилась в классический «толстый» журнал, публиковавший произведения, позднее вошедшие в золотой фонд русской эмигрантской литературы. Впоследствии, став признанным автором многотомных историй русской литературы, включая Солженицына и Самиздат, Марк Слоним всегда отводил Марине Цветаевой особое место в русской поэзии.

В 1925 году Цветаева и Эфрон уезжают в Париж, надеясь улучшить материальное положение. К сожалению, благополучия не наступило. В сентябре 1926-го Цветаева писала Анне Тесковой: «…с прекращением чешской стипендии совсем обнищали… В нынешней нищете своей я не повинна, работала как никогда. Три поэмы за лето… Последние известия из Чехии печальные, мне и в половинной (500 крон) стипендии отказано… Кроме труда, у меня в жизни нет ничего, да, в конце концов, и не нужно ничего: возможность работать… Отнимите у меня писанье — просто не буду жить, не захочу, не смогу…»

Союз русских писателей и журналистов, созданный в Праге в 1922 году, объединял более сотни членов. Среди знаменитостей кроме Марины Цветаевой были Аркадий Аверченко, Василий Немирович-Данченко, Евгений Чириков.

Прославленный редактор «Сатирикона» и «Нового Сатирикона» предпочел Прагу, опасаясь, что в неславянской стране не сохранится как русский писатель. Его веселое остроумное перо и в самом деле легко преодолело языковую границу: на чешский Аверченко много переводили и щедро печатали. Эмигрантской среде была особенно близка его

политическая сатира на большевистский режим и его вождей. Аверченко постоянно и с неизменным успехом выступал не только в Чехии, но и в Прибалтике, Польше, Румынии, в Берлине и в Белграде. В Праге вышло 12 томов его собрания сочинений. Ему было немногим более сорока, когда отказало сердце, и он умер в пражской городской больнице.

Известным и почитаемым писателем был Евгений Чириков, опубликовавший в эмиграции тринадцать томов своей прозы. На чешском его книги — 26 томов — нередко выходили раньше, чем на русском. Его хорошо знал еще русский дореволюционный читатель как романиста и драматурга, бравшегося за острые социальные и политические проблемы. Размышлениям о драматической судьбе России последних лет посвящены и его книги эмигрантского периода. Плодовитым, несмотря на преклонный возраст, оставался Василий Немирович-Данченко, брат одного из основателей МХАТа, опубликовавший в эмиграции около десятка книг и множество произведений в периодике. Его охотно переводили на европейские языки, но больше всего — на чешский.

Молодое поколение литераторов-эмигрантов группировалось по творческим интересам. Возникли «Скит поэтов», руководимый Альфредом Бемом, и «Далиборка» (по названию кафе, где первое время собирались). Марк Слоним, будучи редактором журнала и одним из организаторов издательства «Пламя», мог больше других позаботиться о новых талантах и помочь им войти в литературу.

Издательство «Пламя» заслуживало бы большего, чем простого упоминания. В 1923-25 годах оно было лучшим среди всех эмигрантских издательств, выйдя на мировой рынок. Председатель Правления, филолог, историк литературы, профессор Карлова университета Евгений Ляцкий задал исключительно высокий научный и художественный уровень изданий и широкий тематический диапазон, охватывавший философские и исторические науки, историю литературы, естествознание, технику, прикладные науки, искусство, справочные издания и учебники.

Осенью 1924 года Сергей Эфрон, студент Карлова университета, писал сестре: «Двадцать пятый год не обещает ничего хорошего… Возможно, что ради заработка придется переехать в Париж, там есть хоть какой-то шанс найти работу, здесь — никакого. Нас, русских, тут слишком много…» Русских, действительно, было много, и не только в Чехословакии, во Франции их было вшестеро больше, в Германии — вчетверо, в

Польше — вдвое. «Русская акция» продолжала действовать. Но эмиграции, казавшейся вначале временной, не видно было конца. Готовившиеся для новой России научные и инженерные кадры вынуждены были искать себе применение за границей. К 1928 году высшие учебные заведения в Чехословакии закончило около двух тысяч русских эмигрантов, получивших дипломы врачей, юристов, философов, педагогов, экономистов, инженеров.

Эмигрантское общество постепенно деполитизируется, особенно молодежь. Политические партии раскалываются, идейные ориентации их теряют четкость и бескомпромиссность. Находит приверженцев «сменовеховство», утверждавшее, что большевистская Россия под влиянием внутренних и внешних обстоятельств будет эволюционировать и со временем станет нормальным демократическим государством, поэтому надо отказаться от идеи свержения советской власти и начать с ней сотрудничать. Часть эмигрантов поддается «возвращенческим» настроениям: прежней России все равно не дождаться, надо вернуться в ту, что есть. «Теоретическую базу» подготавливают «евразийцы»: Россия — не Европа и не Азия, Россия — самостоятельный континент, Евразия, со своей, не европейской и не азиатской, моделью развития. Ее, эту модель, надо принять. Добавим от себя: даже если она претворяется в жизнь сталинской диктатурой…

Мировой кризис конца 20-х — начала 30-х годов не обходит Чехословакию. Прежних средств на «Русскую акцию» правительство выделить уже не может: вместо 90 миллионов крон в лучшие годы ограничивается в 1930-м 15 миллионами; к 1937 году эта сумма падает до 2,6 миллиона крон. Рабочие места, занятые русскими эмигрантами, освобождаются в пользу граждан республики.

Меняются не только экономические условия жизни эмигрантов. Меняется политическая атмосфера внутри страны, отражающая новую ситуацию в Европе. Чехословацкое правительство давно подвергалось давлению со стороны Москвы, раздраженной тем, что оно предоставило убежище русской эмиграции. По мере налаживания межгосударственных связей давление усиливается. Без конца игнорировать факт присутствия по соседству огромной большевистской империи Западная Европа не считает целесообразным. Чехословакия и так, в отличие от Франции, Италии и особенно Германии, с признанием СССР не торопилась, ограничившись торгпредством и дипломатической миссией, открытой в 1921 году. Дипломатические отношения были установлены только в 1934-м, а год спустя обе страны заключили пакт о ненападении. Чехословацкие коммунисты и

другие левые силы, поощрявшиеся Москвой, ринулись в атаку на правительство, требуя отказа от поддержки русской эмиграции, в т. ч. материальной. Возникновение фашистской диктатуры в Германии еще более осложняет обстановку. Министр иностранных дел, а с 1935 года, после Масарика, президент республики Эдуард Бенеш, исходил из того, что небольшое государство не может позволить себе независимую внешнюю политику. Оказавшись в силовом поле двух диктатур, республика должна была сделать выбор.

Широкая общественность, как это чаще всего бывает, не утруждала себя анализом обстановки и фактов, тем более, шокирующих, предпочитая успокаивающие мифы и слепой оптимизм. Прежний опыт и осведомленность эмигрантов о том, что творится в СССР, никого не убеждали, равно как и свежие свидетельства очевидцев. В 1936 году на чешском языке, раньше, чем на русском, английском, немецком, вышла книга Ивана Солоневича «Россия в концлагере». Ее автор, советский спортивный журналист, осужденный ГПУ на восемь лет лагерей и сумевший в конце концов бежать за границу, за 35 лет до Солженицына создал потрясающий документ, не уступающий «Архипелагу ГУЛАГ». Не менее шестнадцати миллионов узников в тысячах сталинских концлагерей — как бы население всей Чехословакии! — представить себе такое и переварить обществу было трудно. Оно охотнее переваривало погодинских «Аристократов» на театральной сцене и «Путевку в жизнь» — на экранах кинотеатров. Зато пресса щедро расписывала безобразия гитлеровского режима, хотя он оставался только прилежным учеником, с аппетитом поглядывавшим на Восток. Известно, что в 1922 году Геббельс высоко оценил преимущество политической системы СССР, основанной на абсолютной диктатуре одной партии, а в конце 30-х Москву посетили немецкие эксперты, изучавшие опыт советских концлагерей.

В итоге чехословацкое общественное мнение, подкрепляемое снова усилившимся русофильством — на этот раз просоветским! — все более симпатизировало великому восточному соседу. Присутствие русских эмигрантов создавало властям неудобства, а то и раздражало. Существовала, например, инструкция, не рекомендовавшая официальным лицам и государственным служащим посещать эмигрантские мероприятия…

Профессор Сергей Булгаков уехал во Францию еще в 1925-м. Доцент Георгий Флоровский — туда же, в 1927-м. Директор семинара им. Кондакова, профессор Георгий Вернадский — в том

же году, в США. Марк Слоним — в 1928-м, во Францию. Профессор Дмитрий Чижевский в 1932-м, в Германию. Сергей Прокопович в 1939-м, в Швейцарию. Роман Якобсон а том же году, в США — через Данию, Норвегию, Швецию… Мюнхенская трагедия была уже разыграна, Гитлер дорвался до Судет, бывший генерал царской, позднее белой армии Сергей Войцеховский, ставший в эмиграции чехословацким генералом и командующим 1-й армией, в Пражском Граде настойчиво, но тщетно убеждает президента Бенеша в необходимости вооруженного сопротивления фашистской интервенции. Полгода спустя, в марте 1939 года, Чехословакия была оккупирована целиком. Первая республика перестала существовать.

«Русская акция» прекратила свою деятельность. Поддержка государством социально слабых слоев эмиграции, русских ученых и представителей культуры сведена к минимуму. Большинство научных учреждений и учебных заведений, созданных русской эмиграцией, закрыто. Возможности обменять статус беженца на чехословацкое гражданство у тех, кто до сих пор стремился сохранить свою «русскость», больше нет. А была: хотя чехословацкие власти без особой охоты шли навстречу ходатайствам о гражданстве, все же из десятка тысяч русских эмигрантов, остававшихся в республике во второй половине тридцатых, просьбы нескольких тысяч (около трех) были удовлетворены. В том числе и генерала Войцеховского.

Нацистская Германия относилась к русским эмигрантам враждебно. Диктаторский режим не мог считать благонадежными тех, которые почти двадцать лет прожили в демократической стране. Тем более, что в дискуссиях о том, какую позицию занять в случае войны между Германией и СССР, значительная часть эмиграции склонялась к мысли, что последний практически защищал бы интересы России.

Немцы установили строгий контроль над эмигрантами, учредив в Праге Русский эмигрантский центр. В день нападения Германии на СССР гестапо арестовало несколько сот эмигрантов из числа демократически ориентированных и политически активных, часть отправила в концлагеря, часть, продержав до осени в тюрьмах, выпустила, установив надзор. Среди эмигрантов, участвовавших в Сопротивлении, были жертвы. Новая волна репрессий обрушилась в 1944 году, когда советские войска вступили на территорию Чехословакии. Но самое страшное было впереди.

Автор одной из работ о русской эмиграции отмечает, что по датам арестов эмигрантов органами НКВД «можно по карте

Чехословакии проследить движение советских войск с востока на запад».

В Праге охота началась в день освобождения, 9 мая 1945 года. Попытки спастись бегством через демаркационную линию, отделявшую американскую зону от советской и проходившую через Пльзень, Писек, Чешские Будеёвицы, были почти безуспешными. С советской стороны линия была сразу же заперта «на замок», а рискованное путешествие ночью по тайным лесным тропам было не под силу, особенно пожилым людям и семьям с детьми. Людей хватали открыто, в любое время дня и ночью, дома, на улице, у подъезда, в транспорте, на службе. Домашние ничего не знали о судьбе близких, те просто исчезали бесследно, многие — навсегда. Органы НКВД обычно занимали те же здания, в которых перед этим находилось гестапо, так что узников бросали в знакомые им камеры. Среди арестованных были и те, что давно получили гражданство. Писатель Константин Чхеидзе позднее вспоминал о том, как все, оказавшиеся с ним в одной камере, были возмущены произволом: их, граждан одной страны, без согласия последней арестовывают агенты другой страны!

Чехословацкое правительство еще за год до этих событий подписало в Лондоне соглашение с СССР о порядке передачи полномочий на освобожденных территориях — от военных властей гражданским органам управления. В действительности никакие полномочия не передавались, и соглашение никогда не выполнялось. Вместе с армией шла контрразведка, имевшая неограниченную власть. Чехословацкая сторона вела себя пассивно, опасаясь осложнить союзнические отношения. Объективности ради надо сказать, что похищались не только эмигранты. Военной добычей СМЕРШа стали также десятки тысяч чехов и словаков, в основном из небольших городов и сел. Чаще всего это были молодые и здоровые парни, которых обманом — под предлогом восстановления разрушенного моста или дороги — сгоняли за колючую проволоку, заталкивали в грузовые вагоны и как рабскую силу везли в Донбасс, на Крайний Север, в Сибирь, пополняя советские концентрационные лагеря. Семьи тщетно пытались что-то узнать о судьбе пропавших. Жертвы возвращались домой через пять — десять лет, в лучшем случае — одна из трех. Остальные гибли. Советская юстиция никогда не признавала международное, или «буржуазное», как она его называла, право. Перед ней был виноват каждый, независимо от национальности и гражданства, если подозревался в нелояльности к советской власти. А под подозрением были все без исключения.

Русских эмигрантов, схваченных советскими спецслужбами

на территории Чехословакии и депортированных в ГУЛАГ, было не менее тысячи, точных сведений нет. Генерал Войцеховский умер в 1951 году в Озерлаге, недалеко от Тайшета. Писатель и публицист Константин Чхеидзе вернулся домой через десять лет. Философ-евразиец Петр Савицкий, теоретически обосновавший свои просоветские симпатии, вернулся в Прагу тоже после десяти лет концлагерей. Юрист, писатель, профессор Георгий Гарин-Михайловский, сын знаменитого автора «Детства Тёмы» и «Гимназистов», погиб в заключении в Воркуте. Русский дипломат, переводчик, владевший десятью языками, «отец русской эмиграции в Чехословакии», пользовавшийся всеобщей любовью соотечественников, Владимир Рафальский выбросился из окна пражского дома, куда после ареста был привезен советской контрразведкой. «Дух русской Праги», исследователь Пушкина, Достоевского, Гоголя, профессор Альфред Бем, писавший на русском, немецком и чешском, погиб после ареста в мае 1945-го: по одной версии выбросился из окна, по другой — расстрелян во дворе пражской тюрьмы Панкрац…

Некоторым повезло больше. Историк искусств, директор пражского института им. Кондакова, Николай Андреев отсидел только два (!) года в тюрьмах советских спецслужб в различных городах Восточной Германии. В 1948 году его пригласили читать лекции в Кембридж, и он поселился в Англии.

А более всего повезло тем, кто, не дожидаясь прихода советских войск, перебрался на территории, которые предположительно должны были занять западные союзники. Русским мужьям-эмигрантам, состоявшим в смешанном браке, было чрезвычайно трудно убедить жену-чешку в том, что им грозит опасность, и надо уходить из собственного дома. Но и западные союзники вели себя по-разному. Англичане весьма охотно выдавали русских советской стороне. Наиболее гуманными были американцы, лагеря беженцев в их секторе Германии действовали после войны еще семь лет.

Перед наступающей лавиной советской армии на Запад бежало более семи миллионов человек (есть цифра и 30 миллионов!), уже вкусивших прелестей коммунистического режима или опасавшихся его установления: из Прибалтики, Польши, Венгрии, из восточной части Германии, с Балкан. Среди беженцев были русские, украинцы, белорусы и многие другие, из числа попавших в зону немецкой оккупации, вывезенных на принудительные работы в Германию или сумевших туда каким-то образом выехать.

Русские эмигранты из Чехословакии находили новое место проживания в странах Западной Европы, в Южной Америке, ехали

и в США. В глазах американских чиновников Советский Союз оставался только одной из держав-победительниц, больше они ничего о нем не знали. Сотрудник американского консульства, выдававший визы, любопытствовал: «А почему не хотите вернуться в Россию? Война кончилась, скоро у вас пройдут выборы, если вам не нравится Сталин, выберете кого-нибудь другого!»

Чехословацкие коммунисты, вернувшиеся из Москвы после разгрома фашистской Германии, будучи влиятельной политической силой, получили ряд важнейших постов в правительстве. Готовясь к полному захвату власти, они в первые же дни приступили к ликвидации всех остатков ненавистной им русской эмиграции. Закрывались еще сохранившиеся русские школы и учреждения. Наиболее драматической акцией была передача СССР бесценных эмигрантских архивов.

Русский заграничный исторический архив в Праге был подарен «Российской Академии наук к ее 150-летнему юбилею», как отмечалось в распоряжении министра просвещения. В правительственном постановлении «подарок» был приурочен «к 220-й годовщине» той же Академии. Нелады с историей и арифметикой были у обеих инстанций: Императорская Санкт-Петербургская Академия наук была основана, как известно, в 1724 году. С юридической точки зрения передача была незаконной. Архив содержал множество материалов, отданных владельцами их только на хранение и без их ведома не подлежавших никакой передаче кому бы то ни было. Архив, возникший в 1923 году, был составной частью библиотеки Земгора. В нем сосредоточились уникальные материалы по истории общественных отношений в России с середины XIX века до послеоктябрьской эмиграции: три миллиона страниц документов, из них — 70 тысяч страниц воспоминаний и дневников, богатая коллекция периодики.

Представители Госархива СССР в благодарностях за «подарок» не рассыпались, процедура скорее напоминала конфискацию. Ведь материалы ждала «научно-исследовательская работа» в ведомстве Берии: в архиве хранились списки членов эмигрантских организаций, сотрудников редакций, сведения о деятельности эмигрантов. А последние уже томились в застенках и требовался «компромат», чтобы отдать их в руки военных трибуналов.

Бесценная коллекция Русского культурно-исторического музея, открытого в 1935 году в Збраславе (Прага), отражала культурную жизнь эмиграции и ее творческие достижения:

четыреста живописных полотен, рисунков, скульптур ста с лишним авторов (среди них — Репин, Рерих, Добужинский, Анненков), архитектурные проекты, исторические реликвии, антиквариат, библиотека — почти три тысячи книг и журналов. За актом своевольной передачи Советскому Союзу этого музея стоит загадочная личность его основателя, Валентина Булгакова, который в 1948 году благополучно возвратился на родину и даже получил пост директора Музея Льва Толстого в Ясной Поляне.

«Страшно хотелось бы в Прагу», — писала из Франции в уже цитированном выше письме Анне Тесковой Марина Цветаева. Пражскими реалиями отмечены ее стихи и проза. Вшеноры, Иловище, Мокропсы — это пригороды тогдашней Праги. Смиховский холм, гора в «Поэме Горы» — Петржин, с канатной дорогой и башней на вершине, с крутыми склонами, устремленными вниз, к Влтаве. В стихотворении «Рыцарь на мосту» — Карлов мост. «Плачем гнева и любви» стали «Стихи к Чехии», написанные в трагические для страны месяцы. Цикл «Сентябрь» — о 1938-м, о Мюнхенском предательстве, цикл «Март» — о 1939-м, о гитлеровской оккупации. Отчаянье («Что с тобою сталось, край мой, рай мой чешский?») и вера «в народ моей любви» («Не умрешь, народ! Бог тебя хранит!») — основные мотивы страстного цветаевского монолога.

Праге посвящены лучшие страницы книги Марка Слонима «По золотой тропе», книги о Чехии, по которой писатель много путешествовал, историю и народ которой хорошо знал. С благодарностью вспоминал Чехию Роман Якобсон, влюбленный в старую чешскую культуру и чешскую поэзию. Он побывал в Праге в 1968 году на Международном съезде славистов…

Русская эмиграция и 70 лет спустя часто напоминает о себе. Пражское кладбище в Ольшанах. Здесь могилы Аркадия Аверченко и Евгения Чирикова. Здесь же православный храм Успения пресвятой Богородицы, построенный по проекту русского архитектора Владимира Брандта, он погиб от рук гестапо во время ареста. Недалеко от Карлова моста — Славянская библиотека, в ней книги и периодика, оставшиеся от Русского заграничного исторического архива. Русский «профессорский дом» в районе Бубенеч, на ул. Рузвельта. Построен эмигрантским строительным кооперативом. Здесь жили Николай Лосский, Альфред Бем, Петр Савицкий. Мемориальная доска напоминает о тех, которые в 1945-м стали узниками советских концлагерей…

Особой благодарности заслуживают сегодняшние историки, потомки русских эмигрантов, и чешские ученые, занимающиеся

русской эмиграцией и стремящиеся привлечь к ее драматической судьбе внимание чешской общественности и парламента. Благодаря их усилиям недавно восстановлена память об армейском генерале Сергее Войцеховском, который указом президента Вацлава Гавела за особые заслуги перед чешской страной был посмертно удостоен высшей правительственной награды — Ордена Белого Льва III степени.

Панславизм: Чехия и Россия

В 1877 году славянофил Достоевский пророчествовал в «Дневнике писателя»: «… без единящего огромного своего центра, России, — не бывать славянскому согласию, да и не сохраниться без России славянам, исчезнуть славянам с лица земли вовсе, — как бы там ни мечтали люди сербской интеллигенции или там разные цивилизованные по-европейски чехи…»

Вацлав Черны, один из крупнейших чешских интеллектуалов двадцатого века, определяет панславизм, как «чешский продукт из немецкого материала». Действительно, такой материал, как это ни покажется на первый взгляд странным, предоставил прославленный немецкий философ, просветитель, поэт Иоганн Готфрид Гердер, уроженец Пруссии, двадцатидвухлетним в 1764 году приехавший в Ригу, проживший там пять лет и ставший горячим патриотом России. Русского языка Гердер не знал, но не испытывал в нем особой потребности, благо что исторические работы читал в журналах, издававшихся петербургскими немцами на родном языке. На немецком чаще всего писали в то время и сами славяне.

Молодой ученый нашел в Петре I идеал императора, а начало своей поэтической карьеры отметил одой «на восшествие на престол» Петра III. Очарованного русофила покорили «огромность мира Катерины», ее реформы, ее связи с французскими философами и просветителями. Во всем этом лицедействе, которое он принимал за чистую монету, ему чудилось стремление монархии воспитывать свой народ в идеалах гуманизма. Русский народ, в представлении Гердера, молод, не испорчен цивилизацией, в отличие, к примеру, от «старых» французов, может в перспективе стать исключительным и взять на себя особую миссию в Европе. Гердер дарил свою любовь всем славянам: они и миролюбивы, и добры, и благородны, и естественны, поскольку ближе к природе. У них «голубиный характер», «цельная душа», «их песни — клад народной мудрости и набожности», им принадлежит будущее.

Нетрудно представить себе энтузиазм, с каким встретили идеи Гердера первые поколения чешских «будителей», искавших опору для подъема национального самосознания своего народа, давно жившего в немецкой культурной среде. В науке, в философии, в поэзии — все стремились исходить из концепции Гердера. Поэзия вдохновляла науки, науки — поэзию.

Духовный отец чешского Возрождения, основатель славистики Йозеф Добровский предпринимает путешествие в

Россию. Энциклопедически образованный ученый-филолог, историк литературы, поэт Йозеф Юнгман размышляет о выгодах введения кириллицы и русского языка как «общеславянской речи». Поэт, переводчик, ученый Франтишек Челаковский собирает славянские народные песни как доказательство гения народа. Основоположник славянской древней истории и археологии Павел Шафаржик утверждает, что славяне ниоткуда не пришли, а были такими же первыми обитателями Европы, как греки, римляне, немцы, что они — один великий народ, а их языки — отдельные наречия. У этих миролюбивых пастухов и земледельцев были даже начала демократии!

Яну Коллару, поэту, филологу, археологу, куда бы ни поехал, тоже всюду чудятся славяне: и в латинянах, и в этрусках! Даже Италия и Швейцария, оказывается, старые славянские земли! Всю жизнь он пишет бесконечную поэму «Дочь Славы», состоящую из сонетов; в первом издании (1824 г.) их было 150, в последнем — 645. Части поэмы названы по «славянским рекам» — Заале, Эльбе, Дунаю. Автор путешествует по «историческим славянским землям» в сопровождении Мины, символа славянской женщины, дочери легендарной славянской богини Славы, и воспевает величие своих предков. Поэтической музой Коллара была дочь протестантского пастора, ничем не выдающаяся немка Вильгельмина Фридерика Шмидт, в которую он, студент Иенского университета, изучавший славянские языки, был платонически влюблен. Пасторша воздыхателю дочери отказала, и он уехал в Пешт. Через шестнадцать лет, сорока одного года, поэт женился на своей музе, но «дочь славян» чешский так никогда и не выучила.

Небольшой, лишенный государственности, славянский народ, каковым были чехи, первым легко загорелся идеями панславизма именно потому, что искал средство самосохранения, и Россия, единственное в то время независимое славянское государство, да еще такое крупное, казалась ему спасительницей: только «царь-батюшка» мог бы взять под свою защиту всех славян! Будущий поэт, журналист, политик Карел Гавличек выступал радикальнее всех: «Лучше русский кнут, чем немецкая свобода!». Но это было до его поездки в Россию.

Гавличек приехал в Москву 5 февраля 1843 года восторженным двадцатидвухлетним чешским патриотом, славянофилом, полным колларовских иллюзий, мечтавшим стать писателем и узнать великую Россию. Но как раз благодаря ей в нем родился крупный чешский сатирик.

Гавличек оказался в России в то время, когда там

формировались идеи славянофильства, и именно там, где они формировались — он служил воспитателем в семье проф. Шевырева, известного своим провозглашением «Европа гниет» и входившего в круг «Москвитянина» (Погодин, Киреевский, Хомяков). Горячего приверженца панславизма Гавличека интересует в первую очередь, как славянская идея укореняется в российской почве. Ставившая своей целью объединить славянство на культурной основе, идея эта, столкнувшись с новыми общественными, политическими, историческими, философскими реалиями России, претерпела разительные перемены.

Хотя философия русского славянофильства, как известно, была впервые всесторонне изложена в 1852 году в «Московском сборнике» Ивана Аксакова, с контурами ее Гавличек уже мог ознакомиться. Ее основатель, Иван Киреевский, тяготел к византийской культуре. Согласно последней, русская православная церковь самоспасительна и гарантирует России непогрешимость в любых ее действиях. Русский народ вообще народ избранный, носитель правды и нравственности, поскольку русские остались верны «истинной вере», тогда как народы Западной Европы от нее отошли и безнадежно испорчены латинским язычеством и рационализмом римского права. В России народ через монарха исполняет волю Божью. Государю не надо спрашивать мнение народа, и народ не требует, чтобы царь спрашивал его мнение, ибо относится к нему, как к отцу, «с детской любовью». В Европе же государь и народ не понимают друг друга, парламент и конституция — свидетельства их взаимного недоверия: народ как бы требует от государя гарантий. А это — великое зло! Поэтому там, на Западе, или абсолютизм, или революция и анархия. Там — насилие, рабство, вражда. Никакой свободы там нет. Добрая воля, свобода, мир, согласие народа с властью существуют только в России!

Страх царизма перед Французской революцией и победа над Наполеоном («Россия спасла Европу»), завершившаяся походом казаков по улицам Парижа 31 марта 1814 года, десятилетиями питает русский патриотизм и веру в мессианскую роль русского народа. Идеология славянофилов становится политическим инструментом царизма; попав на русскую почву, панславизм перерождается в панруссизм.

Прошло совсем немного времени, и Гавличек восклицает: «Если бы Коллар мог приехать в Россию вместо меня! Он пришел бы в отчаянье, оттого что сам проповедовал славянство». «В книгах о России, — отмечает гость, — пишется больше о том, что должно быть, а не о том, что есть. Истинную разницу между теорией и практикой не поймет никто из тех, кто не побывал в

России».

Гавличек погостил у московских братьев-славян немногим более года, наблюдая все стороны российской действительности. Ему бросаются в глаза эгоизм и безнравственность высших слоев общества, бездарность и бюрократизм чиновничества, испорченность деревни, нищета и отсталость мужика: «Все отношения здесь я мог бы изобразить так (рисует руку, поднявшую кнут) — кто кого… Никаких законов тут нет. Любой человек — или холоп, или господин, любой в немецком костюме любому в русской одежке говорит «ты». Помещичьи крестьяне после скота первые господа…»

Из русских писателей более всего Гавличек ценит Гоголя, вернувшись домой, переведет «Мертвые души». «Русская литература не в таком хорошем состоянии, как мы по обыкновению думаем, — сообщает Гавличек своему адресату, — у нее перед нашей чешской только то преимущество, что она богатая пани, у нее есть «dngi»; было бы у нас столько золота, могли бы и мы вытряхнуть из рукава столько же плохих книг, сколько русские… Зато недостает русской литературе одной мелочи… имею в виду — бескорыстия, настоящей, подлинно упорной работы и любви к народу своему». Гавличек не скупится на эмоции: «Я по простоте душевной полагал, что любить родину — это значит приносить ей в дар свои средства, труд, счастье, честь и т. д., а не болтать об этом постоянно и не трубить о том, что дома все лучше, чем где бы то ни было, и что все остальные народы — ничто по сравнению со святой Русью…»

Услышав, как трактуется история его народа, Гавличек иронизирует: «Послушали бы вы Бодянского, как он читает чешскую историю; никогда еще не слышал я, чтобы так публично ex cathedra хвалили Гуса, как здесь: русские использовали славянство лучше нас, мы его выдумали и прикусили губу, они же, хотя его еще не понимают, прекрасно доят; например, с какой-то гордостью и радостью примазались ко всей нашей славной чешской истории, тычут немцам в глаза, что славяне (т. е. мы, бедные чехи) придумали реформацию раньше немцев, и говорят об этом так, как будто они сами ее придумали… Также похваляются, что у славян (т. е. снова у нас, бедных чехов) конституция была раньше, чем у немцев… Нигде нет большего хвастовства, чем на святой Руси!»

Уезжавший домой Гавличек, который еще недавно предпочитал русский кнут немецкой свободе, полон скепсиса относительно любви русских к малым славянским народам и опасается за судьбу последних. Россия — смертельная угроза для чехов: русские «не братья наши, как мы их называли, а многим

большие неприятели, чем венгры и немцы».

Перед «универсальной русской монархией, необъятным и неописуемым злым несчастьем без меры и границ» предостерегал и Франтишек Палацкий, известный чешский философ, историк, общественный деятель середины XIX века. В 1867 году во главе чешской делегации он побывал на этнографической выставке в Москве, где демонстрировался и славянский отдел. К этому событию хозяева приурочили также Славянский съезд, «первый праздник Всеславянства», «праздник мира и любви», по словам Тютчева, выступавшего со стихотворным приветствием. «Праздник» был, однако, использован Россией для разжигания антипольских настроений, что произвело на чешских демократов дурное впечатление. «Разницы между ними и фанатиками немецкими и венгерскими не нахожу: и те, и другие хотели бы уничтожить нас, как народ», — характеризовал Палацкий русских панславистов. Чешская делегация отвергла панславизм, согласившись на международное сотрудничество только на основе демократии и гуманизма, в условиях равенства и культурно-политической автономии каждого славянского народа. Возможность только такого сотрудничества допускал и либеральный демократ Гавличек: ведь славяне, как он полагал, отнюдь не братья, а несколько народов, у которых разные культуры, судьбы и задачи.

Дух Гавличека нашел свое продолжение в духе Томаша Масарика, большого знатока России, будущего президента Чехословакии. К панславизму был сдержан и критичен. Славянской проблемы для него не существовало: славяне — не исключение среди народов, на привилегированное положение и особую миссию претендовать не могут, у них такие же права и обязанности, как у всех других. Надо решать подлинные проблемы: проблему гуманных отношений между людьми и народами, проблему демократизации жизни во всех ее аспектах, проблемы международного сотрудничества… «Не люблю пустую болтовню о славянстве, — говорил Масарик, — как не люблю патриотизм. Если любишь свою родину, незачем об этом говорить, сделай для нее что-нибудь путное. Нормальный человек не станет трезвонить на весь свет, что любит родителей, жену, детей, это само собой разумеется».

Интерес к России Масарик испытывал с детства, тринадцати лет начал учить русский и польский, это было в 1863 году, в связи с восстанием поляков, которым он сочувствовал. Россию впервые посетил в 1887-м, весной, будучи профессором университета, автором крупных научных работ, редактором

журнала «Атенеум». К поездке хорошо подготовился. За несколько недель успел побывать в Петербурге, Москве, Ясной Поляне, Киеве, Одессе. Ездил в вагонах третьего класса, по Черному морю — в трюме парохода, хотел увидеть народ, да и денег было немного. Посещал церкви, лавры, пустыни, встречался с историками, философами, политиками. Как и Гавличек, испытывал сочувствие к русскому народу и отвращение к официальной России и привилегированной интеллигенции.

Петербург Масарику понравился: «…часто брожу часами и глазею, и бью баклуши… Удивительное для меня чувство — находиться в *славянском* самостоятельном и, в то же время, таком большом государстве!» Не прочь был бы в России и поработать, если бы вакансия была: «человек должен чувствовать себя дома там, где может больше всего сделать».

Льва Толстого Масарик посещал каждый раз, когда бывал в России: и в 1887-м, и в 1888-м, и в 1910-м, незадолго до смерти писателя. Толстой уже «опрощался»: ходил в мужицкой рубахе и собственноручно сшитых сапогах. В Москве, в высоком графском кабинете, оборудовал низкий деревянный потолок, как в сельской избе. Но дорогой письменный стол, удобное кожаное кресло и диван себе оставил. Гостиная, где проходило чаепитие, вся утопала в красном бархате. Вареньем, предложенным Софьей Андреевной, Лев Николаевич пренебрег, по-мужицки посасывая чай через кусочек сахару. В парке за разговорами о Шопенгауере Толстой внезапно остановился на краю дорожки и справил малую нужду, приглашая гостя последовать своему примеру…

В другой раз Масарик посетил писателя в Ясной Поляне. Мостик перед деревней был так плох, что лошади едва не сломали ноги. Уже наступил полдень, но Лев Николаевич спал, и Масарик от нечего делать заглянул в деревню. Там царили грязь и нищета. В смраде полуразвалившейся избы на печи, без помощи, умирала старуха. Перед другой избой стоял молодой крестьянин со следами сифилиса под полурасстегнутой рубахой. В тот же день к Толстому пешком пришел весь завшивевший сын художника Ге: следуя учению писателя, он «опростился» уже настолько, что в поездах, как и мужики, не ездил…

Масарик высоко ценил Толстого как писателя, его нравственно-религиозное отношение к философии, но «толстовства» понять не мог: А что же тогда ваш дом и салон, эти дорогие кресла и диваны? Да, вы не пьете, но курите дорогой табак. Вы, такой художник, не видите эту нищету, эту грязь и болезни в вашей деревне? Вы рассказываете, что пили с сифилитиком из одной кружки, дабы не оскорбить его брезгливостью, вместо того чтобы избавить крестьян от заразы;

чистота, как говорят англичане, половина здоровья. Мужик нищенствует, потому что беден, а не потому, что хочет быть аскетом. Вы ходите пешком и тратите время, которое вам пригодилось бы для творчества…

Чуждо было Масарику и «непротивление злу». Толстой не видел разницы между нападением и защитой, полагал, например, что и татарам в конце концов надоело бы резать русских, если бы последние им не сопротивлялись. Писатель удивился, узнав от Масарика, что его идеи восходят еще к Петру Хелчицкому, идеологу умеренных таборитов в XV веке. Чешская реформация осуждала насилие и отказывалась от него, но против насилия готова была защищаться любыми средствами, включая оружие. Гуманизм не отвергает защиты, но не одобряет мести.

Позднее в своем капитальном двухтомном труде «Россия и Европа» (1913 г.) Масарик признавался: «Поездки в Россию меня, хотя я и славянин, поражали гораздо больше, чем в любые другие страны. Англия и Америка меня вообще не удивили, даже самые последние новинки казались мне только прямым продолжением того, что я видел и ощущал дома… в России переносишься в прошлое, часто — в средневековье…»

Сравнительным анализом двух различных исторически сложившихся культур и возможностей их развития продиктованы и ответы Масарика в интервью газете «Богемия» 1889 года, касавшемся России и славянской идеи: «Лично я думаю, что у чешского народа политическая склонность к России не существует и существовать не может. Во многом мы ближе к Америке, чем к России. Россия нам просто неизвестна, и я думаю, русофильские тенденции переоцениваются. Ведь как может разумный политик думать о связи с народом, которого мы не знаем и который не знает нас?»

Тем не менее, с началом первой мировой войны русофильские настроения в чешском народе снова множатся: «… на нее <т. е. на Россию> мы должны были бы молиться. Там особый мир, мир бесконечного сочувствия, любви, жертвенности… это наш род, это наш родник, вечный источник нашей жизни, корни нашего рода… Если есть в нас какая-то сила, то она исходит оттуда». Причина, как уже отмечалось, состояла в том, что чешский вопрос в рамках Австро-Венгерской империи, несмотря на ожидания, не был решен, и возродились старые надежды на освобождение с востока в случае, если победит Россия.

Чехи, жившие там, просили русское подданство, заявляли о преданности царю и рвались вместе с русской армией воевать за

свободу своей родины. Благодаря их усилиям была создана Чешская дружина. В самой Чехии уже готовились к встрече победителей и пели «Pe te husy pro Rusy» («Жарьте гусей для русских»). А чехи, призванные в австро-венгерскую армию, сдавались в плен, чтобы воевать на стороне России.

Это стихийное русофильство, которому поддалась и часть политиков, питалось романтизмом, литературой, желанием видеть то, что хотелось бы видеть. Писатель Рудольф Медек позднее так изображал себя самого в качестве героя книги: «Этот молодой чех был до краев своей духовной сущности наполнен старым славянофильством, литературной сентиментальностью ко всему русскому, будь это Пушкин, Гоголь или Достоевский, Чайковский или Римский-Корсаков, русские песни или русский костюм, казаки, царская гвардия или тройка, несущаяся по снежной равнине… А кроме того, с той поры, когда читали Мережковского, наполнен был той дивной мистической верой, связанной с какой-то праславянской или скифской тоскою, которая выливалась в убеждение об особой миссии и предназначении славянства, и русского народа в особенности». Рудольф Медек был одним из тех, кто добровольно сдался в плен к русским. Ему рисовались радужные перспективы: «После войны мы должны быть с Россией. Будем ее промышленным поставщиком… Пошлем туда своих инженеров, химиков, строителей. Превратим Россию в огромное поле деятельности. Помирим ее с поляками. Создадим славянскую федерацию…»

Воскресшая из мертвых идея славянской федерации вдохновляла и одного из ведущих чешских политиков тех лет, доктора Карела Крамаржа, главу народно-демократической партии. Женатый на русской, купеческой дочери, он перед войной часто наезжал в Россию, где у него было много друзей и среди известных политиков. О своем видении будущего он делился с Эдуардом Бенешем, в то время ближайшим помощником Масарика: «Отношение чешского государства к России после войны будет настолько сердечным, что наши новобранцы смогут проходить службу в каких-то гарнизонах России, а русские у нас в Чехии». «Я представил себе наших солдат в Сибири, — замечает Бенеш, — и мне стало жутко».

Вся эта чешская русофильская лирика была совершенно чужда реалистичным политикам вроде Масарика, а равно и официальной России. Масарик знал о плохом состоянии царской армии: с началом войны солдатам порой приходилось сражаться с немцами, вооружившись камнями и дубинами. Масарик в русскую победу не верил, ожидал сухопутного варианта Цусимы и не исключал революции.

Что касалось официальной России, то у нее были свои давние стратегические цели: Балканы, Дарданеллы, «колыбель православия Царьград». Будучи противницей права наций на самоопределение, она из тактических соображений признала Польшу, Румынию, Болгарию, Югославию, Грецию, Армению, чтобы заручиться их поддержкой. Чехи ее не интересовали. Уместно вспомнить здесь рассуждения историка и политика, славянофила Владимира Ламанского: русские интересуются только православными славянами, разве что еще словаками, поскольку они такие же наивные, как русский божий люд, а чехи, как либералы и западники, пусть катятся ко всем чертям!

Правда, позднее, увидев, что австро-венгерская империя распадается и на ее месте может образоваться вакуум, Россия заинтересовалась чешской проблемой в надежде распространить свое влияние на эту часть Центральной Европы. Последующие события этим намерениям не благоприятствовали.

Так что в первые годы войны энтузиазм живших в России чехов встречал непонимание и даже вызывал подозрение в официальных кругах. Организовать чехословацкие полки русские военные ведомства все же разрешили: если кто-то хочет проливать кровь за великую Россию, то почему нет?! Еще большее недоверие вызывали военнопленные. Их светлые надежды вскоре сменились полным разочарованием. Условия плена, материальное, нравственное и духовное убожество среды, в которую они попали, неспособность и бездеятельность царской военной бюрократии, обещаниями и проволочками тормозившей организацию чехословацкого корпуса, приводили в отчаяние. Большевистский переворот еще больше все усложнил и запутал. Когда Масарик приехал в Россию, чтобы сформировать из военнопленных чехов и словаков легионы, а позднее организовать их отправку во Францию через Сибирь и Дальний Восток, непонимание, неразбериха, бестолковщина сопровождали его на каждом шагу.

«Царизм, вся его политическая и церковная система, — отмечал Масарик, — деморализовали Россию… Романовский царизм был необразованным и грубым, и именно поэтому менее вредным для мира. Страшнее нынешний царизм русской толпы и революционеров. Царя свергли, а от царизма не избавились». Советский министр иностранных дел, общаясь с представителями зарубежных государств, особенно небольших, «не имеет даже понятия о том, что демократия должна соблюдаться и в международных отношениях… Из этих вельмож так и прет чванство монгольских захватчиков, убежденных в исключительности своей культуры и политики».

Советской России славянская идея враждебна, ибо «реакционна» и «контрреволюционна». Она слишком тесна для «интернационалистов-ленинцев», мечтавших раздуть «мировой пожар». Большевики воюют с Польшей, заводят дружбу с Турцией и Германией… Между славянскими странами тоже складываются напряженные отношения. Чехословакия и Югославия принимают русскую эмиграцию и оказывают ей помощь.

«Славянскую карту» СССР разыграл осенью 1941 года, когда истекал кровью и заботу о чистоте марксистско-ленинской доктрины отбросил до лучших времен. Надо было выжить любой ценой.

«Создать какой-то вариант славизма на основе марксизма, — иронизировал Вацлав Черны, — какая фантазия! Это все равно что соединить огонь и воду. Это предприятие, достойное византийского мышления». Основоположник научного коммунизма, ставший духовным вождем русских большевиков, на самом деле был крутым немецким националистом и ненавистником славян. В книге «Революция и контрреволюция в Германии 1848 г.» Маркс без обиняков заявлял: «…если все земли восточнее Эльбы и Заале были когда-то заселены родственными друг другу славянами, то этот факт просто доказывает историческую тенденцию и одновременно физическую и интеллектуальную способность немецкого народа покорить, поглотить и ассимилировать своих бывших восточных соседей, что эта тенденция поглощения со стороны немцев всегда была и остается одним из самых могучих средств, с помощью которых цивилизация Западной Европы расширялась на восток этого континента». Под такими словами мог бы подписаться и автор «Майн кампф», как раз в эти месяцы 1941-го предпринявший грандиозный захват нового «жизненного пространства» на востоке Европы.

Охватившая Кремль любовь к славянам была, как и следовало ожидать и как показали дальнейшие события, всего лишь тактическим ходом, абсолютно допустимым революционной моралью, когда цель оправдывает средства.

Уже 4–5 апреля 1942 года в Москве состоялся Славянский съезд, выступивший с Манифестом к «порабощенным братьям-славянам», который призывал их к единению и сотрудничеству; были учреждены постоянно действующий Всеславянский комитет и журнал «Славяне». В комитет, возглавляемый генералом, вошли почетные члены: композитор Дмитрий Шостакович, чешский коммунист и ученый Зденек Неедлы, советская писательница Ванда Василевская, назначенная представлять поляков…

К этому времени были срочно устранены препятствия на пути к общеславянской дружбе. Что касалось Чехословакии, то аннулировалась инструкция, предписывавшая распущенной после оккупации страны компартии и пролетариату *не вести борьбу с фашизмом, ибо таким образом они помогали бы как национальной, так и западноевропейской буржуазии, а также правительству Бенеша, находившемуся в эмиграции в Лондоне*. Такое «непротивление злу» вполне отвечало духу пакта, подписанного Молотовым и Риббентропом. Теперь Москва признала и президента Бенеша, и его правительство, и предвоенные границы Чехословакии, т. е. «до Мюнхена».

12 декабря 1943 года Чехословакия в лице Бенеша, первая среди стран Центральной Европы, подписала с СССР Договор о дружбе и послевоенном сотрудничестве сроком на 20 лет. По этому поводу в Кремле состоялся банкет, и Сталин произнес тост «за славянское единство».

Как мог Бенеш пойти на подобный шаг, ставший драмой для него, как политика и как человека? Бенеш, который был духовным наследником Палацкого и Масарика, убежденным сторонником демократии в межславянских отношениях. Огромную роль сыграла, конечно, Мюнхенская трагедия 1938 года, когда Франция и Англия, ублажая Гитлера из страха перед ним, предали Чехословакию, пожертвовав ему Судетскую область; чешскую делегацию не допустили даже за стол переговоров. Ненадежность западных политиков и поиски гарантированной защиты от немецкой угрозы в будущем толкнули Бенеша на политическую переориентацию. СССР уже воевал с фашизмом, похоже было, что роль его в победе будет велика: «Франция и Англия после этой войны останутся далеко, у них будут свои собственные интересы, и мы должны искать свои гарантии только там < т. е. в СССР >». Признание «домюнхенских» границ было для Бенеша тоже одним из аргументов «за». Сам текст Договора опасений не вызывал, Молотов лицемерно убеждал Бенеша: «В вопросах организации Центральной Европы не будем делать ничего без договоренности с вами».

Сомнения у чехословацкого президента, конечно, не исчезали. В книге «Мысли о славянстве. Основные проблемы славянской политики», вышедшей в 1944 году в Лондоне, Бенеш писал: «Вопрос, однако, остается: не вернется ли после войны русская коммунистическая партия и управляемый ею Советский Союз снова к чисто коммунистической доктрине и не останется ли в результате это… ее славянство всего лишь тактикой на время войны?» Бенешу хотелось верить, что этого не произойдет.

И он был не одинок. Успехи советского оружия в борьбе с общим врагом и у западных союзников по антигитлеровской коалиции на время заслонили агрессивную сущность большевистского режима, у них появились надежды на его перерождение. Доказательства усматривались в том, что крах надежд на мировую революцию заставит СССР отказаться от международной изоляции, сблизиться с Европой и демократизировать внутреннюю и внешнюю политику. Ведь вступил же Советский Союз в 1934 году в Лигу наций (правда, пять лет спустя его исключили за агрессию против Финляндии). Ведь распустил же Коминтерн…

Давили на Бенеша и чешские коммунистические лидеры, переселившиеся в Москву. С каждой победой советской армии они добавляли себе очки, превращаясь в сильнейшую партию, с которой президент вынужден был считаться.

Первый акт драмы, очень тревожный для Бенеша, — присоединение к СССР Подкарпатской Руси. Область принадлежала Чехословакии и отошла к СССР, как и треть Польши, по сговору Сталина с Гитлером. Но, признав «домюнхенские» границы Чехословакии, Советский Союз тем самым брал на себя обязательство вернуть Подкарпатскую Русь. Стоило, однако, Красной Армии вместе с чехословацким корпусом вступить на территорию области, как события приняли иной оборот: советское военное командование, разведка, НКВД, местные коммунисты, партизаны развернули бешеную деятельность по «добровольному» присоединению Подкарпатской Руси к Советской Украине. Призывы к жителям вступать в Красную Армию, общие собрания с чтением заранее подготовленных резолюций, партконференции, Манифест о присоединении «к великой матери Украине», принятый съездом народных советов Закарпатской Украины — весь арсенал пропагандистских средств был пущен в ход. Кампания по сбору подписей под Манифестом «поддерживалась» Красной Армией. Уполномоченному чехословацкого правительства был послан ультиматум с требованием покинуть территорию области в течение трех дней.

Кремль делал вид, что никакого отношения к происходящему разбою не имеет. Зато близкий Сталину генерал НКВД Мехлис, начальник разведки Украинского фронта, хорошо знал, что делал и чью волю исполнял, видя в присоединении новых земель к советской империи свою основную политическую цель.

Следующий акт драмы разыгрался в связи с предложенным США планом Маршалла, предусматривавшим экономическую

помощь лежавшей в руинах послевоенной Европе. Нищета и полуголодное существование населения во всех странах, опустошенных войной, и признательность Советскому Союзу за его вклад в разгром фашизма создавали благоприятные условия для роста коммунистических настроений (коммунисты были представлены в правительствах четырнадцати европейских стран) и отвечали гегемонистским чаяниям Москвы. США хотели создать демократическую Европу, СССР — блок сателлитных государств с коммунистическими режимами. Парадоксально, что в то время, когда великие империи мира распадались, СССР расширял свою империю за счет Западной Европы.

Какие быстрые результаты в экономике и благосостоянии населения были достигнуты в странах, принявших план Маршалла, хорошо известно. Менее известно, может быть, что план был адресован всем. Предложить аналогичную экономическую помощь Советский Союз был не в силах никому, да и «благосостояние трудящихся масс» его всегда мало интересовало. А вот угрозу своему господству почувствовал. Парижскую конференцию трех министров иностранных дел (СССР, Франции, Великобритании), посвященную плану Маршалла, Молотов покинул. Советская пропаганда «клеймила» «американский план возрождения немецкого империализма» и обвиняла США в том, что он готовит новую войну в Европе.

Чехословацкое правительство обсудило план Маршалла и согласилось принять участие в соответствующей конференции. Тогда в Москву была вызвана правительственная делегация во главе с Готвальдом. На встрече с нею Сталин назвал план Маршала попыткой «изоляции Советского Союза», а согласие Чехословакии участвовать в конференции «прорывом фронта славянских стран и поступком, направленным против СССР». «Вождь» потребовал, чтобы Прага на конференцию не ездила. В ночь с 10 на 11 июля 1947 года ультиматум Сталина был принят: Готвальд получил из Праги решение внеочередного заседания правительства об отказе от плана Маршалла.

Ян Масарик, министр иностранных дел, сын первого президента республики, в сердцах бросил: «Я ехал в Москву как свободный министр, а вернулся, как сталинский холоп».

Завершающий акт драмы Бенеша, как и драмы чешского народа, — захват власти коммунистами. Они готовились к нему еще в Москве. По возвращении на родину вошли в Народный фронт. Готвальд стал главой правительства, состоящего из представителей разных политических партий. Почти три года коммунисты, как метастазы, прорастали в ткани всех

хозяйственных, управленческих, общественных, информационных, силовых структур. Чувствуя свою силу, все чаще отказывались от диалога, предпочитая ему грубый диктат. Установили слежку за некоммунистическими министрами. Спровоцировали правительственный кризис. «Главное — власть, все остальное — второстепенное», — повторял Готвальд.

19 февраля 1948 года из Москвы прилетел замминистра иностранных дел СССР Зорин и от имени Сталина предложил Готвальду попросить советскую военную помощь, которая в полной готовности ожидала у венгерской границы, и произвести переворот. Готвальд, наверное, впервые ослушался кремлевского пахана, заверив гостя, что ему хватит собственных сил. На улицы и площади были выведены «трудящиеся массы» и «народная милиция». Через пять дней власть была у коммунистов в руках.

Эдуард Бенеш еще оставался президентом, но был бессилен. Через две недели — загадочная смерть Яна Масарика: то ли покончил с собой, то ли был убит… Дом Бенеша окружен полицией, кишит шпионами, связь прослушивается… Президент тяжело болен, слаб: только что перенес второй удар… Но еще мучительнее для него — сознание непоправимой беды, в которой он винит себя сам: был близорук, доверчив… «Меня обманули!» Москва, уверял он себя, проявила по отношению к нему истинно восточное вероломство и редкостную неблагодарность…

Можно пожалеть Бенеша, как усталого, больного человека, но как политик, ответственный за судьбу народа и страны, он вызывает у ряда историков чувство досады. Иллюзии по поводу советской системы, его доверчивость к «вождям» — серьезное политическое недомыслие, которому трудно найти извинение. Ближайший сотрудник и единомышленник Масарика, по желанию последнего ставший его преемником на президентском посту, как политический лидер оказался слабее своего учителя. Фантастически работоспособный, тщеславный, поглощенный политикой, не мыслящий себя вне ее, Бенеш, по мнению некоторых историков, лавировал и шел на уступки Москве и «своим» коммунистам еще и потому, что опасался потерять свой пост и свое правительство в Лондоне. Печальный пример Польши показывает, что это было возможно. И поляки, и чехи пали жертвой реальной военнополитической ситуации: их земли стали главной ареной продвижения советских войск на Запад. Такую ситуацию СССР тщательно и целеустремленно готовил.

Захват Восточной Европы, сохранение за собой и после войны западных границ, установленных в результате сговора с Гитлером (тайный протокол), новые территориальные приобретения везде, где только удастся, составляли долговременный стратегический

план Москвы, до поры до времени хорошо скрываемый. Опасаясь, что западные союзники слишком продвинутся на Восток, на территории, которые Москва уже считала своими, она договорилась заранее (в 1943 году в Тегеране) о зонах военных операций: войска союзников не должны были переступать установленные демаркационные линии. «За ценой», в отличие от союзников, естественно, не стояла, поскольку человеческие жизни ни в грош не ставила. Более того, щедро принося в жертву войне миллионы своих сограждан, СССР охотно спекулировал на своих потерях, дабы вызвать сочувствие у западных лидеров и вынуждать их идти навстречу своим требованиям.

В одном из доверительных разговоров в 1944 году Сталин сказал: куда однажды ступит нога красноармейца, с того места уже не сдвинется. По окончании войны СССР держал в Европе пятимиллионную армию, оснащенную пятьюдесятью тысячами танков и двадцатью тысячами самолетов, тогда как западные союзники отправили своих солдат домой. Когда цели были достигнуты и в странах Восточной Европы были насажены сателлитные режимы, СССР тут же сбросил маску миротворца и союзника Запада, вызвав шок у своих бывших друзей по оружию. На смену «горячей» войне пришла «холодная».

Так в чем же заключался печальный пример Польши, так пугавший Бенеша? Когда ее официальное правительство в Лондоне отказалось подчиняться приказам СССР, последний организовал вместо него марионеточное правительство из бывших у него под рукой польских коммунистов, тем самым отстранив от власти законное… Так что и Бенеш, и польский Миколайчик были вполне рядовыми жертвами, задушенными в кремлевской паутине…

В ночь на 21 августа 1968 года Чехословакия была оккупирована войсками пяти стран Варшавского договора. В страну вторглась вооруженная до зубов полумиллионная армия (29 дивизий), которую поддерживали 7500 танков и тысяча самолетов. Это была крупнейшая военная операция в Европе после второй мировой войны. «Социализм с человеческим лицом», который попытались построить коммунистические реформаторы, был задушен: «человеческое лицо» для кремлевского руководства было синонимом контрреволюции, от которой оно готово было оградить своего солагерника даже ценой третьей мировой войны. Ничего удивительного, ведь десятилетием раньше Хрущев не исключал мрачной альтернативы, уготованной человечеству: либо коммунизм захватит весь мир, либо мир должен погибнуть в атомной

катастрофе.

«Интернациональная помощь братского народа» посеяла в стране ненависть. Среди искореженных перевернутых трамваев и автобусов десятки тысяч безоружных возмущенных граждан окружали и останавливали советские танки и бронетранспортеры, рисовали на них фашистские свастики, грозили солдатам кулаками и кричали им в лицо: «Убирайтесь домой!», «Что вы здесь потеряли?», «Мы вас не звали!» Стены домов и витрины магазинов пестрели тысячами прокламаций: «Оккупанты вон!», «Мюнхен 1938 — Прага 1968», «Мы есть и будем!» Гремели выстрелы. На фасаде Национального музея, испещренном оспою от пуль, надпись: «Made in SSSR.Варвар Брежнев». Святой Вацлав на коне держит в руках траурное черное знамя. Семьдесят два человека убито, семьсот девять ранено, из них двести шестьдесят семь тяжело…

Каждый великий народ, проповедовал Достоевский, верит и должен верить, что только на нем лежит спасение мира, что он живет для того, чтобы стоять во главе народов, дабы их объединить и вести к конечной цели, которую он, этот великий народ, им всем укажет, потому что хочет и может сказать миру последнее слово. Право на создание универсальной братской империи для всего человечества Достоевский признает только за Россией. Американцы, англичане, немцы, французы к великим народам, видимо, не принадлежат… А как быть, если какой-то народ, великий или невеликий, не оценит блага, которое сулит ему Россия, и не захочет, чтобы она вела его к каким-нибудь «сияющим вершинам»? Достоевский не исключает того, что благо таким недоумкам должно быть навязано силой оружия.

Начавшаяся война России с Турцией, шестая за последние сто пятьдесят лет, всколыхнула славянофильские настроения писателя: нам самим нужна эта война, восклицает он, и не только ради братьев-славян, страдающих от турецкой тирании, но и ради собственного спасения; война освежает воздух, которым мы дышим… Федор Михайлович страстно мечтает о том, как Россия снова водрузит свой «щит на вратах Цареграда»: «Царьград должен быть русским!» Ведь это такой замечательный город, подобного нет не только в Европе, но и на всем белом свете. Все западные славяне должны будут тогда завидовать русским. Но почему Царьград, то бишь Стамбул, должен стать русским? А потому, аргументирует писатель, что никто кроме России не дорос до того, чтобы им владеть!

Грезя Царьградом, Достоевский выражал сокровенную мечту России на протяжении всей ее истории; «вещий Олег», которому

ненадолго удалось его захватить, — живая легенда и негаснущая искорка надежды…

С каждой войной Россия стремилась прибрать к рукам все, что могла, видя собственное величие в величине завоеванных земель, которые она, не умея и не в силах цивилизовать, способна безоглядно грабить. Экспансия на Восток, через всю Сибирь до Тихого океана, ей удавалась, население малочисленно, сопротивление преодолимо, не то, что на запад и юг, в сторону Малой Азии и Балкан. Тем более желанным оставался Царьград!

Чтобы изложение истории этой пылкой российской страсти не выглядело тенденциозным, уместно обратиться снова к авторитету основоположника научного коммунизма, чье мнение, может быть, более убедительно для российского читателя, в основной своей массе не избавившегося от семидесятилетних идеологических шор. За четверть века до войны на Балканах, которую так превозносил Достоевский, Россия вела другую войну в том же регионе — Крымскую, а Маркс был европейским корреспондентом американской газеты «Нью-Йорк Дейли Трибюн», показав себя глубоким аналитиком, осведомленным как в современной ему российской политике, ее тайных целях и главных исполнителях, так и в русской истории. «Более восьми столетий назад, — писал автор «Манифеста коммунистической партии», — тогдашний великий князь Руси, язычник Святослав заявлял на встрече с боярами, что «не только Болгарию, но и греческое государство, заодно с Богемией (т. е. Чехией) и Венгрией Русь должна взять под свою власть…» «Вскоре после основания русского государства, — продолжает Маркс, — династия Рюриков перенесла свою столицу из Новгорода в Киев, чтобы быть ближе к Византии. В одиннадцатом веке Киев во всем был подобен Константинополю и даже именовался «вторым Константинополем», символизируя этим постоянную цель России… Русская религия и культура — византийского происхождения… и цель ее (т. е. России) — покорить Византию…» Вспоминая живописную легенду о выборе князем Владимиром будущей государственной религии на Руси, нетрудно предположить, что за его решением с самого начала стоял твердый расчет, в перспективе предусматривавший захват проливов из Черного моря в Средиземное путем завоевания Византии с ее «божественным Царьградом».

Крымская война закончилась поражением России, следующая тоже складывается для последней не так благополучно, как она хотела бы. Столица старой Византии с ее православными святынями остается в османских руках. Но Россия не мешкая принимается завоевывать среднеазиатские территории, и имеет

на это, по логике Достоевского, полное право, поскольку русский — не только европеец, но и азиат. А европейцы пусть тем временем подерутся между собой, мы, дескать, вмешиваться не будем. Вот когда они хорошенько отдубасят друг друга, тогда-то Россия и вознаградит себя за все, что упустила, ибо будущность Европы принадлежит ей!

Мечты о русской экспансии, как известно, увлекали не одного Достоевского. Славянофил Николай Данилевский грезил славянской федерацией под управлением России, куда входили бы Царьград (без него никак!) с частью Малой Азии, Греция и Крит, Венгрия и Румыния. Все славяне, кроме поляков, получили бы автономию. Славянская культура заменила бы романско-германскую. Иного пути к этой цели, кроме победы над Европой, нет. Воевать с Европой — это судьба России, ее миссия.

Еще обширнее представлял себе «русскую географию» Федор Тютчев: «Семь внутренних морей и семь великих рек…/От Нила до Невы, от Эльбы до Китая, /От Волги по Ефрат, от Ганга до Дуная… /Вот царство русское…»

«Что изменилось? — вопрошает корреспондент американской газеты Карл Маркс, размышляя о русской истории и анализируя ход Крымской войны. — Ничего! Русская политика неизменна. Меняться могут только методы России, ее тактика, ее маневры, но путеводная звезда русской политики — овладение миром — остается непоколебимой… Русский медведь будет, конечно, способен на все, будучи уверенным в том, что те, с кем он имеет дело, ни на что не способны…»

Последующие полтора века не опровергли выводов Маркса.

Панславизм — панруссизм — пансоветизм… Смешно, что большевики открещивались от царизма, утверждая, что «до основанья» разрушили старый мир и строят новый. Заменить ортодоксальную православную церковь столь же догматической марксистско-ленинской, самодержавие — диктатурой партии и царя-батюшку — вождем, зараженную шовинизмом народность — «советским патриотизмом» с его «идейной убежденностью» и «моральным превосходством над Западом и его гнилыми ценностями» — и большевистский вариант уваровской формулы налицо. Добавим к ней те же имперские цели и мессианство: стремление навязывать всему миру свои кондовые политические и экономические доктрины и свой убогий образ жизни, создавать и умножать, где только удастся, неразрешимые проблемы и кровавые конфликты, инициировать перевороты и гражданские войны, маскируя свои экспансионистские аппетиты «интернациональной братской помощью» и пропагандистскими штампами о свободе, демократии и социальной справедливости.

«…Мы заражаем весь земной шар нашим «истинно русским» разбоем… Пора, пора учредить над нами международную опеку…», — восклицал И. Е.Репин, отвечая на новогоднюю анкету журнала «Огонек» в канун 1910 года.

В том же 1877 году Достоевский размышлял о неблагодарности славян: когда Россия освободит их, они ее возненавидят, будут просить у Западной Европы гарантий защиты от России, которая намерена их поглотить и подчинить, основав всеславянскую империю. Сто лет, а то и больше, будет Россия бороться с ограниченностью и твердолобостью славян, с их предательством. Сто лет, а то и больше, славяне будут бояться русского властолюбия, будут на Россию клеветать, пока не поймут наконец ее бескорыстия и ее благодеяний.

Коль оно так, то, похоже, лишь правнуки и праправнуки пражан, проснувшихся августовским утром 1968 года от грохота выстрелов и лязга танковых гусениц, способны будут оценить благодеяния советской оккупации и трагедию «бархатной революции», двадцать лет спустя принесшей республике независимость, свободу и демократию.

Чехи и немцы: прерванный симбиоз

Об этом периодически вспоминают, особенно когда разгораются очередные перепалки вокруг так называемых «декретов Бенеша». Такая серьезная радиостанция, как «Свободная Европа» на чешском языке, конечно, к этой теме возвращается независимо от сиюминутной политической ситуации, так же как и серьезная пресса. Есть много книг: монографии, сборники статей и документов, свои и переводные. Для молодых — это уже далекая история. Пожилые, конечно, должны помнить, но их долго приучали к молчанию и безразличию. Так что свежий человек, не знакомый с новейшей чешской историей, испытывает недоумение, когда отправившись побродить по городам да весям, натыкается на разные непонятные ему вещи.

На кладбищах, например, видит вмурованные в стену позеленевшие и почерневшие надгробия, украшенные обветшалыми скульптурами и барельефами, а на земле перед ними — замшелые плиты с массивными ржавыми кольцами, закрывающие склеп. Склонившиеся в печали ангелы из когда-то белого мрамора. Изъеденные ржавчиной распятия, кресты, решетки. Семейные могилы, семейные мавзолеи. Восемнадцатый, девятнадцатый век, первая половина двадцатого… Брошенные могилы… Выбитые в граните надписи местами еще сохранили тусклый след позолоты. Все — на немецком. «Место успокоения» такого-то: аптекаря, директора школы, бургомистра… Вдовы аптекаря, урожденной такой-то. Кто сколько прожил. Слова прощания. Библейские и евангелические тексты. Все — на немецком.

Следы былого немецкого присутствия учащаются по мере приближения к границам. На глухих, почти безлюдных вокзальчиках, построенных более ста лет назад, когда прокладывались первые железные дороги и не было ни автобуса, ни личного автомобиля, ни асфальтированных шоссе, до сих пор, хорошо присмотревшись, можно различить немецкие названия станции, проглядывающие из под нынешнего чешского. Больше попадается фахверковых домов, выставивших напоказ свой деревянный остов, расчленяющий стены на четкие геометрические фигуры. Где-нибудь на берегу речки нетрудно набрести на заброшенный полуразвалившийся хутор с ригами, амбарами, конюшнями, а то и на остатки латифундии, некогда большого крепкого хозяйства, о котором напоминает облупившееся кирпичное строение водяной мельницы с

заржавевшими шестернями, валами и шлюзами, массивный корпус многоэтажной фабрики с пустыми проемами окон да вместительные склады с прогнившими, глубоко просевшими крышами… Просторный хозяйский дом может быть даже обитаем, но в каком он состоянии?!

Музейные экспозиции дают больше пищи для любопытства. Старые документы, книги, карты… Последние особенно наглядны. На них немецкие названия сегодняшних чешских городов и деревень. Чешские Будеёвицы представлены, как Будвайз, Чешский Крумлов, как Крумау, Карловы Вары, как Карлсбад, река Влтава, как Молдау…

Одно время во главе немецких социал-демократов был герр Чех, а чешских — пан Немец. Это символично.

«Если нам, чехам, уготовано судьбою оказаться в окружении немецкого элемента, то тою же судьбою уготовано немцам, чтобы славянский клин вошел в их тело», — писал Томаш Масарик. «Славянский клин», глубоко вошедший в «тело» Германии, хорошо виден на карте Чехии: ее западные исторические границы проходят по Рудным горам на северо-западе и по горам Шумавы — на юго-западе. Когда польско-немецкая граница шла намного восточнее, этот «клин» был еще выразительнее.

На протяжении тысячелетия чешские границы были прозрачными, и немецкое население находило здесь свободные земли для пахоты и скотоводства, разрабатывало недра, богатые золотом, серебром, углем, варило стекло, вело торговлю. Строило дома и обосновалось навсегда. Чешские короли призывали немцев-колонистов на строительство новых городов и крепостей, зная их опыт и работоспособность. Это было в порядке вещей, точно так же они приглашали итальянских архитекторов и художников. Европа была в движении, смешивая языки и народы.

Немецкому крестьянину на чешской земле, как и чешскому, одинаково тяжело зарабатывавшим свой хлеб, не было нужды в национальном размежевании. Наоборот они испытывали взаимный интерес. Различия между ними состояли не только в языке, но и в стиле жизни, в менталитете. Для чеха важнее была привычка, обычай, для немца — право, норма. Чех скорее доверялся своей фантазии, немец предпочитал трезвость и продуманность… Оба народа многое перенимали друг у друга. Жизнь близких соседей, изобиловавшая встречами, приветствиями, беседами, и тесное сотрудничество рождали взаимные симпатии. Можно смело утверждать, что вся чешская история разворачивалась в присутствии и с участием немецкого меньшинства, чьи идеи и опыт нередко оказывались

прогрессивнее. В конце концов, с Запада, с немецкой стороны, шел феодализм, а потом — капитализм. С Запада приходили новые религиозные течения, европейская культура и образование. Здешние немцы на целое поколение опередили чехов в предпринимательстве.

Первые чешские «будители», стремившиеся поднять самосознание своего народа, вырастали на идеях немецких ученых и мыслителей. Роль языка как выразителя индивидуального миросозерцания народа была раскрыта Вильгельмом Гумбольтом, панславянская идея принадлежала Иоганну Гердеру.

Немцы, жившие на чешских землях, не чувствовали себя иностранцами. «Чешским немцем» мог называть себя в XVI веке студент из Пльзени, учившийся в Виттенбергском университете. И немцы, приезжавшие из Германии, проявляли интерес к своим соотечественникам и к земле, на которой они веками живут. Писатель-романтик Клеменс Брентано, посетив Прагу, увлекся ее историей. Гете импонировала двуязычность Чехии, радовало творчество живших здесь немецких поэтов, вдохновлявшихся чешский стариной. Великий поэт отмечал своеобразие этой земли, которую он посещал с удовольствием. Вернувшись домой после одного из визитов, он написал своему чешскому адресату: «У вас большая красивая родина, где много благотворного для фантазии и чувств…»

«Предугадать, как слово наше отзовется», действительно, не дано. Целая плеяда чешских ученых, философов, историков, писателей, и не одно поколение, подготовила духовное возрождение своего народа, воскресила в нем патриотические чувства, национальное достоинство, веру в свои силы. Конец XVIII — первая половина XIX века: Йозеф Добровский, Йозеф Юнгман, Павел Шафаржик, Карел Гавличек, Франтишек Палацкий… Правда, «вначале было слово», точнее — язык. Даже культ языка: кто говорит и кто не говорит по-чешски. Горячий интерес к народной культуре, к фольклору, к старине. Национальной нетерпимости, не говоря уже о ксенофобии, упаси Бог, никто из них не проповедовал. Росла тяга к образованию, пробуждался вкус к предпринимательству. Политические программы и борьба за их претворение в жизнь придут позже. Но зерно конфликта было посеяно: этнический подход нарушал принцип равенства сограждан и вредил сотрудничеству с немецкой общиной. Аналогичная реакция с ее стороны вела к постепенному отчуждению между немецким и чешским населением.

Если даже во времена существования Чешского королевства

здешние немцы к соединению со своими соотечественниками не стремились, то после революции 1848 года, особенно под влиянием пангерманской пропаганды, такое желание широко распространилось. Тогда же чехи предложили первую политическую программу, предусматривавшую федерализацию и демократизацию в рамках существовавшей габсбургской монархии. Немцы программу отвергли, заявив в ответ, что «надо зачленить чешские земли в немецкую империю», поскольку «Германия без Чехии, Моравии и Иллирии пропала бы». Подразумевалась германизация чехов. В письме франкфуртскому парламенту 11 апреля 1848 года крупнейший чешский политический деятель, историк и философ Франтишек Палацкий отстаивал своеобразие и самостоятельность чешского народа, его независимость от немецкого. Несколько десятилетий спустя в том же духе высказывался и Масарик: «Нет и не может быть никакого разумного довода принести чешский народ в жертву немцам. Такие идеи нельзя расценивать иначе, как свидетельство минутной слабости и раздражения».

Национальные отношения между немцами и чехами продолжали обостряться. Многолетние двусторонние переговоры, не принесшие результата, прервала первая мировая война. Отношение к ней тоже раскололо общество по национальному признаку. Чешские немцы, теперь называвшие себя «судетскими», войну поддерживали, надеясь благодаря ей укрепить свою гегемонию, разделив исконно чешские земли на «чисто немецкие» и «смешанные»; любопытно, что «чисто чешских» они как-то не обнаружили. Наоборот, чешские швейки шли на фронт по принуждению, были поражены апатией и охотно сдавались в плен русским. Провозглашение независимой республики было для здешних немцев тяжелым ударом, на который они ответили созданием четырех «немецких провинций», где жило, однако, много чешского населения. Последнее было бы вынуждено либо оставить свои дома, либо подвергнуться дискриминации.

В середине декабря 1918 года чешские войска практически без боя воспрепятствовали отделению пограничных чешских земель.

Наверное, проблема могла бы решаться иначе, если бы существовали территории, полностью заселенные судетскими немцами. Чешская сторона была готова уступить их Германии, такой вариант рассматривался на международных конференциях и находил немало сторонников среди западных политиков, справедливо считавших, что мононациональные государства стабильнее. Однако после тщательного анализа чешские политики пришли к выводу, что разрозненность большей части

немецких общин и невозможность четко разграничить их территории, не ущемив серьезным образом интересы чешского населения, вынуждают сохранить прежние исторически сложившиеся границы. Позиция Чехословакии нашла понимание у зарубежных политиков: границы подтвердили в 1919 году Версальский договор с Германией и Сен-Жерменский — с Австрией…

«Кто владеет Чехией, у того в руках вся Европа», — заявлял Отто фон Бисмарк, канцлер «Второго рейха». Гитлер еще в 1932 году, до того, как стал фюрером «Третьего рейха», вынашивал идею «переселить Чехию в Сибирь».

В первом десятилетии республики судетские немцы и чехи жили достаточно миролюбиво. Чехословакия в 1919 году подписала международный договор об охране национальных меньшинств, а в следующем году приняла конституцию, которая предоставляла всем гражданам республики «равные политические права независимо от расы, языка и вероисповедания». На территории Чехии, Словакии и Подкарпатской Руси (нынешняя Закарпатская Украина) проживало три с лишним миллиона немцев, почти четверть всего населения. Действовали немецкие школы, культурные учреждения, немецкий университет, два немецких технических института. Весьма прогрессивный для своего времени закон о языке давал возможность во всех районах, где проживало более двадцати процентов немцев, вести делопроизводство на немецком. У судетских немцев были свои политические партии. Три министранемца входили в правительство, что было редкостью в государствах, где жили немецкие меньшинства, даже таких демократических, как Латвия и Эстония (до 1934 года).

Но в конце двадцатых — начале тридцатых межнациональное сотрудничество осложнил экономический кризис, более всего постигший пограничные области Чехословакии. Каждый шестой судетский немец лишился работы. А Германия, набиравшая силы, дававшая работу миллионам своих сограждан, увлекавшая их агрессивным национализмом и истерической социальной демагогией, гипнотизировала судетонемецкого обывателя, восклицавшего «В рейхе — всё лучше!»

Военные организации по образцу немецких штурмовых отрядов и нацистская партия, подобная гитлеровской, были в 1933 году запрещены, но осенью того же года возник Судетонемецкий патриотический фронт, позднее переименованный в Судетонемецкую партию. Фюрером ее стал учитель физкультуры Конрад Генлейн, сделав

головокружительную политическую карьеру. Недолгий период его лояльности к чехословацким властям сменился открытым присоединением к фашистской идеологии. Партия организовывала демонстрации и митинги под лозунгом «Хотим домой в рейх!», сотрудничала с нацистскими организациями Германии и получала оттуда финансовую поддержку. На выборах в чехословацкий парламент в мае 1935 года, получив две трети голосов судетонемецких избирателей, она стала второй по величине политической партией страны.

Чехословацкое правительство и президент Бенеш предприняли несколько попыток договориться с ее руководством, предложив немецкому меньшинству новые привилегии. Партийные лидеры от переговоров отказывались, требуя через парламент только территориально-политическую автономию.

В ноябре 1937 года Генлейн в секретном письме Гитлеру, с которым уже встречался ранее, просил, чтобы «судетонемецкий вопрос решил третий рейх». Фюрер в ответ предложил программу действий: выдвигать перед чехословацким правительством такие требования, на которые оно заведомо не пойдет. На коммунальных выборах в мае — июне 1938 года генлейновская нацистская партия, членом которой был каждый третий судетский немец, получила уже 90 процентов голосов.

Партийная пропаганда нагнетала античешскую истерию, вылившуюся в середине сентября в попытку путча «из-за невыносимых условий жизни». Организованный партией пятнадцатитысячный «Добровольческий корпус», во главе которого стал тот же Генлейн, а фактическим командующим — присланный Гитлером подполковник Кёхлинг, за две недели провел более трехсот террористических и диверсионных актов, предпринятых будто бы чешским населением в пограничных, преимущественно судето-немецких областях. Более сотни чехословацких граждан поплатились жизнью.

Бенеш по старой памяти полагался на авторитет Америки, Франции и Великобритании, в конце первой мировой войны содействовавших рождению чехословацкой независимости. Но времена изменились. Кризис ни одну из этих стран не пощадил. Америка ослабила свою политическую активность, Франция и Великобритания испытывали страх перед окрепшим фашистским монстром, вынуждавший их верить нацистской пропаганде, кричавшей, что «чешский народ показал всему миру, что с ним нельзя жить в одном государстве». Гитлер, выступивший в берлинском Дворце спорта, актерствовал: «Если Судеты не будут до первого октября переданы Германии, то я, Гитлер, сам пойду как первый солдат на Чехословакию!». При имени Бенеша Дворец

скандировал: «Повесить его!»

А лорд Чемберлен уверял по радио английскую общественность: «Как это было бы ужасно, фантастично, невероятно, если бы англичане стали рыть окопы и надевать противогазы из-за распри в далекой земле — между народами, о которых мы ничего не знаем…»

Западные союзники решили уступить Германии пограничные области Чехословакии, в которых немецкое население составляло более 50 процентов. Надеялись укротить гитлеровский аппетит. Заодно погрозили: «если Прага не согласится, Запад в случае немецкой агрессии предоставит ее самой себе». Но Чехия уже была предоставлена самой себе. Возлагать надежды на Советский Союз, с которым она была связана договором, тоже не приходилось: его армия была парализована террором и хаосом, да и условия договора не предусматривали односторонней помощи.

Чехословакия не чувствовала себя безоружной: имела около 1600 военных самолетов, около 500 танков и столько же зениток, более двух тысяч орудий разного калибра. Недавняя мобилизация поставила под ружье более миллиона солдат. Часть генералитета настойчиво призывала Бенеша и правительство к военному отпору. И народ был готов к сопротивлению. Но руководство республики, взвесив все обстоятельства, пришло к выводу: в одиночку гитлеровскую военную машину Чехословакия, конечно же, не одолеет. Это решение до сих пор является предметом горячих споров среди историков: что было важнее, идти на заведомые жертвы, но сохранить достоинство народа, или капитулировать без боя?

В ночь с 29 на 30 сентября 1938 года Германия, Италия, Великобритания и Франция подписали Мюнхенское соглашение. Чехословацких представителей на переговоры не пустили, документ передали «без права обжаловать и исправлять». Республика теряла треть территории и треть населения. Опасаясь сопротивления, Гитлер требовал от своего генералитета провести операцию молниеносно. Она завершилась через десять дней. Вместе с немецким населением на оккупированных землях оставалось 850 тысяч чехов. Одна половина их бежала в центральные области страны, другая стала жертвой притеснений и произвола: закрывались чешские школы и учреждения культуры, ликвидировались партии и союзы, конфисковывались земли чешских крестьян и предприятия, которым владел чешский капитал. Через полгода последует операция «Грюн», и Гитлер оккупирует оставшуюся часть Чехии, а весь ее военный потенциал возьмет в качестве трофея.

«Германизация чешско-моравской территории путем онемечивания чехов, т. е. их ассимиляции. Ассимиляции не подлежат чехи, относительно коих есть расовые сомнения или кои враждебны империи. Эту категорию следует уничтожить». Эту сформулированную Гитлером стратегическую цель конкретизировал его идеологический аппарат: онемечить 45 процентов, признать расово сомнительными 40 процентов, расово чуждыми — 15 процентов.

Первой жертвой стала чешская интеллигенция. Вводилась цензура. Студенческая демонстрация закончилась девятью казнями, более тысячи молодых людей было брошено в Заксенхаузен. В наказание все чешские университеты подлежали закрытию. Создание чисто немецких областей сопровождалось изгнанием чешского населения, которое дробилось на изолированные группы с целью ассимиляции их немецким большинством. Чехи, как рабочая сила, поступали в распоряжение немецких колонистов. Более 640 тысяч человек, в основном молодежи, было мобилизовано на работу в германской военной промышленности.

Часть судетских немцев, хорошо знавших свое окружение, сотрудничала с гестапо и выдавала тех, кто казался ей подозрительным и нелояльным к новой власти. Гестапо расстреляло сотни участников Сопротивления, тысячи отправило за колючую проволоку. В городке Терезин создало еврейское гетто. После покушения на наместника Рейнгардта Гейдриха 27 мая 1942 года террор обрушился на головы многих, ни в чем не повинных людей: была стерта с лица земли деревня Лидице, более полутора тысяч человек расстреляно. Уже в день покушения Гиммлер приказывает «застрелить еще сегодня ночью сто наиболее известных представителей чешской интеллигенции». Среди жертв — писатели, журналисты, десятки профессоров, врачи, архитекторы…

«Национальные отношения мы должны будем упорядочить так, чтобы они гарантировали невозможность возникновения условий, приведших к падению первой республики… Не будет в республике места тем немцам, которые… сотрудничали с генлейновцами или нацистами, получали от них привилегии и т. д.» сообщало Бенешу в Лондон свою точку зрения руководство чешского Сопротивления. Размышляя о послевоенном устройстве Чехословакии, Бенеш сначала предполагал отдать Германии часть пограничных земель, заселенных в основном судетскими немцами, а живших там чехов обменять на немцев из

преимущественно чешских областей. Сопротивление было настроено радикальнее: «ЧСР должна быть обновлена в исторических границах, а немцы изгнаны». Правда, на этом этапе, летом 1941 года, на репрессиях по национальному признаку Сопротивление еще не настаивало. Но карательная политика Германии на чешских землях ужесточала позицию антифашистов: постепенно они перестали различать «нацистов» и «немцев» и склонялись к концепции коллективной вины всего судетонемецкого населения. Позиция Сопротивления серьезно повлияла на решения чехословацкого правительства в Лондоне и самого Бенеша. Уже в 1942 году они были твердо намерены выселить немцев в Германию, как только закончится война.

Бенеша поддержали Великобритания и СССР. Рузвельт, с которым чехословацкий президент встретился в Вашингтоне в июне 1943 года, тоже не колебался: «То, что привело к такой катастрофе, какую принес Мюнхен, должно быть устранено окончательно, раз и навсегда». К этой точке зрения постепенно присоединились все чешские политические партии.

На Потсдамской конференции решение о выселении немцев из Чехословакии (а также из Польши и Венгрии) было подписано 2 августа 1945 года представителями США, Великобритании и Советского Союза. Выселение должно было проводиться «организованно и гуманно».

Но до того, как началось «организованное и гуманное» выселение судетских немцев, тоже, кстати, далеко не всегда отвечавшее таким критериям, разыгрались события стихийные и безобразные.

Шли последние месяцы войны. Оккупация принесла чешскому народу много бед и лишений, потери родных и близких, усталость и озлобление. Следствием был огромный рост антинемецких настроений, каждый немец был виноват потому, что немец. Немцы стали символом террора, развязанного гестапо, символом насилия и предательства. Ужасающие картины «походов смерти» военнопленных и узников концлагерей еще более накаляли обстановку.

5 мая 1945 года в Праге вспыхнуло восстание. Большую помощь ему оказала армия генерала Власова, оказавшаяся в этот момент недалеко от столицы. 9 мая гитлеровская группа войск «Центр» капитулировала. Так что когда советская армия вступила в Прагу, последняя была, в основном, освобождена. Толпы народа выплеснулись на улицы. Сорок тысяч немцев, жителей столицы, стали первыми объектами ненависти и мести. Бесчеловечные расправы происходили прямо на глазах у армейских частей.

Такие же стихийные акты самосуда, произвола, насилия, оскорблений и унижений совершались и в провинции. Конечно, там где люди друг друга хорошо и давно знали, толпа меньше поддавалась истерии и даже была способна проявлять сочувствие и оказывать помощь.

Этот период, позднее названный «диким изгнанием», продолжался несколько летних месяцев 1945 года. 660 тысяч судетских немцев спасалось бегством.

С осени массовое выселение проходило уже под международным контролем. Большинство было вывезено в Баварию, находившуюся в американской оккупационной зоне, остальные — в Саксонию, где стояли советские оккупационные войска. Изгнанников мучили голод, болезни, отчаянье. Царил хаос. Точное число жертв неизвестно. Историки приводят цифру около 5500 человек, умерших насильственной смертью, 3400 человек покончили самоубийством, 6600 умерло в лагерях, в основном от эпидемий.

Всего до 1947 года из республики было изгнано 2,7 миллиона судетских немцев. Покинуло Чехословакию и около 90 тысяч немецких антифашистов, на которых принудительное выселение не распространялось Возможностью остаться воспользовались в основном те, что состояли в смешанных браках. Оставшиеся триста тысяч немцев составили уже небольшой процент населения республики.

Правительство не могло не видеть разгула национализма, но серьезных мер к пресечению его не принимало, опасаясь, как бы не замедлилось выселение. На благосклонность западного общественного мнения оно уже не могло положиться: только СССР по-прежнему поддерживал эту акцию, поскольку Сталину не хотелось, чтобы порядок в будущем «лагере социализма» осложнялся национальными проблемами. А политические партии извлекали из ситуации свою выгоду, предвкушая успехи на будущих выборах.

Семисотлетняя история тесного сосуществования на одной земле двух народов, двух языков, двух культур завершилась трагедией. Экономические последствия выселения судетских немцев сказались быстро. Отмерли целые хозяйственные отрасли. Крупные потери квалифицированной рабочей силы отразились на промышленном и сельскохозяйственном производстве. За театральной кампанией по передаче конфискованным земель новым поселенцам не последовало серьезных экономических результатов, а коллективизация по советскому образцу еще сильнее парализовала деревню…

Более полувека судетские немцы живут вне своей исторической родины. Их землячество, принадлежащее к наиболее влиятельным и политически активным, все эти годы считало и считает послевоенное выселение противозаконным, требует, чтобы все желающие могли возвратиться, вернуть свою недвижимость или получить за нее компенсацию, требуют, наконец, чтобы правительство Чехии отменила «декреты Бенеша», которые имели силу закона и которые президент выдавал в период, предшествовавший всеобщим выборам в парламент республики. Уточним, ни один декрет президента не предписывал выселения судетских немцев. Оно проводилось, как уже было сказано, по решению Потсдамской конференции. Декреты касались только гражданских и имущественных прав: лишения чехословацкого гражданства и наказания нацистских преступников, предателей и их сообщников, а также конфискации принадлежавшей им собственности: земель, лесов, шахт, промышленных предприятий. Декреты не имели национальной направленности: гражданство сохранялось тем, кто «остался верным чехословацкой республике», «боролся за ее освобождение или страдал от нацистского террора», будь то немец, чех или словак. Этой категории лиц, независимо от их национальности, не касалась и конфискация собственности. В декретах, по существу, отсутствовал принцип коллективной вины немцев. Осуществлялся ли он de facto?

Исходя из того, что вина каждого выселенного немца не была доказана судом, безусловно. Высокий процент судетских немцев, голосовавших за нацистскую партию, ничего не доказывает. Голосовали не все. Были те, что против, были, в конце концов, сотни тысяч детей и подростков. В чем их вина? Из всего этого исходил Вацлав Гавел, в 1990 году встретившись с немецким президентом Рихардом фон Вейцзекером: «Вместо того, чтобы справедливо осудить тех, кто предал свою родину, мы выгнали их всех из страны и подвергли наказанию, которого наше правовое государство не знало». Принцип коллективной вины целого народа — принцип дикий, варварский. Он не совместим с демократией и отвергнут международным правом. По словам одного историка, послевоенным изгнанием судетских немцев Чехословакия исключила себя из семьи цивилизованных народов Европы. Увы, точно так же три с половиной миллиона немцев изгнала Польша, полмиллиона — Венгрия, сто пятьдесят тысяч — Австрия. Что было, то было…

Ни первый «Договор о взаимоотношениях между ЧССР и Федеративной республикой Германии» 1973 года, ставший

возможным во времена канцлерства Вилли Брандта, ни второй «между ЧСФСР и ФРГ о добрососедстве и тесном сотрудничестве» 1992 года, ни «Чешско-немецкая декларация о взаимоотношениях и их будущем развитии», принятая в январе 1997 года, не успокоили и не примирили стороны. Договоренность «не осложнять свои отношения политическими и юридическими вопросами, возникшими в прошлом», прозвучавшая в декларации, вызвала в Германии новую критику и бурное недовольство Судетонемецкого землячества. Поддерживаемая многими чешскими политиками позиция президента Гавела, заявившего «мы приветствуем немцев как гостей, которые чтят край, где жили поколения их предков, и которые как друзья, сотрудничали бы с нашими гражданами», не находит понимания у противной стороны. Резолюция депутатской фракции ХДС/ХСС, принятая в 1998 году немецким парламентом, снова требует «отменить декреты Бенеша». С отменой декретов связывается принятие Чехии в общую Европу.

Составители сборника документов, фактов, свидетельств об отношениях между чехами и судетскими немцами за последние семьдесят лет дали ему полемическое название «Кто должен извиняться?» Вопрос риторический. Ответа на него нет. Кто может измерить количество обид, нанесенных друг другу, тем более, когда речь идет о целых народах? Каждая сторона будет считать себя более обиженной. Каждая сторона будет мерить обиды своей мерой, ибо свои обиды всегда тяжелее. Каждый из пострадавших вспомнит множество нанесенных ему обид, которых он, по его твердому убеждению, не заслужил…

Старые раны не заживают.

Несколько лет назад в Погоржи на Шумаве, близ чешско-австрийской границы, рухнул костел XVIII века. До запланированного ремонта оставался месяц. Средства уже были. Значительную часть их предоставили выселенные отсюда судетские немцы. Ничего удивительного. Если бы не они, десятки приграничных церковных построек, пришедших при коммунистах в жалкое состояние, разделили бы судьбу погоржского костела. Чешская сторона стала принимать долевое участие в финансировании таких ремонтных работ только спустя пять лет после «бархатной» революции.

Теперь эти обновленные старинные костелы, часто строившиеся на высоких холмах или склонах гор и поэтому видные издалека, можно встретить нередко. Беленые, покрытые ярко-красной черепицей, с длинными узкими проемами окон, украшенных цветными витражами, с массивными резными

дверьми, с восстановленным, насколько это оказалось возможным, внутренним убранством, они приветствуют путника новой мраморной плитой на стене, повествующей об истории и напоминающей об именах, достойных памяти и уважения. Тем ярче контраст со старыми обветшалыми домами, стоящими поблизости…

Людям, пришедшим сюда в 1945-46-м, все досталось даром. Не зарабатывалось упорным трудом нескольких поколений, не наживалось, не умножалось, не передавалось по наследству, не было согрето душевным теплом, вложенным в каждую мелочь, которая делается «для себя»…

Всё досталось даром и потому — не стало своим.

Суд над Миладой Гораковой, или «Школа классовой ненависти»

> «Не жалейте обо мне! Я прожила прекрасную жизнь! Кару свою несу покорно и подчиняюсь ей безропотно — перед судом своей совести я устояла и надеюсь, и верю, и молюсь о том, чтобы устоять перед судом высшим, перед Богом… Будьте сильными, не позволяйте сломить себя безмерной печалью. Не мешайте мне своими рыданиями. Вы должны теперь жить и за меня… Пойдете в луга и в лес, там в аромате цветов найдете частичку меня, пойдете в поле, любуйтесь красотой, и всегда будем вместе… Птицы уже пробуждаются — начинает светать. Иду с поднятой головой…»

В Праге, во дворе тюремной больницы на Панкраце, — две виселицы, когда-то узники дали им имена: Анка и Тонка… Скрипя открываются двери, и появляется группа, одетая в темное: глава Сената, судья, общественный прокурор, протоколист, судебный врач… Деловито подходит к своему рабочему месту кат. Двое стражников ведут худенькую невысокую женщину, руки за спиной. Бледное лицо, темная одежда, высоко поднятая голова… Взбираются по ступенькам на эшафот. Палач набрасывает петлю. Слышен крепкий, ни разу не дрогнувший голос: «Гибну, гибну… этот бой я проиграла, ухожу честно, люблю эту землю, люблю этот народ… дайте ему благополучие… ухожу без ненависти к вам…» В группе надзирающих — язвительные комментарии и судорожный злорадный женский смех общественного прокурора товарища Брожевой…

Протокол медицинского осмотра: 1. Имя: Милада. Фамилия: Горакова. 2. Дата рождения: 25.12.1901… 7. Непосредственная причина смерти: казнь через повешение, смерть в результате удушения… 17. Дата смерти: 27 июня 1950 года в 5.45.

Тот период новейшей истории Чехословакии, который охватывает сорок с лишним лет коммунистического режима, без имени Милады Гораковой сегодня не мыслим. Ее убийство потрясает своей жестокостью, преднамеренностью, хладнокровием. Во время «Пражской весны» режим сам признал, что в процессе над нею закон был нарушен пятнадцать раз! Тогда же, после восемнадцати лет молчания, появилась о ней первая публикация. С наступлением «нормализации» — снова молчание.

К полной реабилитации Гораковой дошло только после революции. Появились книги на основе материалов из Западной Европы и Америки, где Горакову никогда не забывали, архивов Госбезопасности, воспоминаний родных, друзей и заключенных, которым удалось выжить. Вышел полнометражный документальный фильм «Дело доктора Гораковой». Имя Милады Гораковой стало символом всех безвинных жертв, павших в результате произвола и беззакония коммунистической диктатуры.

Милада, в девичестве Кралова, росла в Праге, в прекрасной дружной семье. Отец руководил карандашной фабрикой в Чешских Будеёвицах, приезжал домой только на выходные и праздники, мать вела хозяйство и заботилась о детях, их было трое. Отец глубоко интересовался политикой, еще в студенческие годы участвовал в демонстрациях, был сторонником Масарика задолго до того, как тот стал президентом. Рождение независимой республики, естественно, было принято в семье восторженно. Но это случится позднее, в 1918-м…

А пока Милада, или «Миладка», как ее звали в семье, училась в гимназии, занималась языками (знала немецкий, французский, английский), играла на рояле. Интересы ее были многогранными. Отец их заботливо направлял, был для нее большим авторитетом. Его чешский патриотизм выражался в строгом жизненном кредо: чехи не должны ни в чем уступать немцам — в умении работать, в дисциплине, в пунктуальности, в качестве производимых ими товаров. И человеческое кредо его было таким же строгим: «Любой ценой ты должна искать и исповедовать правду и вести себя так, чтобы никогда, оглянувшись назад, не стыдилась за себя».

Семейная трагедия — друг за другом в течение нескольких дней умирают от скарлатины старшая сестра и младший брат — потрясла тринадцатилетнюю Миладу и во многом повлияла на ее будущую жизнь: она поняла, что уже не сможет безучастно смотреть на чужие страдания, что всегда будет подавать руку помощи всем, кто слаб, оскорблен, унижен… Родители были неутешны. Только рождение дочери немного примирило их с потерей. Эта сестра Милады, Вера, четырнадцатью годами младше, всегда будет ей очень близким человеком, другом и опорой, и не только ей, но и ее будущей дочери Яне.

После гимназии Милада Кралова поступает на юридический факультет Карлова университета, чтобы по окончании посвятить себя социальной опеке и гуманитарной деятельности. Вступает в Чехословацкий Красный Крест, где председательствует Алиса Масарик, дочь президента. Не жалея сил и времени, работает в

Центральном социальном управлении Праги. Как участница женского движения посещает Францию, Англию, Швецию, Голландию, Швейцарию, знакомится со многими общественными деятельницами, такими как жена американского президента Элеонора Рузвельт. В 1929 году вступает в народно-социалистическую партию. Встреча с Масариком, чьи книги она знала с юности, останется для нее одним из ярчайших событий в жизни…

Мюнхенский сговор, ставший для Чехословакии народной трагедией, отозвался в сердце Гораковой великой болью. К этому времени она уже более десяти лет была замужем за Богуславом Гораком, стала доктором наук, и в семье росла дочь. Супруги были единомышленниками и не могли не оказаться среди борцов Сопротивления.

Горакова занималась любой работой, которая в данный момент была необходима: организовывала тайные убежища, места проживания, переходы через границу, переправляла нелегальные печатные издания, пересылала информацию. Вместе с мужем разрабатывала программу будущей свободной Чехословакии для лондонского правительства во главе с Бенешем.

2 августа 1940 года гестапо схватило обоих. Отвезли в разные места. На нее обрушились допросы и пытки. Она никого не выдала. Симулировала обмороки и припадки, каким-то чудом находила в себе силы вытерпеть боль, когда палач, проверяя, действительно ли она без сознания, загонял в нее иглы. Кандалы врезались в живое мясо. Эти язвы мучили Горакову и десять лет спустя, когда палачи из коммунистической безопасности отправляли ее на виселицу…

После покушения на Гейдриха, когда гестапо особенно зверствовало, Горакову бросили в концлагерь Терезин. В 1944 году в дрезденской тюрьме состоялся суд над ней; защищала себя сама, на немецком. Прокурор требовал смертной казни; суд, вызвав ярость гестапо, дал восемь лет. Судимый здесь же Богуслав Горак получил пять. Они встретились впервые после ареста, чтобы снова расстаться. Конец войны принес им свободу. За свою деятельность в Сопротивлении Горакова была отмечена военным крестом и Чехословацкой медалью первой степени.

Жестокий опыт войны закалил Горакову, окончательно определив ее взгляд на жизнь: «Жизнь была мне подарена, она мне не принадлежит. Я готова ею пожертвовать». Окрепло ее убеждение, унаследованное от Масарика: демократия не может быть брошена на произвол судьбы, за нее надо бороться с любой идеологией, основанной на тоталитарной власти.

Горакова возобновила членство в народно-социалистической партии. Возглавила Совет чехословацких женщин, работала в Союзе бывших политзаключенных, была избрана в парламент. Ездила за границу на заседания Международной демократической федерации женщин, возглавляла делегацию своей страны на Международном конгрессе женщин в Париже. Была прекрасным оратором, талантлива, умна, известна, уважаема.

А коммунисты рвались к власти, готовя благоприятную почву для переворота. Ставили своих в аппарате управления, в полиции, в органах безопасности. Демагогией переманивали на свою сторону представителей других партий. Были и такие, которые, являясь членами одной из демократических партий, состояли и в коммунистической. Во избежание разоблачения билеты хранили в сейфе ЦК. Именовались «подлодками».

Горакова видела, что теряет бывших друзей. Несколько раз встречалась с Бенешем, он был еще президентом, но прекрасно понимал отчаянность ситуации.

В феврале 1948 года коммунистический путч удался. 10 марта, когда министр иностранных дел Ян Масарик, сын первого президента, выбросился (или был выброшен) из окна своей квартиры, Милада Горакова отказалась от депутатского мандата. Печать сообщила: лишается всех общественных полномочий. Многие от нее отрекались, боясь возмездия. Исчезали люди. Бенеш был сломлен и морально, и физически. Осенью умер. Его похороны превратились в антикоммунистическую манифестацию. В президентском кресле уже восседал Клемент Готвальд.

К августу число эмигрантов достигло 8 тысяч, среди них 48 бывших министров и депутатов и более 30 дипломатов. Граница для смелых и решительных, к счастью, еще была преодолима. Бежали рабочие (40 %), интеллигенция (30 %). Большинство беженцев (около 90 %) составляли беспартийные, были, однако, и коммунисты (около 5 %).

Горакова пережидала. Одно время казалось, что новый режим долго не продержится. Выросшая в свободном обществе, она привыкла к демократическим методам борьбы: к открытому соревнованию партийных программ и убеждению словом. Теперь процветало насилие. Представители народно-социалистической партии, собравшись вместе, пришли к выводу: легальная борьба невозможна. Но никакого конкретного решения не приняли.

За Гораковой коммунисты следили задолго до переворота. Агенты стенографировали ее выступления, знали, с кем встречается, как настроена. 27 сентября 1949 года ее арестовали. За Богуславом Гораком тоже пришли, но ему удалось скрыться.

Коммунистический режим в послевоенной Восточной Европе был раньше или позже насажен почти во всех странах, оказавшихся в зоне советского оружия. Хотя на Западе во время войны действовали официальные правительства в изгнании, представлявшие временно оккупированные Германией страны, коммунисты этих же стран, натасканные Москвой, готовились после освобождения от фашизма сыграть у себя дома роль пятой колонны и в удобный момент узурпировать власть. Сценарии переворотов и последующие действия террористов мало чем отличались. «Старший брат» требовал полного копирования своих методов и своей системы путем жесточайшей ломки сложившегося общественно-экономического уклада и вековых традиций. Результаты давали о себе знать незамедлительно. Экономика, признающая собственные законы, а не диктат, рушилась.

Коммунисты, которым чувство вины органически не присуще, всегда находили козлов отпущения. Сталинский «закон» об обострении классовой борьбы в обществе по мере его движения к социализму считался универсальным и прямо указывал виновных. Главное, как можно сильнее разжечь в «трудящихся массах» «классовую ненависть»!

«Враги» кишели всюду. Как заявил Готвальд, «надо показать твердую руку». Создавались концлагеря для «антигосударственных элементов», которых к половине 1949 года набралось около 130 тысяч. Из Праги, Братиславы, Брно и других больших городов выселяли «неблагонадежных». Чистки проводились повсеместно, включая школы. В университетах количество профессоров и доцентов снизилось на треть, часть их была брошена в тюрьмы и концлагеря. Уничтожалась церковь. Шел разгром творческой интеллигенции. По словам главы правительства (и писателя!) Антонина Запотоцкого, «культура дорогая и не приносит экономического эффекта». А Готвальд был против траты бумаги на книги К. Чапека, поскольку «сегодня они ни о чем не говорят». Из общественных библиотек было изъято и уничтожено 27,5 миллионов книг, попавших в списки запрещенных. Единственным художественным методом в литературе и искусстве провозглашался соцреализм. Будущему лауреату Нобелевской премии Ярославу Сейферту запрещалось печататься, потому что он «в разговоре с друзьями неучтиво отозвался об уровне советской поэзии». Национализировались предприятия, уничтожались мелкие и средние производители и ремесленники. Ликвидировалась частная торговля. В селах проводилась принудительная коллективизация и разгоралась

«классовая борьба против сельских богачей». Народная милиция отбирала у них хлеб. «Богачам», не выполнившим плана сдачи сельхозпродуктов, запрещалось резать поросенка. Крестьяне бежали из деревень. На экранах кинотеатров молодые колхозницы с граблями на плечах строем ходили на полевые работы, звонко распевая песни о новой счастливой жизни…

Средством запугивания и принуждения народа к полной покорности стали показательные политические процессы. В Венгрии, Польше, Албании, Болгарии уже вовсю разоблачали и казнили «врагов народа», даже среди самих коммунистов. Чехословацкое партийное руководство и госбезопасность отставали. Москва торопила Прагу: если не находите врагов среди своих, поищите хотя бы в других партиях, поможем всеми силами. Два бериевских «режиссера», специализировавшихся на постановке политических процессов, в октябре 1949-го прибывают в Прагу: Лихачев и Макаров. Зная покров тайны, которым всегда окружало себя прославшее их ведомство, можно не сомневаться, что фамилии эти вымышленные…

По случаю большевистского праздника, в ночь с 7-го на 8-е ноября, госбезопасность бросает в свои застенки триста восемьдесят деятелей народно-социалистической партии.

Когда Горакову посадили в тюрьму, режим еще не знал толком, за что будет ее судить. Концепция процесса менялась четыре раза! Долго искали «впечатляющее» название. Согласно первоначальному замыслу, процесс был направлен только против внутренней оппозиции, но тогда не была бы показана «реакционная роль империализма». Постепенно партийное руководство, министерство юстиции, прокуратура и госбезопасность, обогащенные «неоценимым опытом советских друзей», сконструировали концепцию процесса «против всей международной реакции, возглавляемой США». Активную роль в подготовке сценария сыграли агенты-провокаторы.

По мере уточнения замысла из узников, уже сидевших и новых, формировалась группа. Многие из них никогда друг друга не знали и не встречались. Для них придумывались тайные контакты, секретные планы, подготовки терактов «по заданию шпионских центров Англии, Франции, Югославии, США», связи с иностранными разведками, передача государственных тайн, организация складов оружия и тому подобный бред.

В конце концов остановились на группе из тринадцати человек: восемь народных социалистов, двое из народной партии, два социал-демократа, один бывший коммунист («троцкист»). Во главе поставили Миладу Горакову: «Горакова и сообщники».

Судили по новым законам, наделяя их обратной силой. Судили за убеждения, за независимый образ мыслей, за интеллект.

Интеллектуальный уровень группы действительно был высок: семь докторов юридических наук! Вместе с Гораковой на скамье подсудимых оказались:

писатель Завиш Каландра, автор книг о чешском язычестве, о революции 1848 года в Европе; шесть лет провел в фашистских концлагерях; был редактором газет, одно время «Руде право», был исключен из компартии в 1936 году за то, что осудил московские процессы,

бывший генеральный секретарь социал-демократической партии Войтех Дундр,

зампредседателя народно-социалистической партии Франтишка Земинова, активная участница Сопротивления,

редактор и издатель Франтишек Пржеучил, участник Сопротивления, депутат парламента от народно-социалистической партии,

экономист Иржи Гайда, разработчик народно-хозяйственных планов и программ, редактор, член Государственной комиссии по планированию,

профессор университета Зденек Пешка, член парламента, признанный специалист в области права, автор ценных научных работ,

адвокат Иржи Кржижек, блестящий юрист, работавший в ряде иностранных посольств,

депутат парламента от народно-социалистической партии Антоние Клейнерова, бывшая узница Равенсбрюка,

кавалер Военного креста 1-й степени Йозеф Нестaвал, участник Сопротивления, приговоренный фашистским судом в Берлине к смерти, которая по болезни (!) была заменена пожизненным заключением; до 1948 года занимался политической деятельностью в народно-социалистической партии.

То, что половину обвиняемых составляли активные борцы Сопротивления, не случайно. Гон на бывших партизан и подпольщиков коммунисты предприняли сразу после переворота. На первый взгляд, их действия кажутся нелогичными: и те и другие выступали против фашизма. Но логика была. Эти мужественные люди, способные с риском для жизни отстаивать свои идеалы, представляли для новой власти потенциальную опасность, ибо никак не вписывались в ту покорную запуганную массу, которой легко манипулировать. Существовала и другая причина, моральная. Большинству функционеров, не

принимавших активного участия в вооруженной борьбе у себя на родине или отсиживавшихся в Москве, участники Сопротивления были живым упреком в шкурничестве.

Перед судом все обвиняемые отсидели не менее восьми месяцев. Следователям пришлось работать в полную силу: обвиняемым завязывали глаза, били их днем и ночью. Франтишека Пржеучила били по голове наручниками, привязав к стулу, это называлось «специальные лекции» или «терпеливые дискуссии». За время следствия поседел. Доктора Гостичку избивали при жене, ее специально привезли в тюрьму в день ее рождения. Каждый допрос начинался фразой «Ваш ребенок — это ребенок повешенного» (сыну было пять лет). Некоторые новоиспеченные следователи были настолько безграмотны, что заключенные долго не могли понять, чего от них хотят. Один из таких следователей сам признался, что еще три недели назад работал на заводе фрезеровщиком.

После допросов узники вползали в свои камеры на четвереньках. Им не давали спать, заставляли весь день ходить, не позволяя садиться даже во время еды. Свои роли на предстоящем процессе заучивали тоже в движении. Московские чекисты, которым приносили протоколы, исправляли их по своему усмотрению и диктовали следователям тактику дальнейших действий. Заключенным приходилось заучивать протоколы наизусть по нескольку раз. Проверка могла последовать когда угодно. Будили в три часа ночи: «О чем вас спрашивает прокурор на стр. 32 и что вы отвечаете?» «Говорите на суде то, что мы хотим. Тогда года через два — три выйдете». Комендант тюрьмы в Рузыне предупреждал: «Если не будете говорить так, как выучили, веревка вам обеспечена!»

Кроме судебных протоколов требовали вызубрить свои ответы на очных ставках, запоминать мизансцены: как себя вести, как двигаться, как реагировать, когда молчать, с чем соглашаться, что отрицать. Оставшиеся в живых рассказывали, что на очной ставке с Гораковой у нее были стеклянные глаза и отсутствующий взгляд, а слова произносила, не осознавая их смысла… Там ломали всех.

За две недели до процесса стали лучше кормить. И назначили защитников, по одному на двоих. Чтобы придать судилищу видимость суда.

Политический спектакль должен был впечатлять. Народу приготовили зрелище. Госбезопасность должна была выглядеть героической.

С 31 мая 1950 года, когда процесс начался, над зданием суда в тюрьме Панкрац постоянно кружатся два вертолета. Каждый раз обвиняемых возят из тюрьмы Рузыне по новой трассе, и над ними летает красный самолет. Военные автомобили с рациями дежурят вдоль всего маршрута. В окнах суда и на крышах соседних домов — пулеметы. Газеты выходят с крупными заголовками: «Процесс над руководителями диверсионного заговора против республики и ее народа начался», «Отвратительная банда изменников родины и шпионов», «Бдительность нашего народа сорвала заговор», «Хотели войны против республики, чтобы капиталисты могли снова эксплуатировать наш народ». Процесс транслируется по радио. В зале суда ярко светят юпитеры и жужжат кинокамеры. Обвиняемые с удивлением обнаруживают выставку «вещественных доказательств»: целый арсенал якобы изъятого у них оружия и боеприпасов, а над ним — фашистское знамя со свастикой.

Прокуроры обращаются не к суду, а к зрителям. Родных и близких подсудимым среди них нет, зал полон ударников и делегатов заводов, фабрик, колхозов, всех этих «представителей трудящихся» привозят на автобусах со всех концов республики за вознаграждение! Алые платочки молодых строительниц социализма оживляют темную массу мужских роб… Четыре тысячи зрителей!

Первой дает показания Милада Горакова. Похудела на одиннадцать килограммов, гладко зачесанные волосы, очки, которые она время от времени поправляет…

Судья бдительно следит за тем, чтобы все обвиняемые говорили слово в слово по сценарию, который лежит перед ним. Горакова полемизирует, защищается, отступает от текста. Судья выходит из себя, голос срывается на визг… Иногда, опасаясь добавочных подробностей, сам подсказывает: «Точка».

На третий день «трудящиеся массы» впадают в истерию. Сделала свое дело пропаганда. Принесли плоды директивы, разосланные во все низовые организации, каким образом использовать процесс в интересах партии. Резолюции с фабрик и заводов приходят тысячами и требуют для всех подсудимых смертной казни. Вовлечены даже школы: крови требуют пионеры, к ним должны присоединяться учителя… Резолюции — их более 6300! — приносят в зал корзинами.

По окончании заседаний зрители спешат протолкаться к дверям, через которые выводят обвиняемых. Выкрики. Насмешки. Угрозы кулаками. Грубая брань. Одна из делегаток, в алом платочке, пробравшись к самой двери, плюет Гораковой в лицо…

Прокурор произносит заключительную речь на языке

передовиц: «капиталистические кровососы», «крысы, залезшие в подпол, чтобы плясать под американскую дудку». Превозносит процесс, как «великую школу бдительности и школу ненависти». Лезет из кожи вон общественный прокурор товарищ Брожева: требует смерти для всех тринадцати.

8 июня — приговор. Четверо обвиняемых — к смертной казни, четверо — к пожизненному заключению, остальные получают 28, 25, 22, 20 и 15 лет тюрьмы.

В начале процесса смертных приговоров обвиняемые все же не ожидали, только «троцкист» Завиш Каландра в приговоре, кажется, не сомневался: «С первого дня я знал, что меня ждет веревка». Хотя, какая власть ее судит и кто в дирижерах, Горакова понимала. В Советском Союзе бывала не раз, и до войны, и после. Ее проницательный ум и интуиция подсказывали ей, что творится на самом деле за фасадом «сталинской демократии»… Но «суд народа» учел «глас народа». А «глас» его требовал: казнить! Более того, народ жаждал даже присутствовать при казнях! И такие просьбы в петициях были…

Известие о чудовищном приговоре, вынесенном Гораковой и другим подсудимым, облетело мир. Телеграммы протеста и просьбы о помиловании поступают к Готвальду из Амстердама, Парижа, Стокгольма, Женевы, Нью-Йорка… От разных партий, международных женских, молодежных, христианских организаций, от университетов, от интеллектуальных элит… Коллективные и частные. Протестует английское правительство и лично Черчилль. Протестует Генеральный секретарь ООН Трюгве Ли. Из Принстонского университета приходит телеграмма от Альберта Эйнштейна. Вступаются общественные деятели и ученые с мировыми именами, Джон Бернал и Бертран Рассел…

А в Праге тем временем просьбы о помиловании отклоняет Верховный Суд. Последняя инстанция — президент. Горакова не стала ему писать: «на их стороне — власть, на моей — правда». Апелляцию подали престарелый отец и дочь, а также защитник.

За двадцать лет демократической республики в Чехословакии по политическим мотивам не был казнен ни один человек. Только восемь преступников, на совести которых было по нескольку убийств, Масарик не смог простить. Конечно, женщин среди них не было.

Для Праги протесты мировой общественности — всего лишь «демонстрация» и «подтверждение нашей правоты». Министр юстиции кладет Готвальду на стол свои «Предложения»: 20 страничек аккуратно и не без умысла перевязаны шнурком с цветами государственного флага. Все смертники — вместе,

подпись предусматривается одна на всех: или всем — милость, или всем — казнь. Позднее была придумана легенда, будто Готвальд колебался, медлил с подписанием приговора Гораковой. Не могло этого быть. Подпись — одна. И ее нетвердая первая буква выдает всего лишь дрожащую руку пьяницы.

Готвальд знал Горакову, до переворота не раз оказывались рядом на политических митингах и торжественных собраниях. Но чего ради стал бы ее щадить этот «пламенный революционер», еще в 1929 году заявивший чехословацкому парламенту: «Мы ездим в Москву к русским большевикам учиться, как свернуть вам шею».

В свои последние дни и часы Горакова написала одиннадцать писем, твердой рукой, отчетливым почерком, без поправок. Прощалась со всеми: родными, близкими, друзьями, кого любила и кто любил ее. Просила прощения за то, что причиняет им боль. Писала отцу: «Мой дорогой, добрейший папочка… Знаю, что в Твои 81 год не должно было это тебя постигнуть. Знаю, что должна была стоять перед Тобой и целовать Твою дорогую руку, когда придет Твой час ухода вслед за мамой… Но буду перед Тобой все равно стоять и буду ждать Тебя вместе с мамой. Может быть, Тебе за нами будет идти легче…» Мужу, о судьбе которого ничего не знала: «Если ухожу раньше Тебя, то потому лишь, чтобы терпеливо ждать Тебя. Наша любовь преодолеет физическую смерть, и мое утешение в том, что смогу Тебе и дальше быть духовно близкой». Дочери Яне: «Я о многом передумала, ряд ценностей пересмотрела, что для меня, однако, осталось ценностью безусловной, без которой свою жизнь не могу себе представить, так это свобода совести». Видимо, размышляя о том, что смертная казнь в лучшем случае могла быть заменена пожизненным заключением, признавалась: «Долгую несвободу сердце мое уже не выдержало бы…»

Накануне казни, вечером, ей разрешили свидание с родными. Отца боялась тревожить, пришли дочь и сестра с мужем. Встреча проходила в какой-то котельной под строжайшим надзором охраны. Родные дали понять, что муж жив. (Ему удалось перейти границу, из Германии в 1951 году эмигрировал в США). Она сказала, что ни в чем не раскаивается, поступала правильно. Дочь поцеловать не позволили…

Всю ночь при ней был защитник. Видя, как он сокрушается, Горакова утешает его. Последние желания: пригласить священника и оставить при себе фотографию мужа, чтобы с ней умереть…

Отец всю ночь смотрел на Панкрац. Потом навестил могилу

жены и стал спокойнее: «Уже никогда не будем об этом говорить. Милада всегда с нами…» До конца своих дней носил черный галстук.

Обручальное кольцо и золотые часики Гораковой были переданы в Народный банк. Ее сестре запретили носить траур.

Генеральный секретарь ЦК КПЧ Рудольф Сланский получил подробный отчет о подготовке и проведении процесса, который был признан образцом для всех последующих. Их было тридцать пять. Через два года в такой же «образцовый» процесс, уже как «глава антигосударственного заговора» угодил сам Сланский. Со всеми, как говорится, вытекающими последствиями…

Писатель Иржи Странский в своем, прошедшем по телевидению, четырехчасовом документальном фильме «Потеря памяти», о бывших политзаключенных, дает статистику жертв коммунистической тирании в Чехословакии за 1948-89 годы:

КАЗНЕН 241 ПОЛИТЗАКЛЮЧЕННЫЙ;

В УРАНОВЫХ И УГОЛЬНЫХ КОПЯХ И ШАХТАХ УМЕРЛО 8 000;

600 НЕ ПЕРЕЖИЛО ДОПРОСЫ И ПЫТКИ В ЗАСТЕНКАХ ГОСБЕЗОПАСНОСТИ;

500 ПОГИБЛО НА ГРАНИЦАХ — ЗАСТРЕЛЕНО, УБИТО ЭЛЕКТРИЧЕСКИМ ТОКОМ, ПОДОРВАЛОСЬ НА МИНАХ, УТОНУЛО;

НЕЗАКОННО ОСУЖДЕНО НА ДЛИТЕЛЬНЫЕ СРОКИ ТЮРЕМНОГО ЗАКЛЮЧЕНИЯ 250 000 ЧЕЛОВЕК;

БРОШЕНО В КОНЦЛАГЕРЯ БЕЗ СУДА 70 000, В ВОЕНИЗИРОВАННЫЕ ЛАГЕРЯ ПРИНУДИТЕЛЬНОГО ТРУДА (НА ШАХТЫ) 60 000;

400 000 ЧЕЛОВЕК БЕЖАЛИ ИЛИ БЫЛИ ИЗГНАНЫ ИЗ СТРАНЫ.

H + Z: особый отчет номер четыре

У них была огромная и яркая слава. Их известность далеко перешагнула границы страны. Помнится, в пятидесятые годы имена этих двух «представителей братского народа» были у нас не менее популярны, чем, например, Эмиль Затопек. Их окружал романтический ореол. Казалось, времена великих путешествий давно ушли в прошлое. И вдруг! Едва закончилась война, народы еще не отошли от ее кошмаров и прозябают в нищете, а эти двое молодых, энергичных чехов за рулем «Татры», презирая многочисленные опасности, из конца в конец пересекают целые материки!

Документальная лента «Африка грез и действительности» смотрелась увлекательнее любого детектива. Открывала мир далекий и нам не доступный. И этот мир на всю жизнь обозначился в нашей памяти двумя неразрывно связанными именами: Ганзелка и Зикмунд.

А потом они исчезли. Их перестали упоминать. Такое случалось не раз. Не раз бывали мы свидетелями того, как крупнейшим деятелям западной культуры, писателям, актерам, певцам, художникам, высоко ценившимся и восторженно принимавшимся Москвой, советская пропаганда устраивала идеологические похороны, окружая их имена полным молчанием. Догадаться о причинах не составляло труда: приласканная «звезда» отклонилась от траектории, рассчитанной для нее идеологическим отделом ЦК.

Наверное, знаменитые путешественники так и остались бы лишь воспоминанием молодости, если бы полгода назад не попалась на глаза книжка, изданная уже после падения коммунистов. У нее было сухое, ничего не говорящее название «Особый отчет номер четыре секретно». Но авторами значились они: Иржи Ганзелка и Мирослав Зикмунд. Легендарные H + Z.

Самое сильное впечатление в их жизни — ночевка на вершине пирамиды Хеопса. Хотя спать почти не пришлось. Ощущение гигантской каменной громады под ногами, с таинственными ходами и могилой фараона, и четырех с половиной тысячелетий истории. Внезапный рассвет, когда со стороны Нила, глубоко внизу, появилось солнце…

В Руанде-Урунди они снимали на кинопленку рождение нового вулкана. Поднялись к самому кратеру Килиманджаро. В верховьях Амазонки, в Эквадоре, жили среди охотников за черепами. В день коммунистического переворота 25 февраля 1948

года (это обнаружилось потом) снимали фильм о пигмеях. А на следующий день Ганзелку едва не убил бегемот, преследовавший его с сумасшедшей скоростью. Путешественника спас бельгийский майор, директор парка. Бросился навстречу зверю, развел в стороны руки и дико заорал. Зверь опешил от неожиданности и остановился. С тех пор H + Z усвоили на всю жизнь: к опасности надо всегда стоять лицом. В Нубийской пустыне они заблудились и чудом добрались до воды. В Северной Африке едва не погибли в аварии, подстроенной тамошними властями, чтобы помешать их путешествию. Время было послевоенное: подозрения, недоверие, шпиономания…

«План 5» — по числу материков — предусматривал грандиозный маршрут: Европа — Африка — Латинская Америка — Мексика — США — Япония — Китай — Юго-Восточная Азия — Австралия — Индия — Ближний Восток — Советский Союз. Но… Планы планами, а жизнь решает по-своему. Начинается корейская война, путешественников не пускают в США. Не дает визы Австралия. Отказывает в посещении Китай. Долго упирается Индонезия. С трудом они вырываются из Багдада…

Первое путешествие длилось три с половиной года, второе пять с половиной.

Они выехали из Праги в 1947 году. Ждали этого момента много лет. Жажда путешествий жила в каждом с детства. Зачитывались Жюль Верном и Карлом Меем. Любили горы. Много ходили пешком. Увлекались спортом. Прекрасно знали и умели водить автомобиль. Особенно Ганзелка. Его отец испытывал «Татры» и, видимо, передал сыну «музыкальный» слух — искусство слышать мотор.

Они встретились в 1938 году на лестнице Высшей торговой школы в Праге, куда по окончании гимназий пришли на вступительный экзамен. В ожидании вызова один из них, Ганзелка, сделал стойку и пошел на руках, чем вызвал горячую симпатию у второго. Завязалась дружба, оказалось, на всю жизнь. У них были одни сокровенные мечты, которые они до поры до времени держали в тайне даже от родителей…

Оккупировав Чехию, Гитлер закрыл высшие учебные заведения. Бывших студентов отправили на работы. Выбора не было. Отнеслись, как к повинности. Но времени не теряли. Любую возможность использовали для самообразования. Пропадали в библиотеках. Прослушали цикл лекции об Африке, которые читал Станислав Шкулин (через пять лет они встретятся с ним в Найроби и вместе поднимутся на Килиманджаро). Ходили на лекции об Индии и ее искусстве. Учили языки. У них,

выпускников гимназии, за плечами уже было шесть лет латинского, восемь — немецкого, четыре — английского, французский, русский (чтобы читать Пушкина в подлиннике!). Позднее к ним добавились арабский, итальянский, испанский, голландский.

Высшую торговую школу закончили только после войны. И готовились, готовились, готовились. Но где взять средства на путешествие?

С новенькими дипломами отправились в Генеральную дирекцию «Татры». Попросили машину: хотим обеспечить «Татре» экспорт, хотим налаживать экономические связи, разорванные войной, хотим искать новые рынки сбыта. Оказалось, они не первые. Но продуманность и основательность их планов были вне конкуренции. И «Татра» сдалась: «Машину вам дадим, но во всем прочем на нашу помощь не рассчитывайте. Если пробьетесь сквозь джунгли чехословацких канцелярий, никакие джунгли на свете вам не будут страшны». А чиновники недоумевали: «Как вы решились ехать в Африку, если вы там никогда не были?»

Когда «Татра» пересекла Нубийскую пустыню, газеты писали о машине, как о чуде, которое Африка ждала с момента рождения автомобиля. Ведь чудо не нуждалось в воде! Контракт, подписанный в Найроби, предусматривал поставку шести тысяч машин по цене роскошного американского кадиллака. Но время ушло. На родине уже хозяйничала новая власть: экспортное отделение «Татры» закрыла, опытные старые кадры выбросила с работы, а на их место посадила «голубые сорочки», которые смутно представляли себе, чем они вообще должны заниматься. Представителей из Найроби даже не пустили в Прагу. А сливки с рекламы «Татры» снял «Фольксваген», вскоре создавший аналогичный автомобиль с воздушным охлаждением.

Путешествие было трудным. Каждая демонстрация «Татры» была сопряжена с ее разгрузкой и загрузкой (а это шестьсот килограммов своего багажа!), выбором испытательной трассы, поиском возможных торговых партнеров, организацией рекламы и самой акции.

Опасаясь нехватки средств, путешественники взвалили на себя кучу иных дел и обязательств. Газеты, радио, телевидение с нетерпением ждали от них сообщений, репортажей, статей. В каждом номере экономического еженедельника «Мир труда» им отводилось две полосы. Для чехословацкого телевидения в первом путешествии они сняли 10 короткометражных и три полнометражных фильма, а во втором уже более 150. Три тома «Африки грез и действительности» написаны за несколько месяцев в Аргентине. За ними последовали четыре тома об

Америке. А надо было еще вести дневники, переписку, учет, статистику, бухгалтерию. Пишущие машинки, взятые с собой в дорогу, стучали в полную силу.

Но работа приносила и огромное удовлетворение. Они как специалисты умели видеть, анализировать, сравнивать.

Из первого путешествия Ганзелка и Зикмунд вернулись осенью 1950 года в лучах славы. Издательства торопили с книгами. Чтение корректур, выбор иллюстраций из десятков тысяч негативов, монтаж фильмов, тысячи писем читателей и зрителей, лекции, беседы, встречи… В первых рядах сидели красивые девушки, с блеском в глазах взиравшие на молодых неженатых мужей, героев джунглей. Все хотели видеть их «живьем», услышать их голоса, задать вопросы. Школьники младших классов играли «в Ганзелку и Зикмунда»: Ганзелкой была девочка, Зикмундом — мальчик.

Книги шли в драку, ими торговали из-под прилавка, они становились эквивалентом обмена. Очереди выстраивались с вечера. За один день расходилось сто — сто двадцать тысяч экземпляров… Но теперь это была другая страна, не та, из которой они выезжали. Страна, лишенная связей с миром. А Ганзелка и Зикмунд, помимо своей воли, оказались монополистами на информацию из-за рубежа.

Почему они вернулись? Ведь они могли просто остаться, как остались за границей многие чехословацкие дипломаты. Информация у путешественников была: сплошь черная — с Запада и сплошь розовая — из газет и радио на родине. Могли взвесить и оценить. Уже был прочитан Дж. Оруэлл — «1984», попавшийся под руку в Эквадоре. Люди боялись им писать. Родные тоже. Писали, конечно, но политики не касались. В стране шли аресты, суды, казни. Один из корреспондентов предостерегал их: «Вы были бы слонами, каких вы снимали в Африке, если бы вернулись в эту Zmorовую Чехословакию» (игра слов: «unor» — февраль, месяц переворота, «Zmor» — измор). Но дома оставались родные и друзья. Не вернуться — подвергнуть их опасности, подвести тех, которые им помогали. Отзывы, доходившие до путешественников, свидетельствовали: популярность у них на родине огромная. И оба, Ганзелка и Зикмунд, рассудили: вернемся. Ведь их будет тяжело упрятать за решетку, они же правду говорят о том, что видят! Время показало наивность таких аргументов…

А пока — их носили на руках. Наградили Орденами Республики. Высокие партийные и государственные сановники удостаивали их беседами. Чехословацкая Академия наук приняла решение: следующее путешествие будет проходить под ее эгидой.

Их знания, их суждения, их оценки представляли большой научный и практический интерес: «Всегда, когда мы возвращались из путешествия, мы гораздо острее воспринимали все, что происходит дома. Людям, которые не покидают своего гнезда, все кажется очевидным. Способность к относительному восприятию приобретается лишь после знакомства с заграницей. Появляется масштаб… Путешествия меняют человека. Он приобретает терпимость к людям, способность понимать их».

Тогдашний руководитель Академии наук предложил Ганзелке и Зикмунду: может быть, то, что они излагают в бесконечных разговорах с руководящими работниками аппарата, подавать письменно? Ведь разговоры ни к чему не ведут. Но добавил: «Это, однако, опасно. Может стоить вам работы, а может быть, и большего. А может быть, и всего. Так что, подумайте».

После зрелых размышлений путешественники решили писать «Особые отчеты». Как материалы секретные. Первый был об Индонезии. Второй — о Западном Ириане. Ни тот, ни другой беды не принесли. Видимо, были восприняты, как далекая экзотика. Третий, в котором отразились японские впечатления, вызвал раздражение и озлобленность. Четвертый и последний «Особый отчет» рассказывал о Советском Союзе. Он был уже написан, когда Чехословацкая Академия наук присудила своим протеже высшую награду — Золотую медаль. До них ее вручали всего девять раз, в семи случаях — академикам.

В Советском Союзе Иржи Ганзелка и Мирослав Зикмунд были четыре раза, три из них — в 1954, 1958, 1962 годах — кратковременно. Настоящее путешествие от Дальнего Востока до Урала и от Памира до арктического побережья началось 13 сентября 1963 года, когда, проехав Японию, они высадились в Находке. В Советском Союзе пробыли до 8 ноября 1964 года.

Маршрут и условия работы оговаривались заранее. Это было трудное и утомительное дело. Партийные власти принуждали «чешских друзей» к тому, чтобы они ехали по той трассе, которую им предложат, и смотрели только то, что им покажут. Лишь после многих переговоров, консультаций, совещаний путешественники выхлопотали себе право передвигаться свободно, смотреть, что захотят, встречаться, с кем пожелают, и самим составлять рабочую программу.

Однако в Находке их ждал секретарь Академии наук, сотрудник КГБ, с другим, отвергнутым ими ранее, планом. Ганзелка и Зикмунд взбунтовались: или они работают, как договорились, или грузят машины в вагон и едут с ними до Чопа. Последовали три дня телефонных переговоров и утрясок с

Москвой, прежде чем удалось вернуться к прежним условиям.

Путешествие по Советскому Союзу никогда не было описано, как другие. Единственный результат его «Особый отчет номер четыре». Социальный, политический, экономический анализ. Цели прежние, ибо: «То, что мы видели, было часто диаметрально противоположным тому, как представляли себе свои режимы правители: искаженно, схематично, иными словами, лживо».

Составить «Отчет» им предложил сам Брежнев на каком-то кремлевском банкете. Путешественников удивило, правда, что в разговоре с ними генсек упомянул «Отчет» о Японии: последний предназначался для «своих», а его, оказывается, за их спиной передали в Москву. Брежневу было обещано, что один экземпляр документа, подготовленный «для своих», будет переведен на русский, авторизован и передан ему. Условились: прочтет только он.

О чем думал генсек, предлагая подготовить отчет о Советском Союзе? О том, что в «первой стране социализма» все обстоит как нельзя лучше? Был в этом уверен? Или что «чешские товарищи» не осмелятся написать ничего плохого? Или им двигало чистое любопытство?

Подготовленный весной 1964 года «Отчет» перевели на русский, и один из авторов лично передал его Брежневу в Праге. Чешский оригинал и копии были отданы своей партийной верхушке — «sodruham» («товарищам») А. Новотному, И. Ленарту, И. Гендриху и прочим.

Сегодняшнего читателя документ поражает обширностью наблюдений и глубиной содержания, но местами он явно грешит заискивающей тональностью, вызывая неловкость. Это, конечно, знак времени. Вспомним: критика должна быть «конструктивной», чтобы не превратиться в «очернительство». А документ писали «содруги» «содругам».

Дело в том, что Ганзелку и Зикмунда уже давно тащили в партию. Режим понимал: такие люди повысят его имидж. Однако в партию, какой она была, ни тому, ни другому вступать не хотелось. В конце 50-х — начале 60-х в КПЧ наметилось реформистское крыло — за «социализм с человеческим лицом». Это уже куда ни шло!.. Давление между тем усиливалось, и в 1963 году в Токио оба подписали заявления о приеме. Парторганизация Академии наук вызвала их на собрание.

«Почему так поздно?» Объяснили: сталинских порядков в партии не приемлют. Представитель ЦК «поправил»: членство в партии не совместимо с выдвижением условий. Ганзелка и

Зикмунд предложили: так пусть все останется как есть, жили без партии, будут жить без нее и дальше. Но их единогласно приняли…

На ста двадцати пяти страницах H + Z не устают повторять: поймите, не сердитесь, мы — ваши друзья, мы делаем общее дело, мы хотим добра. Благодарят советских людей за помощь и взаимопонимание, хотя и сетуют на чрезмерные застолья с обильными возлияниями, на заорганизованность, на «pokazuchu», на примитивность пропаганды, на ответы «Tak priHato», которые они получают, спрашивая «почему так?». Они убеждают, приводят примеры, анализируют, сравнивают, втолковывают. Настоящий ликбез для Политбюро! Одно грустно: перед кем бисер метали?!

В духе тогдашних идеологических установок Ганзелка и Зикмунд принимают Ленина и отвергают Сталина. От первого исходит добро, от второго — зло. Чешским гостям показывают Шушенское. Авторы книги приводят подробности, которые в контексте вовсе не обязательны. Скорее всего, они здорово удивлены. Не странно ли? Будущий «вождь мирового пролетариата» в ссылке прекрасно отдохнул, поправил здоровье и никогда в жизни не имел больше таких прекрасных условий для работы. Занимал большой дом с садом. На свою «пайку» — пять золотых рублей в месяц — прекрасно жил вместе с женой и тещей: целый баран стоил три копейки. А «пайку» Надежды Константиновны — тоже пять золотых в месяц — они жертвовали «движению» — на печать, оружие, орграсходы. Хозяйством занималась оплачиваемая прислуга. В лесу, у самого озера, «узник» вволю охотился, у него была «izbuška». Жил в интеллектуальной среде, мог весьма свободно передвигаться. Поддерживал связи с российскими и зарубежными социал-демократами. В общественной, богато укомплектованной библиотеке Ленин как «ссыльный» получал литературу бесплатно, тогда как свободные самообразовывались за денежки. (Интересно, за какие такие заслуги царская власть устроила трехгодичный курорт своему будущему расстрельщику?)

Вернемся, однако, в шестидесятые… H + Z потрясены сказочными богатствами Сибири и Дальнего Востока: «вся таблица Менделеева!» Уголь — почти на поверхности. Руды. Японцы покупают отвалы как полноценное сырье. Древесина. Один миллион кубометров заготовляется ежедневно. Рыба. От каждого лосося — больше килограмма первосортной икры… Только вот…

На заводе «Амуркабель» в Хабаровске директор пятый год подряд рапортует: «Osvajivajem». Силикатный завод в

Благовещенске устарел еще до пуска. Автоматизацию заменяет грубая женская сила. Новая печь развалилась при испытаниях, но на ней до сих пор висит лозунг: «Сдадим в срок и с отличным качеством!» Тысячи кубометров леса гибнут под колесами тягачей, на речных мелководьях и остаются в лесу: высота пней — больше метра! С целинных полей Казахстана в 1956 году на элеваторы попала половина, в 1959 — треть урожая. Перед началом уборки на полях стояло 47 тысяч сломанных комбайнов. Сборщики хлопка в Голодной степи в момент приезда гостей спали. Гости пожелали запечатлеть их «героический» труд на пленку. Сборщики удовлетворили их просьбу и залегли снова. Сопровождающий пояснил: «Tak i živjom».

Железнодорожный мост через Ангару, открытый в 1950 году, через пять лет попал под затопление. Мирный строится четвертый раз: палатки, деревянные бараки, кирпичные дома, теперь — панельные.

Казахстан, страдающий от недостатка влаги, находится над морем пресной воды. Ее хватило бы, чтобы покрыть всю его территорию двухметровым слоем. На дороге Иркутск — Красноярск можно собрать тонны сырья и товаров: от шурупов, гаек, рессор, распределительных валов до труб, стальных профилей, кирпича, кабеля. В 1953 году во всей Сибири было только 47 километров асфальтированных или бетонированных дорог. На вопрос, как так можно, следовал ответ: «Ruki nedochodjat!»

Герой Соцтруда Мих. Бойко усовершенствовал шахтный инструмент. Его конструкцию путешественники видели десять лет назад в золотых копях Иоганесбурга. На вопрос «Откуда он это взял?», «Герой» покраснел и сознался, что «содрал» свое изобретение с иностранного проспекта.

Чтобы купить «Запорожец», надо самому съездить за ним из Сибири на Украину, а покупатель еще и радуется. Химчистка методично отрезает пуговицы с одежды, а клиент благодарит за услугу и пришивает их на прежние места. Показывая новые дома, власти хвалятся: «Это коммунистическое жилье!» На вопрос, почему «коммунистическое», отвечают: «Ну как же! В каждой квартире — кухня, ванна, унитаз!» Трудно даже представить себе, комментируют «чешские друзья», как отреагировал бы на такой ответ рабочий из капиталистической страны!

Сравнивая уровень архитектуры жилых домов для трудящихся в разных промышленных странах мира, гости приходят к выводу: в Советском Союзе он ниже всякой критики. Это — не дома, это — склады для людей! Под лозунгом «Vsjo dlja elovka!» человеку отводится только роль инструмента в

производственном процессе. «Советский человек, — читаем в «Особом отчете», — герой прежде всего в своей бесконечной терпеливости, которая является следствием огромной, замкнутой в себе, психической усталости». И еще: «Много раз жизнь на советском Дальнем Востоке и в Восточной Сибири казалась нам огромным, мощным автомобилем, водитель которого одной ногой жмет до отказа на «газ», а другой, с той же силой — на тормоз. Одновременно!»

Сегодня, после распада «лагеря», вызывает большой интерес та глава «Отчета», которая посвящена сравнению СССР и Чехословакии. Иными словами, как обстояли дела с «авангардной ролью Советского Союза»?

До захвата власти коммунистами уровни жизни населения, материальной и духовной культуры, образования, здравоохранения, культуры быта и человеческих отношений были в Чехословакии несравненно выше. Демократические традиции ведут здесь свое начало еще с гуситских времен. Народ в целом был политически более зрелым, опытным, активным. Чехословацкая деревня была полностью грамотна, получила хорошее образование в профессиональных земледельческих школах. Хозяйствование велось интенсивным способом. Кооперация давно получила широкое развитие: первое в мире земледельческое хозяйство взаимопомощи возникло еще в 1845 году именно в Чехии.

Можно представить себе шок, испытанный народом, когда в стране стали механически и жестоко насаждать сталинские методы в партийной, государственной, хозяйственной, культурной жизни! «Невозможно заставить народ Гуса, Жижки, Коменского, воспитанный в духе демократии и гуманизма, примитивно обожествлять и слепо верить во что-либо и в кого-либо».

Знаменательно и сопоставление менталитета больших и малых народов: «У большого народа нередко проявляется склонность к самодовольству, там где для этого нет никаких оснований, и лояльность к собственным ошибкам. Сознание величины и силы государства порождает у отдельных людей, наделенных примитивным умом, имперские комплексы. У представителей малых народов этого нет. С одной стороны, они чаще испытывают комплекс неполноценности и преклоняются перед заграницей, с другой, склонны к самокритичности. У них больше предпосылок к развитию, к многообразию, к разносторонности и меньше предвзятости в отношении к большому народу и в понимании его. Они отважнее в общественных экспериментах, ибо риск в случае неуспеха до

известной меры локальный. Зато в случае успеха локальный эксперимент может стать примером для подражания в других странах мира».

«Выводы и предложения», к которым пришли Н + Z, проанализировав все сферы жизни в СССР, на сто процентов совпадают со всем тем, что мы все узнали, услышали и прочитали во времена «перестройки». Только *они* сказали все это на двадцать пять лет раньше!

Но власть не хотела ничего знать и слышать. Ей было наплевать на все, кроме своих удобств и выгод. Еще одно поколение, замороченное коммунистической пропагандой, должно было прозябать в бездействии и несвободе, пока склеротичные старцы упивались безграничностью своей власти и дряхлели до полного идиотизма.

«Содруг» Брежнев не сдержал слова. Прочитав, передал «Отчет» своему окружению. Ганзелка и Зикмунд стали врагами номер один. Когда «товарища Леонида Ильича» спросили, что с ними делать, он, помедлив, произнес: «Уморить голодом». Штрих, ярко характеризующий порядки в «соцлагере»: вождь советских коммунистов распоряжается судьбами двух граждан «братской страны» с помощью ее карательных органов.

К счастью, приказ не был исполнен. Четыре года спустя Брежнев двинул советские танки на Прагу, и «социализм с человеческим лицом», за который ратовали Ганзелка и Зикмунд, получил точное определение: контрреволюция.

Уже на четвертый день оккупации столицы Чехословакии Мирослав Зикмунд выступил с обращением на русском языке к Брежневу, Косыгину, академикам Келдышу, Лаврентьеву, Капице с призывом остановить вторжение, оскорбляющее честных людей обеих стран. Речь записали западные радиостанции и передавали на советские войска. В Союзе у путешественников осталось бессчетное количество друзей. Но отклика не последовало. Академики молчали. Какое им, в конце концов, было дело до чужого народа и двух его строптивцев, не сумевших ладить с режимом так, как умеют они?!

Нет, если быть абсолютно точным, два отклика все же было: Евгений Евтушенко слышал выступление и написал стихи «Танки идут по Праге», да Всеволод Сысоев, охотник на уссурийских тигров, передал со знакомым чехом «звуковое» письмо. И все. Их это не удивило: «Краеугольным камнем так называемого Советского Союза был страх, страх, страх».

Общественная жизнь Ганзелки и Зикмунда в годы, предшествовавшие оккупации, была активной. Народ поддерживал их, они получали тысячи писем. Теперь, чтобы не подвести своих корреспондентов, они письма жгли. Существовал документ: обоих арестовать и уничтожить. Скрывались. Со временем угроза жизни отпала. Но они оказались в западне. Им не было еще и пятидесяти. Ни о каких путешествиях не могло быть и речи. Планы остались только в мечтах и на бумаге. Один из них они набрасывали в 1964 году в одном казахстанском совхозе: хотелось через четверть века снова пересечь Африку, освободившуюся от колониализма…

Когда западня раскроется, каждому будет под семьдесят…

Жизнь путешественников сменилась на жизнь диссидентов. Исключили из Союза писателей. Расторгли договор на книгу о Цейлоне. Другую книгу «Часть света под Гималаями» тиражом 120 тысяч, уже отпечатанную, чиновники год держали на складе, чтобы отправить «под нож», но пожалели восемь миллионов крон. Осторожно пустили в продажу: только для членов «Клуба любителей книги», никаких объявлений в печати и по радио, никакой рекламы, на витринах не выкладывать больше одного экземпляра. В библиотеках их книги велели сначала уничтожить, потом смилостивились: с полок убрать, из каталогов удалить, но в фондах оставить, если кто попросит, выдать. Позднее Зикмунд вспоминал: «Библиотекарь извинялся, что книги в таком страшном состоянии, но меня это радовало. Было бы противно, если бы они выглядели, как тома Ленина или Сталина, которых десятки лет не касается человеческая рука».

В начале 70-х режим требовал от них покаяний. Не дождался. «Топтуны» ходили следом за ними, даже в театры и на концерты. Госбезопасность вызывала на допросы. «Я пережил охоту за черепами и вас переживу, — говорил им Зикмунд. — Отвезите меня домой, я потерял из-за вас два часа». К такой манере разговора эти ничтожества не привыкли. Отвезли-таки домой.

В 1977 году Ганзелка подписал воззвание «Хартии-77», одним из троих инициаторов которой был Вацлав Гавел. Зикмунд сожалел о том, что у него не было возможности сделать то же самое. Зато яростно вступился за своего друга, когда о нем вышла гнусная клеветническая статья.

На службу их не принимали. Пришлось «проесть» дорогую кино- и фотоаппаратуру, потом часть личных библиотек. Ганзелка тринадцать лет вообще нигде не работал и ничего не получал. Подрабатывал переводами детективов с английского, был истопником, наконец ему «доверили» работу в саду: пилил старые

деревья. Зикмунду, уже достигшему пенсионного возраста, семь лет не давали пенсии…

В 1989-м режим наконец рухнул. «С ним случилось то, — говорил Ганзелка, — что обычно случается с большинством режимов в заключительной фазе: они становятся смешными. Пока народ его ненавидит, кажется, что в режиме есть сила, но когда ненавидеть уже нечего, и он вызывает лишь хохот, то ему конец. Достаточно любого толчка, и он упадет, как перезрелая груша. Объективно он уже не служит обществу».

Рассказ об «Особом отчете» и его авторах можно было бы на этом и закончить, если бы не появилась одна радостная новость: оба героя живут и здравствуют! Естественно, захотелось узнать, как они оценивают свой прошлый опыт, что думают о России сегодняшней?

С Мирославом Зикмундом, к сожалению, встретиться не удалось. И расстояние до него не близкое, особенно по чешским масштабам, и занят по горло. Восьмидесятилетний юбилей. Встречи, поздравления, телефонные звонки, письма — по 50–60 ежедневно. Хочется ответить, если не всем, то хотя бы близким друзьям… Рукописи, статьи, книги. К пятидесятилетию первого путешествия журналист Яромир Сломек задал каждому участнику экспедиции по 50 вопросов. Сто ответов Ганзелки и Зикмунда составили интереснейшую книгу «Жизнь грез и действительности» (печальная ирония: вспомним название первой ленты об Африке!)

А еще музей. Постоянная экспозиция «С Ганзелкой и Зикмундом по пяти континентам» торжественно открылась в Злине, в трех залах местного замка, 30 ноября 1996 года. Этому событию предшествовала многолетняя кропотливая работа с архивом, который путешественники передали Злинскому музею. Архив уникален. Множество редких документов, рукописи книг, корреспонденция, только негативов и позитивов — более 120 тысяч!

Зато Иржи Ганзелка через день назначил встречу, откликнувшись по телефону на отличном русском языке. Живет уединенно, в деревне, в старом доме, купленном по дешевке еще в те времена, когда надо было как-то выживать. Конечно, возраст уже солидный. Со здоровьем не все в порядке. Но по-прежнему в работе, в курсе новостей, и российских в том числе. Интересно было бы пану Ганзелке снова побывать в России?

— Я от России устал… Мы ведь тогда в нее верили. Верили в «Пражскую весну». Были наивными. Думали, что можно убедить хотя бы несколько человек из советского руководства в

необходимости осуществлять на практике то, что было в теории. Мы многого не знали. А когда СССР ввел войска, это вызвало общую ненависть к нему. Теперь мы понимаем: коммунизм реформировать нельзя. Он не пригоден для человеческого общества. Отрицательный опыт его построения в СССР — опыт окончательный. Это болезнь…

— Болезнь русского народа?

— У русского народа есть черты, обусловленные тем, что он веками терпел страшные мучения. Им всегда кто-то владел, его никогда не спрашивали, что он хочет, чего не хочет, что ему нравится, чего не нравится. На одной стороне стояла авторитарная личность, на другой — масса. Это унизительное положение, когда можешь быть сто раз прав, но только начальник решает, прав ты или нет. В России всегда существовали структуры авторитарной власти, светской и духовной. Эти структуры сидели на шее народа и диктовали ему свою волю.

— Но и в России должен быть какой-то прогресс, какая-то логика развития?

— Я понял одну вещь: когда речь идет о России, всю логику, справедливую для остального мира, надо забыть. Мне казалось много раз, когда я встречался с русскими, что в их психологии, мышлении, менталитете много такого, что больше свойственно азиатским народам. Европеец не может поступать так, как поступали многие советские партийные функционеры. Большие друзья вдруг превращались в самых заядлых врагов… Для русского все непросто. У него усложненное мышление. Он может забраться в такие дебри, из которых не знает, как выбраться…

— Вы можете себе представить завтрашнюю Россию?

— Мне не хватает мудрости и знаний ответить на ваш вопрос. Развитие любого народа требует длительного времени, надо преодолевать огромную инерцию. В России образовались такие завалы полуправды, лжи, лицемерия, жестокости, беспощадности, насилия, пустых иллюзий, сквозь которые нет возможности докопаться до сущности. Я не знаю, что есть сущность русского народа. До сущности других народов, мне кажется, я добирался, а тут не могу… И какой выход найдет русский народ, я не знаю…

Мозаика жизни и творчества Йиндржиха Выдры [1]

Пан Выдра запаздывал. Впрочем, он предупреждал, что перед нами у него еще встреча. Мы не теряли времени, снова осмотрели его выставку — двадцать пять мозаичных картин, расположенных полукругом вдоль галерей, слева и справа примыкающих к удивительной красоты ротонде конца XVI века. Это внутренняя территория старинного замка в Йиндржихувом Градце, на юге Чехии. Когда-то здесь был сад, ограниченный крепостной стеной, за которой внизу, между живописными берегами, течет речка Нежарка.

На выставку мы наткнулись случайно. Это было наше второе посещение города. Первое оказалось не совсем удачным: холодный осенний ветер, время от времени сопровождавшийся таким же холодным осенним дождем, часто загонял нас то в кафе, то в какую-нибудь лавочку, хотя оценить многочисленные красоты этого древнего городка, основанного еще в XIII веке, погода не помешала. Его называют «маленькой Прагой». Интересно, что в середине XVII века Йиндржихув Градец по населению действительно был в Чехии на втором месте после Праги. Сегодня здесь живет только 25 тысяч. Но это не мешает ему оставаться архитектурной жемчужиной, городом заповедным.

…В этот раз — стояло лето, по городу разносился запах цветущей акации. Мы прошли замком, чтобы снова взглянуть на ротонду, запомнившуюся с прошлого раза, и — попали на выставку.

Беглый осмотр ее показал, что мы встретились с художником уникальным. Живописное богатство его картин, мастерство исполнения, глубокие философские идеи, питавшие каждую его работу — все возбуждало интерес… Вдохновляли художника Леонардо да Винчи, Эдгар По, Бернард Шоу, Франц Кафка, ирландский поэт и драматург, нобелевский лауреат по литературе Уильям Йитс, замечательный чешский художник Петр Брандл, славный император Рудольф II. Каждая работа дополнялась текстом. Он направлял и углублял мысль зрителя. Трагическое беспокойство ощущалось в картинах, посвященных состоянию природы и мира, в котором мы живем.

Вниманию посетителей предлагались буклеты, посвященные художнику, репродукции его картин, пригласительный билет на прошедший вернисаж и ежесубботние встречи с ним. «Доверительная информация», содержавшая краткий

биографический очерк художника, раскрывала некоторые творческие секреты мастера. За мозаикой картин ощущалась богатая мозаика человеческой жизни.

…Навстречу, широко улыбаясь, шел пан Выдра, шел по-юношески легко и быстро, хотя ему уже далеко за шестьдесят. Пожал нам руки так, будто всю жизнь были знакомы.

> «Персональная выставка в Чехии состоялась впервые в Галерее Петра Брандла, в Праге, когда художнику уже было шестьдесят шесть лет. За ней последовали новые выставки, заказы из разных стран, телевизионные программы, переданные BBC и ORF (Австрия), статьи в газетах и журналах»

«Доверительная информация»

— Признание на родине пришло к Вам лишь в последние годы?

— Прежний режим не позволял мне выставляться… Мои картины насыщены символикой, в них много абстракции. Вон там, ближе к ротонде, картина «Третий глаз». Этому символу более пяти тысяч лет. Он пришел из Египта, но его знали и в Вавилоне, и в Индии. В Центральной Америке он был известен древним майя. Такой символ принадлежит правителю или жрецу, или какой-то секте людей, посвященных в таинство, о котором остальной народ не должен был знать. «Третий глаз» символизировал внутреннее зрение, т. е. способность предвидеть будущее и утверждать власть. Во все времена этими знаниями никто из посторонних не должен был пользоваться, поскольку все, что становилось широким достоянием, могло быть употреблено во зло… Правящие слои всегда находят для себя какой-то символ, будь то корона, звезда… Звезда заимствована из древних культур: мы встречаем ее на протяжении всей истории. Шестиконечная звезда — семитская, пятиконечная белая — американская, пятиконечная красная — советская… Древнейший символ — круг, первая геометрическая фигура, которую человек перед собою видел — Солнце, Луну. Огонь тоже выжигает круг. Огонь, таким образом, становится знаком Солнца. Круг был символом жизни, а Солнце — первым божеством у всех народов. У круга нет ни начала, ни конца. Это символ вечности… Или крест, например. Знак, который намного старше христианства. Родился из представлений древнего человека о жизни и смерти: стоящее дерево — живое, лежащее — мертвое. И человек. Стоит — жив, лежит — умер… Голубой крест на моей картине — «крест жизни». ЮНЕСКО приняло его как символ охраны человека и окружающей среды. На картине, на голубом

«кресте жизни» символически изображены те животные, растения, насекомые, которые сегодня нуждаются в охране.

> «Лишь ты, дитя человеческое, рука об руку с любовью идущее к водам и ко всему сущему из мира, полного слез, сумеешь понять»
>
> *Уильям Йитс, текст под картиной «Верные хранители тайны»*

— Охране природы посвящена половина выставки…

— *Человек слишком много уничтожил… При этом он уничтожает самого себя!.. Когда-то Чехия была областью непроходимых болот. В эпоху Карела IV были проведены гигантские работы по созданию тысяч прудов, плотин, каналов: земля была превращена в урожайные поля, луга и сады. Вы не представляете, какое количество живности водилось в наших прудах и реках! Раков например. Еще несколько десятков лет назад в Южной Чехии было множество раков. Но они в грязной воде жить не будут, как и форель… Сегодня раков почти не осталось… У меня есть мозаика — цветок из ботанического атласа Леонардо да Винчи. Леонардо, между прочим, рисовал очень реалистически. Он и название этого цветка привел. Но сегодняшние ботаники не знают этого растения. Нет его… Вымерло. По каким-либо естественным причинам?… Или по вине человека?…*

> «Содержание большинства картин Выдры гораздо глубже, чем может показаться на первый взгляд. В его мозаики органично входят различные символы и аллегорические образы, зародившиеся в истории человечества в результате его стремления понять и передать то, что невозможно выразить словами, поскольку оно живет в далеких глубинах подсознания»
>
> ***«Доверительная информация»***

— Когда же произошло Ваше «отлучение» от живописи здесь, на родине?

— *Меня отлучали не один раз. Началось это еще по окончании гимназии в Чешских Будеёвицах. На «живопись» меня не приняли, не те, мол, анкетные данные… Два года я слушал историю искусств, историю народов, этнографию на философском факультете Карлова Университета в Праге. Потом, благодаря хлопотам дочери скульптора Франтишека Билки и решительности директора, меня все же приняли на четвертый курс полиграфического*

техникума. По его окончании я получил право поступить в Высшую художественно-промышленную школу в Праге. Изучал керамику и другие дисциплины. Увлекался скульптурой. Подготовил для своей выставки двадцать работ, посвященных защите природы. Но комиссии не понравились ни мои анкетные данные, ни художественная направленность моего творчества, которое было расценено как «ненужное социализму».

— У Вас действительно такое «страшное» происхождение?

— Мои родители из дворян, бабушка — из венгерских. Предки деда жили в Баварии, а сам он был пражский чех. В Австро-Венгерской империи был фельдмаршалом. Прошел всю первую мировую войну… В детстве я над ним подтрунивал: войну, мол, проиграл… Отец работал в банке. Когда в Чехию пришли гитлеровцы, отца бросили в концлагерь. Гитлер хотел ликвидировать чешскую культуру, расправившись с нашей интеллигенцией, а часть народа онемечить. Мы с братом были блондины, и потому было решено вписать нас в арийскую расу. Нашу семью разделили. Детей разлучили с матерью. Ее отправили работать в деревню, а меня и брата заставили ходить в немецкую школу… Нас ожидал лагерь Гитлерюгенда, затем фронт. Нас было восемь человек — чешских детей, переведенных в немецкую гимназию. В классе мы сидели в последнем ряду… Шел 45-й год. Чтобы осуществились фашистские планы, касавшиеся нас, мы обязаны были за год выучить немецкий… Спас всех авианалет: бомба угодила в школу, никто не знал, живы мы или нет… Мы скрывались в деревне у одного крестьянина. К счастью, отец пережил концлагерь, и мать осталась жива…

> «Йиндржих Выдра стал независимым художником. Зарабатывал прикладной графикой, иллюстрировал книги для детей. В середине шестидесятых, по чистой случайности, благодаря посредничеству Art centrum получил первые заказы за границей и целых четырнадцать лет работал в Европе»
>
> ***«Доверительная информация»***

— Как человека с такой анкетой выпустили за границу? И что это за Art centrum?

— Эта организация вывозила искусство на Запад. Художники могли туда выезжать. Они имели право провозить предметы внутреннего убранства, садовые скульптуры, фонтаны, фонари, камины… Я работал с этой организацией до конца семидесятых. Она была, конечно, под Госбезопасностью. Нас долго проверяли, требовали кучу бумаг. Но мы им были выгодны. Они «тянули» из

нас деньги: мы платили огромный процент с каждой проданной работы. А тех, кто не мог платить, не выпускали… Больше всего работ у меня в Греции, потом в Голландии, Швейцарии, Австрии, Швеции, Англии. Есть работы, выполненные непосредственно там, я их здесь просто не смог бы сделать по идеологическим соображениям. Среди моих заказчиков встречались весьма знаменитые люди, писатели, певцы, даже внучка Черчилля. Я продал более ста двадцати работ… Был куратором частных коллекций. Организовал музей восточных культур для одного очень богатого коммерсанта.

— Помимо материального благополучия, что Вам дала Европа?

— Очень много… Я всегда и везде учился. Посещал европейские музеи, частные собрания, галереи. Больше всего меня привлекали древние культуры Средиземноморья… А поскольку мне всегда хотелось заниматься мозаикой — с классической мозаикой я познакомился еще в школе — мне представилась возможность увидеть ее древние образцы: египетские, ассирийские, вавилонские, византийские, а также раннехристианские V–VI веков — прежде всего в Италии. В Равенне, например, больше трех десятков церквей буквально выложены мозаикой от пола до самого верха. Это крупнейшее сосредоточение мозаик в мире. Раннехристианское искусство, представленное там, интересно еще тем, что многие святые обрели в то время именно тот образ, который потом больше не менялся, сделавшись каноническим… Было предписано, какое у кого должно быть лицо, какая борода, какие волосы, будь то Христос или св. Павел, или св. Петр. Это произошло в эпоху императора Юстиниана. Над иконами тогда трудилось множество замечательных художников со всего Средиземноморья — из Греции, из Рима, из Египта и других областей Африки. Каждый из них прекрасно знал мифологию своего народа и пользовался привычными ему выразительными средствами. Епископы предписывали этим мастерам, как и кого следует изобразить, но орнаменты и символы художники брали свои. И знаток древних культур может точно определить, откуда каждый художник родом. Если мастер изображает, например, св. Петра, а в орнаменте использует меандр — понятно, что он из Греции… Что еще замечательно, в тех религиях, нехристианских, царил культ нагого тела, культ соединения мужчины и женщины, в котором отсутствовало чувство стыда. В христианстве, как известно, отношения между мужчиной и женщиной освящаются браком и держатся под покровом тайны. В Равенне же, когда греческому мастеру было поручено изобразить Христа в Иордане, художник так и представил его — обнаженным… Это единственное

изображение нагого Христа, стоящего в реке в окружении своих почитателей… Лишь в эпоху барокко, когда церкви и общества коснулся упадок — они погрязли в золоте, в обжорстве, в распутстве, — мастера вернулись к изображению обнаженных фигур. Но сюжеты брали, конечно, не христианские, а мифологические… Потребовались века, чтобы вернуться к изображению нагого человеческого тела в живописи.

— Вас не тянуло остаться за границей?

— Нет. Мне никогда не приходила мысль об эмиграции. Я хорошо познакомился с тем, как за границей обстоят дела с моей профессией, с искусством. Если бы я захотел там работать, то должен был бы стать предпринимателем, обзавестись офисом, телефоном, брать заказы, заключать договоры, а это — не для меня… Моя мысль должна быть свободной. Я не вынес бы, если бы кто-то потребовал от меня положить на мозаике осколок иного цвета, нежели тот, который подсказан мне настроением и чувством.

— Так… Ваше сердце в Чехии?

— Оно путешествует… Я счастлив, что уже в молодости попал во Францию, в Англию. Я путешествовал по Южной Англии и по Ирландии — от раскопок к раскопкам… Эти камни вросли в мое сердце, как и вся кельтская культура, с ними связанная… Кельты пришли туда за шестьсот лет до христианства… Колыбель кельтов в Латении. Это в области теперешней швейцарско-французской границы. Кельты были кочевым народом, по мере того как места их обитания истощались, они искали новые земли. Прошли по всей Европе. Жили и здесь, в чешской котловине. Гораздо раньше славян. При раскопках могильников тут нашли много монет, как римских, так и кельтских еще времен Римской империи, бронзовое и золотое литье, оружие, керамику, украшенные орнаментами. Эти могильники долгое время считались славянскими. Даже крупнейшие чешские художники, такие как Алеш, Манес, Муха, искренне ошибались, украшая одежды славянских воинов и рукояти их мечей кельтскими орнаментами, которые они принимали за славянские. В действительности, славянская ветвь здесь была гораздо слабее кельтской. Культура славян находилась на более низком уровне, и предметы, найденные в могильниках, не были ими произведены, они их покупали. Так что чешская культура многим обязана культурам разных народов, живших здесь. Со средних же веков она была частью европейской.

Мы переживаем сегодня большой бум кельтской культуры. На Западе он начался гораздо раньше, а у нас — только после «бархатной» революции. Многие теперь впервые знакомятся с этим духовным богатством… Мы в школе понятия не имели о том, что

здесь жили кельты, а теперь историки и исследователи древних культур должны очень многое пересматривать и исправлять.

…Долгий и тяжелый путь, пройденный кельтами, завершился в Ирландии. Они шли через Европу по двум направлениям — восточному и западному. Я попробовал это символически отразить и на портрете Бернарда Шоу: писатель находится в центре, а по бокам вы видите два кельтских орнамента. У кельтского орнамента свои традиции, в которых отразились и культуры тех народов, среди которых они жили…

А портрет Бернарда Шоу я исполнил, когда меня пригласили на выставку в Ирландию, в знак любви не только к великому писателю, но и к кельтской культуре.

> «Разумный человек приспосабливается к миру. Неразумный старается приспособить мир к себе».
>
> *Бернард Шоу, текст под картиной «Гармония времени»*

— Вам близок Шоу?

— Шоу — самая большая знаменитость в Ирландии. Но славу и любовь он нашел в Англии, его замечательные пьесы начали свою жизнь на лондонских сценах. У Шоу типичная судьба выходца из малых народов.

> «В начале восьмидесятых Йиндржих Выдра подвергся двум операциям позвоночника и должен был оставить работу за границей. В Горном Ждяре он купил старую мельницу и начал претворять в жизнь свой мальчишеский сон — построить большое мельничное колесо».
>
> ***«Доверительная информация»***

— То, о чем писал Шоу: «Приспосабливаться к миру…»

— А что было делать?! Выставляться мне было запрещено. И хотя, слава Богу, удалось постепенно восстановить здоровье, но такую тяжелую работу, как раньше, я уже не мог делать. Мои скульптуры были до двух тонн весом! Страшилища, сказочные существа, принцессы, черти, игровые аттракционы для детей…

Я сначала растерялся… Болезнь, и возраст приближался к пенсионному. Представить себе, что я буду ходить на службу и выполнять рутинные обязанности, я не мог. Без труда я тоже не могу прожить ни минуты. Выручило состояние тогдашней экономики… В странах Восточного блока она резко шла на спад, и

режим стал позволять то, что раньше и представить себе было невозможно. Например, строить малые электростанции. Я подумал: буду производить и продавать электроэнергию… Оставил Прагу. Нашел мельницу XV века на речке Нежарке, той, что течет внизу, под стенами замка. Таких электростанций возникло потом много, а брошенных мельниц и теперь хватает. Но в Южной Чехии я был первым… Рассчитать турбину попросил специалистов, а изготовил ее сам — из керамики. Электростанция еще при коммунистах прекрасно кормила и меня, и жену. Появились средства на полную реконструкцию мельницы… Но особенно я рад, что у меня своя электроэнергия для печи, в которой обжигаю керамику…

— Собственную электростанцию Вы не видели, наверно, даже в мальчишеских снах! А какие мальчишеские сны еще сбылись?

— Четырнадцати лет я поставил первую каменную арку, вырыл подвал, построил мост через речку. Желание что-то сделать руками жило во мне с раннего детства. У меня никогда не было покупных игрушек, я мастерил их сам. А если попадала какая-то готовая, так я ее переделывал… Это у меня от мамы. Она умела изготовлять посуду, мебель, шить одежду, ремонтировать дом. Так ее воспитывал дедушка. Дед исповедовал принцип «будь самодостаточным». Ему приходилось воевать в тяжелых условиях: на Балканах, в Босниц, он привык жить рядом с солдатами и хорошо научился тому, что называется «пережить».

— А когда Вы решили стать художником?

— Когда сдавал экзамены за среднюю школу, я уже не сомневался в том, что буду художником. Дедушка и мама были живописцами-любителями. Дед великолепно рисовал зверей и птиц. Дома у нас была масса картин, я все это подсознательно впитывал… Дедушка был также нумизматом, собирал пражские гроши, идентифицировал их, датировал, написал о них две книги. Его коллекция чудом уцелела во время войны, находится теперь в Национальном музее, в Праге. У меня сохранилось два оригинала таких монет, они очень декоративны, на них первые изображения чешского льва и чешской короны. Я их очень люблю, поэтому изобразил на мозаике, которая тоже представлена на этой выставке.

— Кто еще повлиял на Ваше художественное развитие?

— Когда я учился в высшей школе, историю искусств нам преподносили с материалистической точки зрения. Мне это не нравилось. Многое замалчивалось, в частности, современное абстрактное искусство Запада. Профессор, читавший этот предмет, выбрал из нашей группы человек шесть, в которых был уверен, и мы ходили к нему домой на семинары, где он читал нам

то, что было запрещено. Он рисковал. Все боялись госбезопасности. Если бы она пронюхала, нас бы всех пересажали…

«Если бы я знал, что такое искусство, я никогда не скрывал бы этого…»

Пабло Пикассо, текст под картиной «Дерево жизни. Весна и осень»

— Подсказывал ли Вам что-нибудь опыт других мастеров?

— Историю искусства я изучаю всю жизнь, благо у меня были возможности… Меня интересовало не столько то, как рисует Сезанн, Ван-Гог, Моне, Шагал, Клее, Пикассо, а то, каким образом они к этому пришли. Я знаю, что Пикассо интересовался японскими гравюрами, изучал технику… Крупные мастера сопротивлялись своим учителям, искусству своего времени, они уходили далеко назад, в историю. Как это произошло в начале двадцатого века, когда реализм уже становился мертвым. Абстрактное искусство возвращало нас к эпохе, когда изображали нечто не ради того, чтобы написать картину, а потому что хотели передать свою мысль тем, кто не умел читать, или когда письменности вообще не существовало — к эпохе ранних культур.

…В Средиземном море, на острове Санторин, который был залит лавой и засыпан пеплом, есть фреска, где изображены два мальчика, соревнующихся в ловле рыбы. Их фигуры очень динамичны. Этой фреске тысячи лет, сегодня она выглядит примитивно, но вспомним Матисса! Это — модерн! Автор напрямую обращается к человеческим чувствам, у него нет «выучки», как, например, у ренессансного мастера, который изучал анатомию и знал каждый мускул… В этой фреске есть все, всякая дополнительная деталь была бы лишней… Когда появилась фотография, она воспроизвела все те подробности, которыми так увлекался академический художник.

— Выходит, чтобы идти вперед, надо повернуть назад…

— Я открыл для себя древние культуры, подошел к их истокам, к возникновению символов. В пещерных изображениях, которым много тысяч лет, человек рисовал абстрактно. Он уже тогда умел делать то, к чему искусство пришло в результате долгого развития.

«Мозаика у Выдры представляет собой живопись из осколков керамики. Художник, в отличие от классических живописцев, не может использовать прозрачность акварели, нежность пастели, создать иллюзию пространства на полотне, он работает с

материалом прочным, красочным, настраивающим мастера на медитацию»

«Доверительная информация»

— Как Вы «пишете»?

— Мозаика — картина, состоящая из осколков материала. Я использую керамику, материал очень прочный и стойкий, который не боится природных стихий… Я покупаю глину из лучших месторождений. Из нее прессую пластинки размером в школьную тетрадь, толщиной два с половиной миллиметра. Покрываю их глазурью. Обжигаю по нескольку раз, добиваясь нужных цветов и оттенков. Стараюсь повторить то, что есть в природе, сотворившей рыбьи чешуйки или перламутровую раковину. Там тонкие цветные слои просвечивают, и в зависимости от угла зрения и падающего света чешуйка рыбы или раковина меняют цвет. Мои мозаики тоже реагируют на свет. Утром, днем, вечером одна и та же картина выглядит по-разному, а когда стемнеет, она тоже светится: ей достаточно блеска звезд… На портрете Рудольфа II изображен ореол в виде крыльев бабочек — император покровительствовал искусствам и наукам — и по мере того, как вы подходите к портрету, видно, как эти крылья меняют цвет: желтый, розовый, синий…

Уже приблизительно зная, видя, в какой цветовой гамме будет решен сюжет, я приготовляю керамические пластинки с разными оттенками основного тона. Потом ломаю их на множество осколков, раскладываю на столе и останавливаюсь на каком-то, с которого начну картину. Вокруг первого осколка, как цветовой доминанты, складывается вся мозаика. Я «рисую» свободно. Не связываю себя рисунком. У меня много предварительных эскизов. Но когда начинаю работать с материалом, цветовое решение часто отступает от первоначального.

— Каких еще художественных эффектов можно достичь, «рисуя» керамическими осколками?

— Можно складывать осколки так, что образуются как бы силовые линии… Картина «Колокола» навеяна Эдгаром По. Ритм его стихотворения имитирует звон колоколов. Они оповещали о свадьбе, о пожаре, о наводнении, о похоронах: дин-дон, дин-дон… Люди спешили к церкви. Лошади бежали, раскачиваясь в такт колоколам… Линии, образованные мозаикой, повторяют этот ритм: дин-дон, дин-дон…

«1989 год в корне изменил жизнь Йиндржиха Выдры. Он снова мог посвятить себя свободному творчеству. Благодаря совершенно оригинальному пониманию

искусства керамической мозаики он заслужил признание. Свет его фантастических мозаик вместе с неповторимым художественным почерком все больше привлекает к себе и художественные круги Чехии».

«Доверительная информация»

— Есть ли у Вас сегодня интересный заказ?

— Мозаика для евангелического костела в Австрии. Строит костел община: современные образованные люди. Врачи, учителя, инженеры. Они поселились на окраине Линца в удобных красивых особняках лет двадцать-тридцать тому назад… Они глубоко верующие, свято относятся к природе, обеспокоены экологическими проблемами… Кирпич они используют старый, от городских построек, которые идут на снос. Сами очищают его от цементного раствора… Проект современный. Нижняя часть церкви — кирпичная, не оштукатуренная, верхняя — из стекла. Внутри — амфитеатр. Евангелисты не связаны требованием украшать костел изображениями святых — они признают лишь Крест и Слово Библии. Моя задача — воплотить символы Воды и Света.

— Вы — верующий человек?

— Да. Но ни к какой церкви себя не причисляю. Верю в то, что мы — часть Космоса. Есть Что-то, что стоит над нами. Что созидает жизнь во всех ее проявлениях. Все культуры с самого начала Его признавали и почитали, независимо от условий жизни и развития. И все люди, каждый человек Его чувствует.

…Мозаика жизни и творчества художника была бы неполной, если бы в ней не был представлен его Дом…

Мы приехали в субботу, солнечным утром. У ворот нас встретил художник, его жена, пани Мария, и две рыжие собаки. Все тут неправдоподобно красиво. Царит идеальный порядок. Дом стоит на зеленом пригорке. Буквально каждый предмет здесь сделан руками хозяина. В нескольких метрах от дома — Нежарка, вся в желтых кувшинках. (Здесь, оказывается, заповедник водяных лилий.) Тут же, на берегу, в маленьком живописном домике работает электростанция. С деревянного мельничного колеса, сверкая на солнце, падают водяные капли…

Дом уютный, удобный. Все до мелочей продумано. Все радует глаз. Прихожая. Лестница, превращенная в маленький музей. Библиотека. Кухня. Спальня. Комната для гостей. Кабинет. Мастерская: печь для обжига, рабочие столы, стеллажи, инструменты, материалы, глиняные заготовки для будущей керамики…

«В каталоге, приуроченном к выставке художника в Пражской галерее Петра Брандла, доктор искусств, профессор Франтишек Дворжак писал: «Я убежден, и это доказывает искусство Йиндржиха Выдры, что наша эпоха столь же велика, как и любая другая эпоха в прошлом».

«Доверительная информация»

Театр юмора и мистификации

Очередь у этого пражского дома на Жижкове занимают, начиная с четырех часов утра. Здание, одно из тех, которые представляют архитектуру конца XIX — начала XX века, радующую глаз солидностью и разнообразием творческой фантазии, вроде бы на театр и не похоже. Однако же…

Ждать приходится порядочно — до десяти. Если вы не припозднились, получите номер. Касса откроется в два… И вот билеты у вас в руках! Продаются раз в месяц. Попытки «обилетиться» в другие дни или «стрельнуть» лишний перед началом спектакля, как уверяют искушенные театралы, кончаются ничем. Аншлаг! Аншлаг продолжительностью в тридцать пять лет. Ровно столько существует театр — Жижковский театр Яры Цимрмана.

Кто такой этот Яра Цимрман? Кем был? Режиссером? Драматургом? Актером? Да. Но не только. Он был всем. Он был гением.

Но его никогда не было.

Мы сидим в небольшом трактирчике, или «господе», в двух шагах от Староместской площади. «Млынице», название «господы», в переводе означает «мукомольня». Вполне вероятно, что в этой средневековой постройке когда-то и муку мололи. Но сегодня тут уют и экзотика. Стены и потолки украшены старыми, достойными музеев, предметами, составляющими то, что мы называем «материальной культурой эпохи».

Я не сразу обратил внимание на столик, за который мы сели: две ножные швейные машины «Зингер» вековой давности, приставленные друг к другу боками. Оказалось, что место встречи тоже выбрано не случайно… А передо мною — «отцы-основатели» театра, Зденек Сверак и Ладислав Смоляк.

Сверак: *Расскажу по порядку. Мы с Ладей познакомились в педагогическом институте в Праге, будучи студентами. Играли в самодеятельном театре, Ладя режиссировал. Играл и наш однокашник Милан Чепелка, он и сегодня работает с нами. Потом мы разъехались по разным местам Чехии, но нас тянуло обратно, в столицу. В конце концов профессии свои мы оставили. Ладя устроился в издательство «Млада фронта», а мы с Чепелкой — в армейскую редакцию чехословацкого радио. Позднее познакомились с Иржи Шебанеком. Нам хотелось отвлечься от основной работы на что-нибудь веселое, и мы стали делать передачу «Винарна У павоука» (Кабачок «У паука»). С самого начала это была*

мистификация. Мы рассказывали, будто в Праге есть такая «винарна», и будто мы ведем из нее прямую передачу. Кто-то принял все за чистую монету, другие поняли, что это розыгрыш. Они потом стали первыми зрителями нашего театра. Тогда же, в «Винарне У павоука», впервые прозвучало имя Яры Цимрмана…

> «Яра Цимрман родился в день, когда был открыт. Пока о нем никто не знал, он не существовал… Акт именования имеет, по-видимому, магическую силу. Эйнштейн не был бы Эйнштейном, если бы у него было другое имя».
>
> *(З. Сверак, Л. Смоляк. Из книги «Театр Яры Цимрмана»)*

Сверак: *Имя «Яра» нам нравилось. Когда Ярослав называет себя «Яра», он как бы причисляет себя к людям искусства, к духовной элите…*

Смоляк: *А Цимрман — переделанная на чешский манер немецкая фамилия Zimmermann (букв. «плотник»). Сочетание чешского «Яра» с «очешенной» немецкой фамилией казалось нам симпатичным… Великий человек и патриот, повзрослев, без сомнения захочет носить чешскую фамилию…*

В первых передачах — была середина шестидесятых — Цимрман появляется еще как современник, водитель парового катка, демонстрирующий в палатке свои наивные скульптуры. Однако начальный образ не удерживается. Авторы понимают: такого Цимрмана «раскрутить» трудно. Надо найти нечто, раскрепощающее фантазию, дающее ей простор.

Новая мистификация разыгрывается на Рождество 1966 года, когда радиослушателям сообщают о том, что «в населенном пункте Липтаков найден сундук с архивом, по всей видимости, умершего чеха, чьи творения не имеют себе равных в мире». Творческая фантазия получает свежий импульс: возникает «Общество по изучению наследия и личности Яры Цимрмана», под эгидой которого «цимрмановеды» развивают бурную деятельность.

Смоляк: *Эпоху, в которой жил Цимрман, мы выбрали довольно случайно. Я наткнулся на чешские журналы конца XIX века, мы их листали, и Австро-Венгрия тех лет показалась очень подходящей для нашего героя. Начиналась современная история, рождалось новое искусство. Мы как бы отправились к его истокам. И оказалось, что взгляды той эпохи резонируют с нашими, рождают отклик…*

Сверак: *Эта эпоха, в сущности, колыбель современной*

цивилизации. Наш герой, Цимрман, — наивный добряк. Все, что он делал, было искренним и во имя человечества… Люди встречали двадцатый век с надеждой, как век гуманизма. Поэтому наш Цимрман должен был в 1914 году исчезнуть. С началом первой мировой его время кончилось…

> «…Так что и в этом году исполняется сто лет со дня рождения Яры Цимрмана. Благодаря ведущему метрическую книгу IV венского прихода Францу Гушку, который большинство записей производил спьяну, нельзя, однако, и сегодня сказать с уверенностью, родился ли сынок у супругов Марлен и Леопольда Циммерманн морозной февральской ночью 1857, 1864, 1867 или 1887 года. Нетвердость руки писавшего позволяет предположить и 1888 год. Выходит, что и в будущем году исполнится сто лет со дня рождения Яры Цимрмана».
>
> *(Из лекции «проф.» Л. Смоляка и «д-ра» З. Сверака к двадцатилетию театра)*

Авторы «Винарны У павоука» пишут сценки с репортером, который задает вопросы «цимрмановедам» о жизни и деятельности «чешского гиганта». Речи, сообщения, лекции, рефераты, семинары, полемики, беседы, статьи пародируют науку, высмеивают профессиональные амбиции. Демонстрируются первые стихи и драматические опусы, якобы написанные Цимрманом. Его всесторонняя «деятельность» простирается на весь мир. Но пока это скорее эскизы к будущему театру.

Сверак: *Мысль основать театр пришла Шебанеку. Благодаря радио мы даже могли наше новое дело пропагандировать…*

Собрание учредителей, на которое пришли Шебанек, Смоляк, Сверак и Чепелка, состоялось 29 октября 1966 года. Вместе с другими энтузиастами — музыкантом Карлом Велебным, инженером Артушем Лефлером, скульптором Яном Тртилеком и режиссером Геленой Филипповой — подготовили первое выступление перед зрителями в пражской Малостранской беседе. Театр приняли в Союз государственных театральных студий, и 4 октября 1967 года начались регулярные выступления.

Свои главные особенности труппа с тех пор сохранила: в ней только мужчины, и никто из них не получил актерского образования. «Коллективный самоучка», по определению Смоляка и Сверака. Художник, дирижер, музейный работник, кинорежиссер, киносценарист, рабочий…

Сверак: *Продумать до деталей, как оно все будет выглядеть, было, конечно, трудно. Решили написать две одноактные пьесы. Я сочинил «Акт», который играем и сегодня. А Шебанек взялся написать вторую пьеску, но не успевал. Чтобы как-то выйти из трудного положения, в котором мы оказались, решили первое отделение отдать лекциям о нашем «авторе». Так возникла форма семинара, которая сохранилась по сей день. Это была вынужденная, но счастливая находка. Как начинающие, мы в первом отделении были лучше. Вы ничего не можете испортить, когда открываете папку с текстом и читаете лекцию…*

Смоляк: *На этих семинарах мы никогда никакие типажи не играли. Каждый говорил сам от себя. Говорил так, как будто ему поручили выступить на заданную тему. Работал, как умеет, с чистой совестью. Это было ново — читать юмористический текст, не входя в роль, читать, не напирая на юмор…*

Сверак: *Второе отделение еще долго причиняло нам головную боль. Мы были неумелыми, выглядели дилетантами. Тем важнее была первая половина спектакля. Зритель к нам привыкал, принимал нас, прощал огрехи: ведь мы только «ученые», просто переоделись и «делаем» комедию…*

Смоляк: *Когда любитель пытается подражать великим актерам, он выглядит смешным. Мы избегали театральности, старались играть естественнее, а в драматических ситуациях, когда герой негодовал, страдал, плакал, мы вместо того, чтобы входить в его состояние, только пародировали страсти. Так что выбор литературной основы определил и характер театральной школы.*

Сверак: *Мы играли только два раза в неделю, не как теперь. Но аншлаги были у нас с первых представлений…*

Не все шло гладко. Творческий коллектив не удержался в первоначальном составе. Карла Велебного надолго вывела из строя автомобильная авария. Иржи Шебанек дописал свою пьесу «Свинья на убой» (премьера в 1968-м), но год спустя ушел из театра по творческим и личным причинам.

Смоляк: *Увлечение Цимрманом у Шебанека вскоре после основания театра прошло. Он посчитал, что тема уже исчерпана…*

Сверак: *Несколько лет спустя он к нему вернулся. Понятно, он имел на это право, как и мы. Хотя нам, откровенно говоря, это мешало. Зритель думал, что идет в наш театр, а попадал совсем на другого Цимрмана.*

Речь идет о «Салоне Цимрмана», одно время существовавшем коллективе, организованном в 1980 году Шебанеком вместе с Велебным. Программы выступлений («Цимрман в Новом Свете»,

«Цимрман — джазмен» и др.) были менее театральны, лекции чередовались с джазовой музыкой, что было скорее в духе «Винарны У павоука». Театральное направление, избранное Смоляком и Свераком, оказалось плодотворнее. Драматургическим дуэтом они впервые выступили в 69-м с опереттой «Трактир «На лужайке». Предыдущую пьесу «Расследование пропажи классного журнала» (премьера состоялась осенью 67-го) Смоляк еще писал в одиночку.

Все пьесы, естественно, преподносились публике как цимрмановские. «Чешский гений» оказался и в драматическом искусстве весьма плодовитым. Все тридцать с лишним лет из его сундука, обнаруженного в Липтакове, извлекаются и обретают сценическую жизнь все новые и новые «шедевры»: «Убийство в купе-салоне» (1970), «Немой Бобеш» (1971), «Цимрман в мире музыки» (1973), «Высокий, Широкий и Близорукий» (1974), «Посыльный из Липтакова» (1977), «Ливень» (1982), «Покорение Северного полюса» (1985), «Бланик» (1990), «Ангажемент» (1994), «Слива» (1997).

Сверак: *На семинарах мы занимались личностью Цимрмана. В процессе работы его биография, характер, деятельность наполнялись новыми фактами, чертами, особенностями. Это неудачливый изобретатель, художник, музыкант, писатель, которого современники не поняли, а оценило только наше время…*

> «Обозревая сегодня гигантское наследие, которое этот титан духа играючи создавал, зададимся вопросом: чем объяснить его гениальность? Мы видим одну из основных причин его безграничной творческой фантазии в том, что Яра Цимрман избежал переходного возраста, который, как известно, уводит мыслительную энергию в нежелательное русло. Родители Цимрмана до пятнадцати лет скрывали от сына, что он мальчик, ради того, чтобы тот донашивал одежду своей старшей сестры Луизы. Когда же подружки в женской школе, ехидно посмеиваясь, открыли ему, что он — никакая не девочка, переходный возраст был уже позади, поскольку девочки, как мы знаем, созревают раньше».
>
> *(Из лекции «Наш Яра Цимрман»)*

Темы докладов и сообщений, предметы научных споров неистощимы: «Дождется ли Прага памятника Цимрману?», «Почему Цимрман не стал виртуозом?», «Отношение Цимрмана к животным», «Революция в немом кино», «Философия экстернизма», «Поэт и детектив», «Путь Цимрмана к чешской

сказке»… Ничего удивительного! Ведь следы «гения» обнаруживаются на всех материках: «Американскому правительству предлагает проект Панамского канала вместе с либретто супероперы «Панама». Реформирует школьную систему в Галиции. Изучает жизнь полярных самоедов и, спасаясь от голодающего племени чавков, пробегает всего в семи метрах от Северного полюса. В Парагвае создает кукольный театр. В Вене — криминалистическую, музыкальную и балетную школу. Изобретает йогурт. Как странствующий дантист посещает все уголки Чехии. Ведет обширную корреспонденцию с Бернардом Шоу, на которую строптивый ирландец, к сожалению, не отвечает…»

На семинарах в качестве «неоспоримых доказательств» демонстрируются трюки, публике предъявляют макеты, чертежи, скульптуры, рисунки, схемы, фотографии.

Смоляк: *В старых журналах я встречал удивительные фотографии. Мы не только проецировали их на полотно, но и украшали ими программки наших спектаклей. Эти документы эпохи выглядели поэтичными и наивными. Мы даже сначала не очень понимали, почему они нам нравятся, наверное, интуитивно чувствовали…*

Фотографий — сотни. Из журналов, из семейных альбомов. Портреты и групповые снимки. Серьезные и шуточные. Фабричные, школьные, служебные, спортивные, уличные. Профессиональные и любительские. Каждая из них обыгрывается, связана якобы с личностью «мастера»: «Быстрое развитие автомобилизма побудило Цимрмана изобрести безопасный панцирь для пешеходов, надевавшийся поверх жилета. На снимке: поклонник Цимрмана Флигер, добровольно позволивший переехать себя в Гамбурге. Повторный опыт перед комиссией не удался, поскольку опрометчивый шофер по ошибке переехал пешехода без панциря».

Содержание пьес во второй части спектакля передать непросто. Известный критик Владимир Юст охарактеризовал интерпретационный и режиссерский стиль театра, как «полную смысла игру бессмыслицами». Самостоятельного значения эти одноактные пьесы, по его мнению, не имеют, они наглядно иллюстрируют то, о чем говорилось на семинаре, сохраняя заданный им тон игривой дадаистической мистификации. Тривиальны сюжеты, тривиальны фигуры: опереточные графы, угольные магнаты, гениальные инспекторы, замаскированные негодяи, взбалмошные профессора, усатые женщины. Каламбуры, неожиданные сочетания фраз, нелогичный синтаксис, изысканная игра синонимами составляют черты юмора, который Владимир

Юст определяет как поэтически ассоциативный.

Смоляк: *Мы три с лишним десятка лет не удержались бы на сцене, если бы морочили зрителю голову тем, что выдумали какого-то героя и рассказывали всерьез о его жизни и делах. Я думаю, что в театре творится какая-то коллективная игра со своими правилами. Публика знает, что будет участницей розыгрыша, будет делать вид, что верит в существование Яры Цимрмана. А мы будем делать вид, что говорим о нем правду, играем его пьесу. Совместная игра, конечно, должна увлекать публику, как увлекает ее, скажем, футбол или хоккей. Поэтому, мы стремимся к тому, чтобы пьесы изобиловали неожиданными поворотами, захватывали необычным сюжетом. Зритель должен попадать в атмосферу, которая ему нравится… В обычном театре каждую пьесу, предположим Тыла или Шекспира, или Чехова ставят и играют по-своему. А у нас в общем-то постоянный стиль. Зрителю импонирует характер нашего юмора, манера представления. Он идет к нам, как, может быть, в свою любимую «господу». Идет как завсегдатай, да еще своих друзей приводит, которые у нас никогда не бывали…*

Сверак: *К нам ходят уже внуки наших первых зрителей. Студенты само собой, но и школьники наш театр любят!*

Секрет успеха, по мнению критики, кроется еще и в «чешскости» театра, которая связана не столько с традициями чешского юмора, сколько с чешским менталитетом, с чертами народного характера, пародируемыми театром. Среди них: трогательное усердие дилетанта во всяком деле, даже никчемном; отвага самоучки, не чуждого псевдонауке; подтрунивание над собственными слабостями и культивирование провинциальных гениев, равно как и стремление их создавать.

Смоляк: *Гашек и его Швейк конкретно никак не отразились на нашей работе, хотя, несомненно, и Гашек, и Чапек у нас в крови. Они формировали наш вкус, определяли кругозор. Наибольшее влияние, опять же непрямое, оказал скорее Ян Верих и его «Освобожденный театр». Еще Иржи Сухы с «Семафором»…*

Сверак: *По поводу «чешскости»… Она проявляется сама собой. Оба мы чехи, и характер у нас, видимо, чешский. История влияет на менталитет народа, и география влияет. Когда небольшая страна, как Чехия, находится в прессе между двумя такими державами, как Германия и Россия, у нее бывают периоды, когда главное — выжить. Травмы народа — Белогорская, Мюнхенская, августовская 68-го — все они в нас… Но и малый народ, как и любой другой, тоже хочет внести свою лепту в мировую цивилизацию.*

Знакомясь с театром Цимрмана, я был немало удивлен и тем,

что ни один спектакль не сошел со сцены. Ставятся новые, но все прежние остаются! «Трактир «На лужайке» и «Расследование пропажи классного журнала» прошли по 800–900 раз, не так уж отстают от них и другие. Более тридцати спектаклей театр дает ежемесячно в Праге и на гастролях по всей Чехии. Нет, кажется, городка, которого он не посетил. Были встречи с заграницей…

Смоляк: *В Берлине мы играли нашу оперу «Успех чешского инженера в Индии», мы ехали в чужую языковую среду, поэтому выбрали такую вещь, где главная роль отведена музыке… Но мы не стремимся завоевывать заграницу, такого честолюбия у нас нет. Нам достаточно нашей публики, она многочисленна и хорошо нас принимает. А если вспомнить о Вене, куда мы тоже ездили, так там у нас был чешский зритель, наши земляки, и успех у нас был такой же, как дома.*

Сверак: *Я бы еще дополнил. Наш театр очень близок литературному кабаре. Языковая игра, подтекст, окраска и значение слов — все это очень важно. Даже чех, долго живший вне родины, не поймет нас на сто процентов. Что же говорить об иностранцах?!*

В истории театра была, правда, и такая, весьма продолжительная пора, когда его не понимали даже чехи, жившие на своей родине. Это были те мрачные субъекты, именовавшиеся «товарищами», которые пристально следили за всеми, кто смеялся без приказа сверху.

Сверак: *В нашем театре не было политической сатиры. Мы к ней не стремились. Хотя мы начинали в канун «Пражской весны», вскоре мы дождались советских танков и «нормализации». Никакие прямые выпады против режима не допускались. Конечно, люди научились читать между строк. Кто-то, наверное, мог усмотреть в культе Цимрмана сатиру на коммунистических вождей, которые делали «гениальные открытия» в языкознании, в экономике, в сельском хозяйстве, в философии… Цензурный аппарат не мог понять, почему публика веселится. Может быть, эта старая Австро-Венгрия — только «плащик», а на самом деле мы издеваемся над режимом?… Наказывали нас тем, что гоняли с места на место. Одно время казалось, все кончено: арестовали наш реквизит. Мы перешли на импровизированные представления, выступали в студенческих общежитиях, лишь бы не пошла молва, что нас закрыли. В конце концов, нам удалось осесть в одном из театральных залов, но на каждый спектакль приходили комиссии, которые должны были решить, быть нам или не быть…*

Смоляк: *Если бы мы занимались политической сатирой, 89-й год наш театр не пережил бы… Но оказалось, что зритель нас любит, независимо от политической системы.*

Смоляк и Сверак продолжают активно работать. Пишут новый репертуар для своего театра, радио-, теле- и киносценарии, фельетоны, песенные тексты. Выходят книги. Все спектакли записаны на видео, можно купить или взять напрокат. Несколько лет назад на экранах кинотеатров с огромным успехом прошел фильм «Коля», о русском мальчике, волею судеб оказавшемся в Чехии. Фильм удостоился Оскара. Исполнитель главной взрослой роли и автор сценария — Зденек Сверак. Он же инсценировал «Чонкина». Смоляк основал новую студию, в которой ставит пьесы, свои и чужие. На телевизионном экране и Сверак, и Смоляк — частые гости в фильмах прежних лет.

Мы покидаем столики, составленные из старых швейных машинок, и Смоляк поясняет, почему они пригласили меня сюда: тут воссоздан осколочек того навсегда потерянного мира, в котором жил выдуманный ими герой, «чешский гигант» Яра Цимрман.

P. S. Новое свидетельство популярности Яры Цимрмана в Чехии — мемориальная доска, установленная осенью 2002 года на здании радио в Праге, где родилась передача «Винарна У павоука» и появился на свет ее, тогда еще безвестный, главный герой. Текст гласит: «В этом доме родился чешский гений, универсалист, уроженец Вены Ярада Цимрман». И далее: «29.10.1966 года здесь состоялось собрание учредителей Театра Яры Цимрмана».

Хобби по-чешски [2]

Казалось, дома в эти дни никому в Чешских Будеёвицах не сидится. Все устремляются к Выставке. На улице, идущей от Марианской площади, мимо бывших казарм, в которых по преданиям служили Ярослав Гашек и «бравый солдат Швейк», к мосту через Влтаву, толпа сгущается. К ней добавляются приезжие. Громаднющая площадь на низком берегу реки не может вместить бесконечно прибывающие одно- и двухэтажные автобусы. Соседствующие с Выставкой улицы, переулки, площадки превратились в автостоянки. Народ едет со всей Южной Чехии. Целыми семьями. С детьми. Все это напоминает народный праздник. А впрочем, сегодняшняя выставка и есть праздник. Чехи обожают что-нибудь праздновать. И в течение года всяческих праздников у них бывает много.

Еще до открытия Выставки площадь перед главным входом заполняется публикой. Работают все кассы. Перед остальными входами — та же картина.

Выставка «Хобби-98».

Здесь уместно сказать, что выставки вообще пользуются у населения популярностью. С некоторыми перерывами они проводятся в течение всего года (лишь зимой наступает относительное затишье). Обычно такая провинциальная выставка длится четыре — пять дней, заканчиваясь в воскресенье… Систематически проводятся и профессиональные, специальные — компьютерные, электротехнические, строительные и другие. Их, в основном, посещают профессионалы. Но есть такие, что интересны всем. Пальму первенства среди них держит ежегодная выставка «Земля-кормилица», которая проводится в последних числах августа — начале сентября. Ее посещают буквально все, включая школьников и их учителей. Занятия в этот день отменяются. В городских гостиницах — ни одного свободного места. Владелец одной из них (далеко не самой дешевой) говорил нам, что все номера на выставочный период забронированы на пять лет вперед!..

Выставка «Хобби-98» одновременно и ярмарка. И остальные — тоже… Все, что видишь, можешь купить. По контрасту на память приходят выставки, десятки лет проводившиеся в СССР, куда народ шел, как в музей: смотрели и облизывались.

Итак: «хобби». Как чехи понимают это слово? Неужто каждый из толпящихся перед входом на выставку одержим страстью что-то собирать, коллекционировать, систематизировать, складывать, хранить? Т. е. заниматься чем-то, практического смысла сплошь и

рядом не имеющим.

Выставка, которую мы посетили, такое понимание хобби начисто отвергает. Поэтому и народу на ней полно — каждый найдет для себя что-то интересное и лично ему по каким-то соображениям совершенно необходимое. Большинство товаров продается дешевле, чем в магазинах. Ведь фирмы-изготовители сами рекламируют и продают их, минуя посредников..

Здесь много новинок, но нет дефицита…

Одежда, обувь, текстиль, чемоданы, сумки, рюкзаки — на любой, даже самый придирчивый вкус, спортивные товары… Косметика. Украшения. Безделушки. Посуда. Чешские: стекло, фарфор, керамика… Ассортимент тем более широк, что на рынок поступает не только продукция крупных производителей, но и небольших ремесленных мастерских, которые тут же, прямо на наших глазах, демонстрируют свое искусство. Много декоративной керамики: смешные фигурки, оригинальные поделки, часто с шуточными надписями, ну например: «Никто вам не даст столько, сколько мы вам наобещаем».

…Тарелки, блюдца, чашки со стихотворными поздравлениями ко дню рождения любого члена семьи. Словом, тысяча и одна всячина.

Богато представлена кухонная посуда. Последние достижения фирм в этой области впечатляют, но — увы! — и цены впечатляют не меньше. Поэтому на выставке, как и везде, не покладая рук, не закрывая рта, трудится реклама… Случайных людей здесь нет и быть не может: это вышколенные молодые специалисты. Язык подвешен — хоть на эстраде выступай! Ловкость рук необыкновенная! Фокусники! Чародеи! Рассказывают, показывая… Показывают, рассказывая… Яркие униформы… Это зрелище!

…Тут варится, жарится, печется, шинкуется, взбивается, сервируется. Толпящаяся вокруг чародеев публика с интересом наблюдает за происходящим. Ей предлагают отведать поджаренный на ее глазах кусок мяса, взбитые сливки и яйца, мороженое, коктейли… Если все это перепробовать, и впрямь можно оправдать стоимость не так уж дешевого входного билета.

Кухня для чеха — святая святых. В кухне должна быть не только самая замечательная посуда. И выставка информирует. Выставка показывает. Выставка предлагает: плиты электрические, газовые, комбинированные, кухонные линии, мойки, кухонную мебель. Мебели разной, включая садовую — столики, скамейки, шезлонги, зонты от солнца, тоже очень-очень много.

Самые обширные площади на выставке занимают строительные фирмы. Они предлагают вам построить дом «под

ключ». Выбирайте по вашему хотению: разноцветный и разномастный кирпич, красивые черепичные крыши, окна, двери, полы, утепляющие и отделочные материалы. Нет мелочи, которая не была бы ими предусмотрена. Дом должен быть современным. Дом должен быть — обязательно! — удобным и красивым.

Хотя строительство в последние годы и подорожало, частных особняков строится много. Стоит пройтись по городу и по ближайшим окрестностям, чтоб в этом убедиться. Проекты разнообразны — создаются профессиональными архитекторами, прекрасно умеющими организовать пространство в доме, сочетать различные формы и объемы, создать живописную линию крыш, разместить лоджии, балконы, эркеры, мансарды, варьировать отделочными материалами, найти красочную гамму для дома, включая стены и крышу. Работы выполняются с удивительной аккуратностью, которую еще более подчеркивает благоустройство прилегающего к дому участка. Часто дом еще не до конца достроен, а дорожки уже красиво и грамотно вымощены плиткой. Цветут недавно посаженные цветы, зеленеет аккуратно подстриженная травка. Ни одного невыровненного бугорка, словно почву предварительно разгладили.

Дома здесь не строятся кое-как, из чего попало. Чешский дом никогда не несет на себе клейма безвкусицы, уродливой самодеятельности. Дом для чеха — это серьезно. Это — гнездо, в котором из поколения в поколение живет семья. Чехи связаны со своими домами, как улитки. Только что на спине не носят… Чешский патриотизм начинается от домашнего очага.

…И землю они любят. В первую очередь ту, на которой стоит собственный особняк или крохотный садовый домик… Крохотный, но обязательно очень чистенький, очень уютный… Чех готов возиться на своей земле с утра до вечера, а в выходные дни и подавно. Поэтому на выставке пользуются спросом садовый инвентарь, машинки для стрижки газонов, поливочная техника, а у кого земли побольше (теперь ее купить можно), тот может обзавестись более дорогой и производительной садово-огородной техникой, а то и минитрактором со сменными приспособлениями. Впрочем, и на небольшом участке возле городского дома владельцы умудряются использовать каждый квадратный сантиметр. Неухоженный, необработанный, заросший бурьяном клочок почвы за забором — исключение. Скорее всего тут живет очень больной или очень старый человек.

Не редкость на приусадебных участках — бассейны. На выставке они рекламируются, от маленьких до весьма обширных, с очистительными фильтрами и электрообогревом. В них можно создавать сильное течение воды, используемое для гидротерапии

и для спортивной тренировки в плавании.

Живой интерес публики вызывают котлы для отопления дома, камины, садовые грили, осветительные приборы, деревообрабатывающие и металлообрабатывающие станки и инструмент для домашней мастерской. Вам все продемонстрируют, объяснят. Ответят на все ваши вопросы. Здешние «умелые руки» готовы до бесконечности совершенствовать, благоустраивать и украшать свой дом, копаться в своей машине. А собственных машин в Чехии — три миллиона. Немало при десяти миллионах населения!

Российские туристы, впервые оказавшиеся за границей, обратили, наверное, внимание на обилие цветов, которые яркими водопадами выплескиваются из городских и сельских окон, свешиваются с балконов и лоджий, полыхают на городских скверах, выглядывают из-за всех оград, ползут по стенам домов, заполняют даже крохотные садики. Чешская бытовая культура — часть общеевропейской, и любовь к цветам здесь всеобщая. На выставке можно не только купить цветы в горшках — на любой вкус, со всех концов света, но и семена, удобрения, средства для борьбы с вредителями. Тут же можно получить квалифицированный совет специалиста.

Не забыты любители домашних животных… Вы можете осчастливить своего пуделя или таксу мягкой комнатной конурой, рыбок — новым аквариумом с экзотичными морскими утесами, попугайчиков — клетками со всеми удобствами. Предлагает вам свою помощь и консультирует фирма, специализирующаяся на разведении южноамериканских шиншилл…

Что же это такое — «хобби по-чешски»?

— Хобби?

Мы беседуем с паном Йозефом Кратохвилом. Первая наша встреча с ним произошла два года назад. Мы искали частную гостиничку (здесь она называется «пенсион») для одной семьи из России. А пан Кратохвил гостей тоже принимает. Улица, на которой стоит его особняк, прилегает к живописному городскому парку в английском стиле. И почти все владельцы домов, как и пан Йозеф, оказывают гостиничные услуги, тем более, что туристы, особенно в летние месяцы, едут в Южную Чехию со всей Европы… Зимой мы несколько раз покупали у пана Йозефа яблоки из его сада. Очень сладкие и сочные. Несколько раз были с ним в театре: пан Йозеф — член «Клуба друзей театра» и приглашал нас с собой. Но такие вылазки он себе не позволяет в теплое время года. Некогда. Он, как и многие чехи, большой

труженик. Всегда в работе.

— Хобби? По-чешски это «коничек», — говорит пан Йозеф.

Относительно того, что выставка, на наш взгляд, слишком расширительно толкует слово «хобби» (мы привыкли подразумевать под этим «развлечение», «увлечение», а то и «чудачество»), хозяин дома замечает, что есть и в Чехии такие люди, которые в свободное от работы время увлекаются коллекционированием марок, монет, винных бутылок с красочными этикетками, игральных карт из разных стран мира. Популярно сегодня коллекционирование отечественных и зарубежных открыток, предметов старины. А вот собирать керамику сегодня не модно, хотя в одной чешской семье мы видели на стене полочку с многочисленными ячейками, где стояли миниатюрные кувшинчики, чашечки, вазочки, блюдечки и тому подобные предметы, которые глава семьи с удовольствием демонстрировал.

У пана Йозефа таких пристрастий нет. Но он считает себя исключением из правил. Уже несколько раз в жизни его «конички» переходили в профессии и менялись местами.

Отец его был директором музыкальной школы. Мальчишка рос в атмосфере музыки, пел в хоре, ездил с ним на концертные выступления. В юности увлекся охотой. Ходил на зайца, на болотную дичь, в конце 60-х — начале 70-х промысловый зверь еще водился в Южной Чехии.

В шестилетнюю музыкальную школу по классу скрипки и фортепиано Иозеф поступил двадцати трех лет и закончил за три года. Восемь лет преподавал по классу трубы и флейты, играл на филармонических концертах в квартете охотничьих рогов. Целый год работал даже в оркестре оперного театра в Чешских Будеёвицах, заменяя молодого музыканта, призванного в армию. Но это было уже позже, когда музыку как профессию вытеснило садоводство, животноводство, земледелие, которые увлекали его с юности. Несколько лет пан Йозеф, тогда еще «товарищ» Йозеф, махал вилами в качестве сельхозрабочего на государственном предприятии. Но это никак не отвечало его творческим наклонностям. Заниматься предпринимательской деятельностью на земле не дозволялось: страной правили коммунисты. И пан Йозеф решил строить собственный дом. В Чехии даже в те времена это было можно.

Социалистическая деревня погибала без хозяина. В некоторой мере ее удалось спасти благодаря тому, что горожане могли покупать сельские дома. И покупали. Драконовских ограничений не было. Правда, у бездетной семьи трудности возникали, но если был хоть один ребенок, то рогаток не ставилось. Многие чехи в те

времена уходили в свои дома, как в малую эмиграцию. Не желая сотрудничать с режимом, они все свои средства и все свободное время вкладывали в дом. Достраивали, перестраивали, благоустраивали. Теперь эти особняки стоят миллионы крон. Даже пражане покупали тогда много сельских хат, нередко за 150–200 километров от столицы, проводя в них выходные дни и отпуска, а пенсионеры жили за городом все теплое время года.

Пан Йозеф свой дом решил строить сам. Но возник конфликт с женой. Она не поддерживала «частнособственнические инстинкты» мужа. Ей нравился панельный дом, в котором она жила, нравилась веселая компания друзей, нравилось тратить получаемые на службе деньги, не обременяя себя лишними хлопотами. Строительство дома развело супругов. Зато со второй женой, Верой, у пана Йозефа полное взаимопонимание. Он у нее тоже второй муж. Оба привели в новую семью своих детей: в итоге — их пятеро… Пани Вера выросла на земле, и нет такой работы, которую она не знала бы. Ходила за скотом, выращивала птицу, ангорских кроликов (шерсть продавала). Вела дом, сад и огород. Ей это нравилось всегда. Нравится и сегодня.

Семья Веры и Йозефа дружная. Все делается сообща. Когда приходишь к ним в дом, часто испытываешь неловкость. Пан Йозеф всегда появляется откуда-то со двора, улыбаясь, в рабочей одежке, которую не жалко случайно испачкать или порвать. Наверняка занимался какой-то работой… И сидя у них в гостях за непременной чашечкой кофе, нервничаешь: не задержаться бы слишком. Хозяев ожидают полтораста кур и цыплят и другая птица. Среди нее полноправным хозяином чувствует себя очень симпатичный баран. Он всегда внимательно рассматривает вас, склонив голову набок. Ждут хозяев кролики, ждет работа в огороде и в саду. В передней части двора — саженцы на продажу. Старенький грузовичок был куплен по дешевке у ликвидированной воинской части. Его время от времени приходится чинить. Но Йозеф и с эти прекрасно справляется. В центр города по делам пан Йозеф ездит, как правило, на велосипеде. И дешевле, и для здоровья полезнее. Еще в доме могут быть гости. Надо их принять, прибрать в комнатах, приготовить и подать завтрак…

И еще… Пан Йозеф продолжает играть в квартете духовых инструментов, который приглашают на торжественные праздники или похороны. За плату, конечно. Несколько раз в неделю такое случается.

Вот и разберись, где у семьи Кратохвилов граница между работой и хобби?

…С нашим следующим собеседником, паном Зденеком Лангром, мы познакомились случайно у соседки по дому. Перед нами сидел очень интеллигентного вида человек пенсионного возраста, со вкусом одетый, в очках. Он со знанием дела включился в разговор о прекрасном чешском актере и писателе-юмористе Мирославе Горничке, едва о нем зашла речь. Можно было принять его за учителя, юриста, художника, а он оказался бывшим высококвалифицированным токарем по металлу, десятки лет проработавшим на заводе. На вопрос о хобби пан Лангер ответил: «Природа». Оно у него единственное, унаследованное от отца. Страсть пана Зденека больше отвечала нашим представлениям о хобби: ей отводилось только свободное от работы время.

Пан Лангр пригласил нас к себе домой, обещая показать «скалку», которой он весьма гордится.

«Скалки» (уменьшительное от «скалы») попадаются здесь довольно часто. Самые живописные можно увидеть на фотографиях в иллюстрированных календарях и в книгах по садоводству. В сущности, это садики на камнях, с разными экзотическими растениями.

У пана Зденека собственный домик. К сожалению, он живет в нем один: несколько лет назад овдовел, но порядок идеальный. Как это ему удается? Очень просто. Чтобы был порядок, не надо устраивать беспорядка. Так он говорит. И так поступает.

Страсть к природе проявилась у хозяина дома в двух увлечениях: фотографией и цветоводством. Он показывает нам свои альбомы. Фотографии черно-белые, некоторые очень давние. Сам проявлял пленки, сам печатал. Тогда это было доступно ему по цене. Сменил четыре фотоаппарата, была у него и гедеэровская «Практика», и советская фотопушка «Зенит».

…Вот времена года, начиная с весны… Тонко подмеченные детали природы, хороший вкус… А этих птенцов с раскрытыми клювами фотографировал в гнезде, привязав себя веревкой к дереву.

О растениях пан Зденек может рассказывать бесконечно. Глубокие и умные увлечения тем и замечательны, что заставляют всю жизнь учиться. На книжных полках — тома, посвященные природе всех континентов, справочники, руководства. Болезни растений и их вредителей изучал под микроскопом: знакомая учительница привезла его из Куйбышева. Обошелся, кстати, очень дешево…

«Скалку» свою пан Зденек заложил в 1960 году. Камни сам выбирал. Сам возил домой на тележке. Площадь скалки — около 100 кв. метров. Раньше на этом месте росли тюльпаны 35 сортов

и четыре сотни гладиолусов двенадцати разных цветов. Но их цветение длится недолго. Пану Зденеку хотелось, чтобы в саду всегда что-нибудь да цвело. В этом отношении «скалка» как раз то, что надо… Лет десять ушло на ее обустройство. Со сколькими людьми перезнакомился, пока добывал все эти заморские диковины! Были среди его знакомых-энтузиастов и совсем простые люди, и университетские ученые. Обменивались семенами, растениями, знаниями. Некоторые, видя его страсть, делали ему щедрые подарки. Владелец дома, в котором пан Зденек ремонтировал центральное отопление, привез ему пять ящиков кактусов!..

Пока мы ходили по саду, хозяин называл каждое растение по-латыни и по-чешски. Оказалось, что у некоторых цветов нет чешских названий… Далее следовала страна происхождения: Мексика, Куба, Япония, Манчжурия, Перу, Чили, Греция, Иран, Индонезия, Канада… Потом он рассказывал, в каких условиях каждое из них растет у себя на родине, когда и как цветет, любит тень или солнце, и вообще, какой у него характер. Указывал на лекарственные и иные свойства.

— А это dictamnus. Содержит так много эфирных масел, что если в солнечную безветренную погоду поднести к нему горящую спичку, то воздух над цветком воспламенится.

Большое удовлетворение доставляют пану Зденеку собственноручно изготовленные им солнечные часы на стене дома. Стрелку он устанавливал сам по Полярной звезде и в полном согласии со здешним меридианом. Если часы и врут, то минут на пять, не больше. Правда, они понятия не имеют о летнем и зимнем времени, но это не их вина. Градуировку пан Зденек тоже наносил сам в технике сграфитто, которую изучил. Ею широко пользовались в средние века для нанесения рисунков и разных украшений на оштукатуренные стены домов. В этой же технике выполнена и символическая надпись на циферблате: «Sole non lucente tempus fugit» («Солнце не светит, время идет»). Латынь пан Зденек выбрал не случайно: занимаясь десятки лет растениями, он не мог с нею не познакомиться.

…Солнце светило… И время шло… Но посетители выставки «Хобби-98» не спешили домой. Многие пришли семьями. На целый день. Чтобы заодно отдохнуть. Работали аттракционы для детей. Ребятишки скакали на надувном резиновом манеже, катались на пони, играли на детских площадках… Такие выставки не обходятся без обширной культурной программы: артисты, фольклорные и музыкальные ансамбли, духовые оркестры…

…Эти заметки нельзя закончить, не сказав об общенациональном чешском хобби — о Кулинарии!

И посетители выставки, конечно же, не только разглядывали и покупали товары. Они с истинно чешским аппетитом поглощали различными способами приготовленное мясо, рыбу, сосиски, колбасу, блинчики, соусы, булочки, пирожные, мороженое, взбитые сливки… Они выпили энное (подозреваем, что весьма-таки немалое) количество чешского пива (светлого и темного, алкогольного и безалкогольного, бутылочного и разливного), кока-колы, фанты, соков, минеральной воды, кофе, чая… Это само собой разумеется: когда мы появляемся в доме пана Йозефа и пани Веры, нас тоже угощают кофе и свежеиспеченным пирогом. А пан Зденек всякий раз поит нас вкуснейшими напитками, настоянными на ароматных горных травах. Рецепт их он вычитал в какой-то старинной книге.

Для каждого чеха как процесс приготовления пищи, так и процесс поглощения ее — в равной степени — Творчество. На этом поле много возможностей для исследований, для замечательных открытий и для человеческого общения. Между прочим, по второй программе чешского радио систематически — дважды в неделю — идет передача, посвященная, главным образом, чешской кухне, называется она «В гостях у Итки».

Итка — распространенное чешское имя. В данном случае — имя известной чешской радиожурналистки. Она иронична и умна. Умеет разговаривать со своими слушателями. Умеет выслушать каждого и посочувствовать ему. Радиогостем Итки может стать любой слушатель: надо лишь дозвониться в студию по телефону. Но все разговоры в студии, каждая передача (какой бы темы она ни касалась) заканчивается парочкой очередных совершенно оригинальных кулинарных рецептов. Это может быть какой-нибудь пирог («с орехами и картошкой») или жареные цыплята («которыми армейский повар накормил Наполеона перед Аустерлицким сражением»)… Эти рецепты долго (обычно не менее получаса) и страстно обсуждаются радиослушателями, звонящими из разных концов Чехии. И слушая эти дебаты, уже не сомневаешься в том, что к следующей передаче собеседники постараются отыскать и сообщить Итке, а значит, и всем радиослушателям «свой» кулинарный рецепт, еще более невероятный. Ради этого гости Итки готовы перерыть библиотеки всех старинных чешских замков!

…Так что же все-таки такое «хобби по-чешски»?

— Это возможность узнать нечто новое, до сих пор неизвестное, — ответил нам один серьезный чех.

— Это свободное творчество, — сказал нам второй чех,

художник.

— Это отдых для человека, который любит трудиться…

— Это игра. В любом взрослом всегда живет ребенок…

Дорога в Телч, или Вперед, к рынку! [3]

Сумма не укладывалась в голове… Девяносто восемь крон (три доллара)?

Мы читали цветную открытку, брошенную в наш почтовый ящик, и глазам своим не верили. На открытке — Телч. Центральная площадь со средневековыми домиками шириной в три окна и сквозными арочными галереями вдоль первого этажа. Домики выстроились в ряд, как плитки красок в картонной коробке.

Нас приглашали посетить этот городок.

На обратной стороне открытки — программа поездки. Во-первых, «акция», то бишь мероприятие по продаже чего-то (чего, не сказано), во-вторых, обед, в-третьих, прогулка по Телчу — и за все про все девяносто восемь крон!.. Прикидываем расстояние: километров сто, да сто обратно. Этой суммы едва хватает только на бензин да на обед. А может быть, и не хватит…

Грех отказаться от такого предложения. Ничего не теряем. Для поездки надо лишь заполнить обратную сторону открытки: зарезервировать количество мест, указать фамилию, телефон, адрес. Билеты покупаются в автобусе, у водителя.

В назначенный день проснулись в пять утра. В 6.30 были уже на автобусной стоянке перед отелем «Гомель» (одна из строек социализма в Чешских Будеёвицах), где к этому времени собрались все желающие участвовать в поездке.

Три экскурсионных автобуса запоздали на семь минут. Все остальное проходило без единой закавыки.

И вот… Двери автобуса закрылись, и водитель, улыбчивый бородач, сказал:

— Всем вам добрый день, пани и панове. Основная часть акции, участвовать в которой вы приглашены, проводится в селе Выскитне. Мы приедем туда в 8.30. Когда рабочая часть акции закончится, примерно в 13.00, вы обедаете. И дальше — едем в Телч. Знакомство с этим городом — культурная часть программы. Итак, приятного вам «вылета» и самого хорошего настроения!

Слово «вылет» с чешского на русский — прогулка, поездка, экскурсия. С вашего позволения, мы осмысленно сохраним это слово в чешском его звучании: уж больно эта езда была похожа на полет… Вверх — вниз… Вверх — вниз… И снова — вверх!.. Шоссе

круто мчится, взбираясь в гору… Аж закладывает уши! И резкими поворотами спускается вниз: ощущение такое же, как на самолете, летящем в воздушную яму…

За окном мелькают придорожные ясени, березы, дубы… Ряды фруктовых деревьев… Цветущие белые акации: их запах, густой и терпкий, проникает сквозь закрытые окна автобуса… Лесистые шапки дальних гор… Крохотные церквушки-часовенки и статуи святых, по чешским преданиям, охраняющих от беды и путников, и притулившиеся к дорогам деревеньки… Рудольфов, когда-то, в средние века, шахтерский город, добывавший серебро… Лишов. Между ними, близ дороги, в лесу — примечательное место: центр Европы, точка пересечения центральноевропейского меридиана с центральноевропейской параллелью… Страж над Нежаркой. Бывший замок знаменитой чешской оперной певицы Эмы Дестиновой. По самому краешку проехали Тржебонь, один из красивейших городов южной Чехии…

Деревеньки, летящие за окнами нашего автобуса, — одна живописнее другой. Но самое привлекательное в них — даже не эта живописность, а непривычная для русского глаза уютность, ухоженность и приспособленность к нормальной человеческой жизни. Хотя Чехия, конечно же, бедней многих европейских стран, в которых капиталистический образ жизни давным-давно уже приобрел человеческое лицо, для нас, привыкших к виду наших, российских поселков и деревень, чешские, как они тут называются, «весницы» — это нечто почти что невозможное по уровню удобств и по уровню культуры. В этом смысле жизнь чеха-хуторянина, крестьянина мало чем отличается от жизни горожанина. Тем более, если вспомнить всегдашнюю привязанность чехов, в том числе городских, к своим деревенским корням, к земле. Даже социализм не смог заставить их предать эту любовь. Наши друзья-чехи не раз рассказывали, как убегали они от коммунистического насилия и нелепостей в село. Не разгибая спины, обустраивали там старый родительский дом и землю, доставшуюся им от дедов-прадедов…

Как-то пан Вейсада, директор строительной школы, с гордостью в голосе сказал нам: «Мы, чехи, почти все миллионеры. Социализм, хвала Богу, кончился. А недвижимость постоянно растет в цене. Сегодня наши сельские дома и земля оцениваются в миллионы крон. Так что наш горьковатый тогдашний труд не пропал даром…»

А вот и вовсе диковинное зрелище: вдоль шоссе — на протяжении примерно полутора километров — тянется высокая стеклянная стена, отгораживающая от шума и выхлопных газов небольшой поселок, притулившийся к дороге. Мы уже

неоднократно видели бетонные стены, отделяющие придорожные деревни и поселки от большого шоссе. Но стеклянную — видим впервые.

…И снова… Вверх — вниз… Вверх — вниз… За Йиндржихувым Градцем начинается живописнейшая Моравская Высочина. Автобус взлетает на очередной пригорок. И на крутых поворотах спускается вниз… Мчимся мимо бесконечных озер, речек, протоков, издревле связывавших озера друг с дружкой. Мостики, мосты, мосточки… Громадные черешневые деревья, усыпанные зреющими ягодами, протягивают свои ветки к автобусным окнам. Лесистые шапки далеких гор — на горизонте — кружатся, будто в танце. Их склоны, в зеленых — различных оттенков — огромных заплатах. Это в основном посевы пшеницы, жита, кукурузы. На картофельных полях — группы людей, собирающих с молодой ботвы колорадских жуков и их личинки (И здесь с этим окаянством та же беда, что и в России). Выше в горах, там где холоднее, еще не отцвел рапс: золотые поля его уходят почти что в небо.

Чехия — трехмерная страна. Если бы ее можно было хорошенько разгладить подходящим для такого дела утюгом, превратив бесчисленные холмы и горы в равнины, Чехия заняла бы на карте значительно большую площадь, чем она занимает на самом деле.

Это очень красивая страна. Не только по милости Господа Бога. Многие ее красоты сотворены руками живущих здесь людей. Чехи умеют и любят трудиться. Впрочем, отдыхать и веселиться они тоже умеют. Примером тому — этот «вылет».

…Два часа езды в комфортабельном и — это стоит отметить — очень уютном автобусе по живописнейшим дорогам Южной Чехии. Наконец из-за очередной горы вынырнула малиновая крыша очередного храма. Затем — вся панорама «весницы» развернулась перед нами: Выскитна. Здесь в большом ресторане-«гостинце» и состоялась основная часть «акции».

Встретил нас упитанный молодой человек лет двадцати пяти, поверх белой сорочки — темный жилет. Озабоченно отметил:

— Мало вас… А-а-а… Вон еще один автобус. Приветствую вас.

И уже явно торопясь, спеша приняться за дело:

— Ну как? Водители вели себя нормально? Устали? Нет? Как настроение? Хорошее? Отлично. Проходите в зал… Кто хочет кофе или чаю, какие-нибудь напитки, чем-нибудь слегка подзакусить — все приготовлено. И по низким ценам. Обед будет поздней. Бесплатный. Прошу вас всех ближе к подиуму.

Мы (около ста пятидесяти человек) вошли в огромный зал деревенского ресторана и сели за длинные — во всю длину зала — столы. В традиционных чешских пивных-«господах» часто встречаешь такие столы: чтобы каждый с каждым сидел плечом к плечу, чтобы никто не чувствовал себя одиноким, чтобы каждого можно было увидеть и услышать. Так было и в этот раз. Кто-то взял кофе, кто-то чай, кто-то минералку. Человек десять — по кружке пива. За три часа — пока длилась главная часть мероприятия — никто больше одной кружки пива не выпил. И ни один человек не пил крепких напитков. Поверьте. Мы тут во все глаза глядели.

Итак, рекламная акция одной из немецко-чешских фирм началась.

Подиум заполнял длинный стол, красная скатерть закрывала его до самого пола. На столе красовался большой набор сверкающей посуды, среди которой возвышалась упаковочная коробка с названием и маркой фирмы-изготовительницы. Благородное семейство серебристо-золотых кастрюль, крышек, сковородок и всяческих приспособлений оскорбляла своим видом единственная, сиротливо прикорнувшая сбоку, эмалированная кастрюлька, хорошо знакомая нам по нашим кухням.

Энергично поднявшись из-за столика, распорядитель акции (тот самый молодой человек, который встретил нас у дверей автобуса) вышел к «зрителям». Тут можно с полным основанием употребить это слово, т. к. все последующее действие более всего напоминало театр одного актера. И, вне всякого сомнения, этот актер был очень талантлив.

Это надо было слышать! Это надо было видеть!

Впившись в краешек белоснежного воротничка сорочки, черная змейка микрофона спускалась по жилету и исчезала в заднем оттопыренном кармане брюк… Два ящика громкоговорителей гремели почти на полную мощность.

Пан Зденек (так он представился нам) повел себя как приветливый и заботливый хозяин дома, с радостью принимающий нас, своих гостей.

— Отдохнули? Расслабились? Прекрасно. Вы готовы? А может быть, кого-то сюда притащила жена? Может, он хочет пойти в ресторан? Выпить пива или вина? Или рому? Пожалуйста, я не против. Я никого не принуждаю. Кто хочет в ресторан? Поднимите, пожалуйста, руки. Никто? Отлично. Тогда, друзья мои, начинаем.

…Он привел самые убедительные и неоспоримые аргументы

в пользу сегодняшней «акции». Во-первых, во-вторых… в-пятых… в-десятых. Среди прочего были даже Рождественские праздники, хотя до них оставалось еще полгода с лишком. «Но надо, надо думать заранее о себе, о детях, о родственниках. Рождество — это серьезно. Подарки близким должны быть куплены заранее. Тем более, что время летит так быстро!»

При этом пан Зденек улыбался, жестикулировал, хмыкал, похохатывал, ходил взад-вперед, запрокидывал голову, закатывал глаза. Казалось, до сияющих над его головой кастрюль ему нет дела.

— Как ваше здоровье? Что болит? Сердце? Желудок? Суставы? Кровообращение нарушено? М-да… Времечко бежит. Наш организм стареет. Страшно подумать! Холестерин… Бляшки… Буквально на каждой стенке каждого сосуда! И с возрастом их больше, больше, больше… А почему? Потому что мы себя не бережем. Да, дорогие друзья мои! Потому что мы себя не бережем!.. Надо сказать прямо: как человек ест, так он и выглядит.

И пан Зденек прочел нам несколько коротких лекции: 1) о вреде соли и жиров, 2) о пользе витаминов, 3) о страшных канцерогенах, попадающих в наш организм. Слова выскакивали из него с умопомрачительной скоростью, но дикция при этом нисколько не страдала. Даже мы, весьма недавно овладевшие чешским языком, прекрасно понимали его. И соглашались с ним. Ибо все приводимые аргументы были бесспорны.

Наконец пан Зденек подобрался к кардинальному вопросу: из чего мы едим? Тут он взял в руки эмалированную кастрюльку. Поднял ее над головой, небрежно крутанул и — то ли уронил, то ли бросил на пол. Далее, не поднимая кастрюльку с пола, пан Зденек высказал все, что он о ней и вообще об эмалированной посуде думает. А думал он о ней плохо. Он, можно сказать, почти ненавидел ее. По словам пана Зденека, эмалированная посуда в буквальном смысле портит картину современной цивилизации: она убого глядится в интерьере современной кухни, ее нельзя ронять, поскольку отскакивает эмаль, приготовление пищи в ней занимает очень много времени и, кроме того, еда, приготовленная в ней, подгорает, быстро теряет тепло.

— Значит, чтобы подать пищу на стол, ее надо бесконечное число раз разогревать! А это — лишний труд. Это лишний расход энергии, цена на которую, как вы знаете, растет… Теперь, друзья мои, посмотрите, пожалуйста, вот на эту посуду…

Пан Зденек оглянулся, обращая наше внимание на сияющий набор кастрюль, сковородок и т. д., выставленных за его спиной. Что и говорить, эта посуда во всех отношениях была королевской.

Включая цену. Поэтому все, сидящие в зале, понимали, что перед паном Зденеком стоит труднейшая задача: каким-то чудом продать нам энное количество своих замечательных товаров. Похоже, что ни у кого из присутствующих не было ни малейшего настроения подыгрывать ему в этом. Но наблюдать за ним — одно удовольствие. Наблюдать и поневоле думать, что быть настоящим Купцом, Продавцом во все времена и во всех странах — истинное искусство.

…А тем временем пан Зденек обратился к состоянию экономики. Напомнил о том, что дорожает вода, электроэнергия, газ. Отметил, что у сидящей здесь публики сегодня появился блестящий шанс на великую экономию.

— Самая дорогая вещь — это самая дешевая вещь!

Затем пан Зденек ознакомил присутствующих с некоторыми статистическими данными.

— Как вы думаете… Сколько больных детей рождается в нашей республике ежегодно? А почему?… Кому, как не родителям, бабушкам, дедушкам подумать о здоровье юного поколения? Наша национальная кухня нездорова. Вы спросите, почему? Потому что до сих пор мы готовим еду в нездоровой посуде!

Мы поневоле оглядываемся вокруг себя: лица присутствующих дам — а их тут преимущественное большинство — серьезны и задумчивы. Задумаешься, когда тебе на цифрах и фактах объяснили, что ты трижды в день травишь себя и своих близких…

И тут на сцену выходит пан Карел. Профессионал, повар. Зная страстную любовь соотечественников к кухне, он сообщает несколько привлекательных рецептов блюд, и вкусных и полезных для здоровья. Но приготовить такие блюда, конечно же, возможно лишь в рекламируемой посуде! Свой небольшой «номер» пан Карел закончил сногсшибательным фокусом… В сияющую, будто солнце, заранее разогретую сковородку, бросил куриное филе и закрыл ее крышкой. Пока он рассказывал какую-то коротенькую легенду, «касающуюся посуды», прошло минут семь. Закрытая крышкой сковородка стояла у всех на глазах… Но вот пан Карел поднял крышку. По залу разлился аромат жареного мяса. Тем не менее, сковорода была пронесена по всем рядам, дабы присутствующие смогли не только обонять, но и увидеть ее содержимое крупным планом. Если учесть, что время приближалось к одиннадцати, а завтракали все в половине шестого, демонстрация более всего пахла садизмом, провоцирующим на опрометчивые поступки.

Стремясь немедленно использовать произведенный эффект,

молодой человек с микрофоном на воротничке снова вышел вперед, чтобы задать наконец свой главный вопрос: кому нравится эта посуда? Поднимите, пожалуйста, руки! Все подняли руки. А кто хотел бы иметь такую посуду? Количество рук резко убавилось. Публика вспомнила о своих кошельках. Казалось, надежды на успех у пана Зденека немного. День был рабочий. Дешевой прогулкой воспользовались в основном люди пожилые, пенсионеры. Откуда у них такие деньги?

Но пан Зденек не терялся, его «театр одного актера» продолжал представление… В общей сложности, оно длилось около трех часов! Молодой человек великолепно играл ценами. Они постепенно снижались, одновременно рос азарт. На каком-то этапе в игру был вброшен комплект столовых приборов на двенадцать персон. Он шел как премия тем, кто купит посуду. Кроме того, сегодня можно было внести лишь небольшой залог за покупку. Остальные деньги выплачивались в рассрочку.

Публика начинала сдаваться.

…Пан Зденек, безусловно, мастер своего дела. Он добился того, чего хотел. Кроме десяти комплектов «королевской» посуды за проведенные с нами три часа продал также комплект пластмассовой посуды, четыре оригинальных рефлектора, десять электрических массажных приборов с инфракрасным подогревом… И каждый раз зрелище было достойным пера Дж. Джерома..

И что еще замечательно: цена «королевской» посуды оказалась в конце концов в три раза дешевле названной изначально, что, естественно, обрадовало покупателей. Хотя и эта сумма оставалась достаточно большой…

Нас мучил вопрос: какой «навар» имели со всей этой акции фирмы-устроители? И мы не удержались: задали этот вопрос пану Зденеку. Молодой человек, похоже, ничего не скрывал. «Акцию» оплачивает фирма, производившая посуду. Она платит турагентству, организовавшему нашу прогулку. Реклама стоит денег. Но потребитель, не сегодняшний, так завтрашний, эту рекламу в конце концов все равно оплатит. Сегодняшние потери компенсируются завтрашней прибылью. Фирме необходимо, чтобы о ней слухом земля полнилась. Это главное, если хочешь продать.

Молодой человек учился своему искусству. Предварительно прошел конкурс в Праге: на четыре места было полторы тысячи претендентов! Потом месяц стажировался в Германии, в фирме-изготовительнице. А результат мы только что видели!

…Через час, после обеда, мы наконец были в Телче.

Что сказать о Телче?

Удивительно красивый, живописный городок. Замок. Крепость XIV века. Со всех сторон окружен водой. Лебеди. В замке — интерьеры времен ренессанса. Серебро. Гобелены. Рыцарский зал. Театральный зал. Золотой зал. Мраморный зал. Сад, окруженный галереей. В центре города — большая площадь треугольной формы, с фонтанами и скульптурами. Ратуша. Ни один дом не похож на другой ни архитектурой, ни цветом. Стены, украшенные сграфитто. Фронтоны времен барокко. Арочные галереи, по которым можно обойти всю площадь, не промокнув даже в ливень. Магазины, кафе, ресторанчики под каждой арочкой. Столики для посетителей. Многочисленные туристы, иностранцы со всех концов света. Ведь Телч входит в число городов, охраняемых ЮНЕСКО. Уют. Покой. Чувство свободы. Каждый ведет себя так, как ему хочется. Может сидеть на краю фонтана. Может лежать на травке. Каждый одет, во что хочет. Это его личное дело.

Что еще? Можно быть уверенным в том, что Телч понравится всем. Всем, кто сюда приедет. Единственное, чего нельзя гарантировать, так только того, что поездка обойдется в 98 крон. Будет подороже…

…А в почтовом ящике — новое приглашение, на этот раз в Гашековы Липнице. Опять за 98 крон. Стоит, наверное, съездить?

В поисках чешского менталитета

По мнению сегодняшних немецких социологов, их соотечественник ценит независимость, образование, хорошую работу, приносящую благосостояние ему самому и его семье. Индивидуалист, стремится к личному успеху и карьере, но не забывает о своем здоровье и приятных сторонах жизни: любит вкусно поесть и выпить. Демократия для него — не абстрактное понятие, а средство, гарантирующее ему права и свободу в достижении поставленных перед собой целей.

Японские социологи находят у своего народа способность глубоко чувствовать и сочувствовать, умение никого не обидеть и не поставить в неловкое положение, поскольку японская культура основана на гармонии, чувствах, интуиции.

Не только социологи, — историки, этнографы, философы, писатели, психологи, врачи — стремятся познать дух своего народа, находя в нем не только лестные черты, но и множество недостатков. Австрийский психиатр отмечает у своих земляков страх самопознания, гробовое спокойствие, склонность к алкоголизму и обжорству («самоубийство с помощью ножа и вилки»), упрекает их в отсутствии подлинно дружеских чувств, поскольку в ближнем они видят лишь конкурента, и в желании избавить себя от всех эмоций, мешающих достижению счастья.

Анализ народного духа затруднен из-за того, что ни один представитель народа не сосредотачивает в себе всех достоинств и всех недостатков, свойственных народу в целом. А потому правы и льстецы, и хулители. Каждый из них может найти примеры, подтверждающие его точку зрения. Возможно, ближе к истине будет взгляд со стороны: одного народа на другой. В эпоху теснейших международных связей — культурных, политических, экономических — имидж каждого народа играет огромную практическую роль. Те же японцы, например, отмечают у немцев неохоту соглашаться и искать компромисс, хотя сами немцы стремятся проявить себя за рубежом и хорошими специалистами, и приятными собеседниками, и друзьями. Зная, что южные народы Европы принимают их с прохладцей, они размышляют о новой педагогической стратегии, которая улучшила бы их имидж.

Способность народа к коммуникации с другим народом — экономический фактор. Туризм, к примеру, не мыслим без гостеприимства. Любопытно в этой связи исследование, как относятся к швейцарцам их гости. Немцы упрекают их в одержимости деньгами, упрямстве, высокомерии и неспособности к дружбе. Культ денег отмечают в альпийской стране и

голландцы, жалуются они также на замкнутость и холодность к иностранцам, и в этом с ними согласны японцы, которые не находят там сердечности в отношениях людей друг к другу. Гостями второго сорта чувствуют себя в Швейцарии итальянцы, французам тем скучно, скандинавам не хватает ночной жизни, испанцам — приветливости; египтяне убеждены, что этот народ не умеет смеяться.

А каковы чехи? Немецкий канцлер Бисмарк утверждал в свое время, что чехи — это немцы, говорящие по-чешски. В России бытовал взгляд, что чехи — опруссившиеся славяне. Некоторые поляки и сербы, отмечая простоту и добродушие чехов, не находили у них подлинной сердечности и приписывали это влиянию немцев, с которыми чехи были веками исторически связаны…

В чужой стране прежде всего сталкиваешься с новой повседневной жизнью и приноравливаешься к новым обстоятельствам. Многое выглядит по-другому. Но все начинается с языка. Чешский язык близок русскому, как любой славянский, и облегчает адаптацию. Понять друг друга всегда можно, тем более что у чехов постарше русский был в школе обязательным предметом, не всегда любимым, как все навязанное силой. Но при грамматической близости наши языки не похожи фонетически, так что даже университетские профессора, преподающие русский, за редчайшим исключением говорят с таким акцентом, что очень жаль студентов, которых они учат. К русским чешский тоже приходит с акцентом, и только годами погруженная в язык учащаяся молодежь имеет шансы свести акцент до минимума.

Чешское «DobrЩ den!», конечно, понятно без перевода. И звучит чаще всего. Стоит выйти за двери квартиры — на лестнице, в лифте, в вестибюле подъезда — люди, которых видишь впервые, все, от мала до велика, с тобой здороваются. Ты считаешься соседом по дому и отвечаешь тем же. Малыши, не говоря уже о школьниках, вызубрили приветствие до автоматизма и здороваются с тобой столько раз на дню, сколько тебя увидят. Взрослые тоже: легче поприветствовать лишний раз, чем вспоминать, встречались вы уже сегодня или нет. Как говорится, кашу маслом не испортишь. С удалением от дома частота обмена приветствиями снижается: здороваются обычно только знакомые. Но в деревне вы здороваетесь со всеми, и все здороваются с вами, хотя впервые вас видят.

Доброго утра, дня, вечера желают здесь продавцу газетного киоска, сотруднице в почтовом окошечке, кассирше в магазине, водителю автобуса, пациентам, ожидающим приема у врача,

пассажирам купе, прежде чем спросить, есть ли свободные места, даже если из восьми занято всего одно. И прежде чем обратиться к незнакомцу на улице, с ним надо поздороваться. «Добрый день!» годится на все случаи жизни, в любое время дня, и для приветствия, и даже для прощания.

Чехи охотно идут на общение, с готовностью ответят на вопрос, укажут дорогу. Иностранец для них — не диковинка, географическое положение страны делало невозможным ее изоляцию, а до второй мировой войны многие владели двумя языками, поскольку треть населения составляли немцы. Сегодняшняя молодежь учит прежде всего английский, меньше немецкий и французский. Но заставшие русский в школе не прочь продемонстрировать словечки, застрявшие у них в памяти.

Большинство наших соотечественников на улицах и в общественных местах предпочитают помалкивать, чтобы не выглядеть иностранцами. Англичанину такое в голову бы не пришло. Но у тех, кто десятки лет был отделен от внешнего мира, свои комплексы: будучи националистами, они убеждены, что и чехи должны испытывать к ним неприязнь. Безусловно, горячей любви к русским, особенно после августа 68-го, от всех чехов ожидать трудно, но отношение к конкретному человеку и отношение к стране — разные вещи, и это многие понимают.

Непривычный нам характер поведения бросается в глаза на каждом шагу, взять хотя бы очередь. Обычно она невелика — несколько человек, иногда — до десятка. Но въевшегося нам в печенки диалога («Кто крайний?» — «А вы за кем?» — «Передо мной стояла пожилая женщина в синем платочке, но она за хлебом отошла» — «Тогда я буду пока держаться за вами!») здесь не услышишь: полное молчание. Никаких просьб пропустить вперед, никаких считаний и номерков на ладони, никаких объяснений, вроде того что «отпросилась с работы» или «ребенок остался дома один». Это ваши личные проблемы, не вешайте их на незнакомых вам людей. Толпу россиян, лезущих без очереди, отталкивая остальных, можно увидеть только в иностранной полиции.

Чешская очередь спокойна, терпелива, руководствуется логикой. Если цепочка очередников просматривается сразу, нет надобности спрашивать последнего: он виден. А перебегать из одной очереди в другую не принято (да и необходимости нет), как не принято сбиваться в кучу или стоять друг за другом вплотную, дыша переднему в затылок и чувствуя грудь напирающего сзади. Все держат дистанцию, хотя бы шаг. Если очередь не просматривается, например, в ожидании приема у врача, когда пациенты сидят на стульях, расставленных вдоль

стен, новичок, окинув взглядом всех присутствующих, уже знает: он — после всех. Дальше должна позаботиться зрительная память.

Не приходилось видеть штурма автобусов и трамваев, давки в дверях, оторванных пуговиц, слышать победные клики ворвавшихся первыми и занявших места. На междугородних и пригородных линиях билеты продает водитель автобуса через небольшой кассовый аппарат. Очередь не спеша входит через переднюю дверь, получает билеты и сдачу и садится на свободные места. Водитель приветлив, вежлив, опрятен, похож на научного сотрудника какого-нибудь НИИ. Он явно не страдает комплексом неполноценности, столь часто присущим нашим соотечественникам, убежденным, что заслуживают лучшей доли, ненавидящим свою работу и вымещающим злость на каждом, с кем приходится иметь дело.

Любая работа достойна и не унизительна. Директриса школы не считает зазорным в летние месяцы мыть полы и убираться в гостиничке, принадлежащей сестре. Мытье окон в домах и витрин в магазинах, кажется, возведено в ритуал. Моют часто, не дожидаясь, пока пыль будет заметна. Аккуратность и чистота в собственном доме и вокруг него — норма. Так же как норма — разуваться перед дверью, не занося домой пыль и грязь с улицы. И гость оставляет свою обувь за порогом, в крайнем случае — в прихожей, хотя и в коридоре многоквартирного дома никто ее не украдет.

Собственных домов, красивых, дорогих, просторных, очень преображающих ландшафт, как уже говорилось, в последние годы строится много. Характерно, что двери таких домов — полностью или частично стеклянные, никто не опасается, что их расколошматят или влезет вор. Впрочем, стеклянная полукабина с неиспорченным телефонным автоматом и лежащим под ним на полочке пятисотстраничным телефонным справочником в какой-нибудь небольшой деревеньке — тоже весьма обыденная деталь.

Стеклянные двери ведут и в подъезды панельных многоэтажек, оставшихся в наследство от социализма и приносящих головную боль нынешним городским магистратам. По советским меркам квартиры в них несопоставимо лучше и эстетичнее оборудованы, но они не идут в сравнение с теми многоквартирными кирпичными домами, которые строятся сейчас по индивидуальным проектам.

«Панелаки», как их называют чехи, сегодня облагораживаются, их утепляют снаружи легкими пористыми плитами, окраска в разные цвета лишает эти дома унылого однообразия и сообщает плоским стенам видимость рельефа.

Предпринимаемое иногда строительство мансардных квартир на плоских крышах панельных зданий делает последние еще пригляднее.

Но даже в «панелаках» чехи поддерживают достойную удивления (на наш взгляд!) чистоту. Нет вони, тараканов и клопов. Нет убогих застекленных террас на балконах и лоджиях, забитых старым хламом. Все лишнее убирается в «склеп» (что-то вроде кладовки), которым, как правило, владеет каждая квартира; таким кладовкам, а также помещениям для велосипедов и для стирки белья отданы первые, нежилые этажи «панелаков». В домах нет мусоропроводов, отбросы в полиэтиленовых мешках выносят во двор, где стоят закрывающиеся плотной крышкой контейнеры, не собирающие мух, голубей и ворон. Все больше появляется контейнеров для классифицированного сбора мусора: желтых — для пластмассы, зеленых — для стекла, синих — для бумаги.

Но квартиры в панельных домах сегодня не котируются, упали в цене, в них чаще живут те, кто не имеет достаточных средств: пенсионеры и молодые семьи…

Нашему, предпочитающему помалкивать соотечественнику грозит, однако, риск быть узнанным по одежке. «Наш человек» должен выглядеть «дорого», это у него в подсознании, только дорогое прилично, иначе он сам себя уважать не будет. Прилично поэтому, обливаясь потом, идти в дорогой шубе до пят и меховых сапогах, прилично нацеплять на себя кучу драгоценностей, облачаться в тяжелые, сверкающие люрексом кофты и балансировать на высоченных каблуках. В театр чешки тоже одеваются нарядно, но ни одна наша не высунет носа из дому в таком наряде, в каком чешка бродит по улицам и заглядывает в магазины. Эта простенькая блузка, эти облегающие шорты, эти туфли, похожие на шлепанцы! Зато практично, легко, удобно, по погоде. Все свежее и чистое. Носочки — белейшие до неправдоподобия…

Одежды тут действительно полно. Модная стоит дорого и не каждому по карману. А главное, быстро устаревает. Зато на каждом шагу Second hand'ы, покупать в которых наши соотечественники считают ниже своего достоинства, тогда как чешки это делают с большой охотой, приобретая за бесценок охапки красивой одежды самых неожиданных фасонов и расцветок. Это зачастую совсем новые, неношенные вещи, по тем или иным причинам не проданные в установленный срок где-нибудь в Италии, Франции или Германии.

Вообще, к деньгам большинство населения относится очень бережно. Не упустит случая, когда что-то можно купить

подешевле. А товаров по сниженным ценам всегда много, только успевай следить! Зовет реклама, то и дело проводятся конкурсы, игры, лотереи, устраиваются сезонные распродажи, одна за другой следуют торговые акции — недельные, месячные, рождественские, пасхальные и вообще без повода. Они сменяют друг друга непрерывно в течение всего года. Крупнейшие супермаркеты рассовывают свои красочные проспекты во все почтовые ящики, сообщая о товарах, которые на следующей неделе будут продаваться со скидкой…

Ни одна цена не обходится без «девятки». Йогурт — 5.90, чемодан — 699, телевизор — 5990, путевка в Италию — 4890 крон. Психологический расчет! По всей видимости, покупатель реагирует на эту игру положительно, усматривая для себя пусть маленькую, но выгоду. Свидетельствует ли это о скупости или о расчетливости, сказать трудно, многое связано с давно сложившимся стилем жизни, с привычками, с традициями. Пока ты не простишь другому его непохожести, ты далек от пути к мудрости, гласит китайская пословица. Так что не будем спешить с выводами!

Традиции гостеприимства здесь тоже могут нравиться или не нравиться, но их надо принять. Придя в дом с визитом, не ждите, что вас начнут кормить до отвала, если, конечно, вы не приглашены на какое-нибудь семейное застолье вроде дня рождения. Обычное угощение ограничивается чашечкой кофе или чая, или стаканом минеральной воды, на стол может быть подано печенье, конфеты, орешки. Подразумевается, что вы не умираете с голоду, и хозяйка сможет принять участие в беседе, не носясь между гостиной и кухней с посудой, салатами и пирогами. Гость может преподнести хозяевам небольшой сувенир вроде пирожных, плитки шоколада, пакетика кофе или живой розочки. В рамках тех же традиций гостей уместно пригласить в кондитерскую или в ресторан, где желудок можно ублажить чем-нибудь более существенным, чем кофе или чай. Упомянутый выше день рождения тоже, вероятнее всего, будет отпразднован в ресторане.

Обычная «господа», какие встречаются на каждом шагу, не стремится обчистить гостя так, чтобы он полгода приходил в себя, а, наоборот, благодаря доступным ценам и уюту сделать из него завсегдатая. Разумеется, порционные блюда, называемые «минутками», дороже, но в меню всегда найдется множество недорогих блюд, доступных и для посетителя со скромными средствами.

Как признают сами чехи, кухня их нездорова для желудка: перегружена мясом, мучным, сладостями. В качестве гарнира к

мясным блюдам предпочитаются «кнедлики», приготовляемые из муки и яиц, и к ним — тушеная кислая капуста. Овощей поедается меньше. Из разных видов капуст наиболее любимы цветная и китайская (в России ее называют салатом), из других овощей — огурцы и помидоры. Непопулярна свекла, хотя в меню иногда встречается «боршч», а баклажаны, как экзотический овощ из Голландии, стоят в несколько раз дороже апельсинов, да и не знает почти никто, что с ними делать.

Чешскую кухню нельзя себе представить без уксуса. В нем вымачивают рыбу, его щедро льют в любые салаты, без него не обходятся огурцы, капуста, грибы. Чехи не знают халвы и зефира, хотя они им нравятся, когда пробуют. Не варят варенья. Абрикосы и персики срывают полузелеными и приготавливают на зиму компоты и желе. А яблок на садовых участках созревает так много, что их проще отправить в ямы для компоста, чем съесть. Возня с заготовками на зиму в самом деле имеет мало смысла. Продовольственными товарами магазины переполнены, ассортимент — тысячи и тысячи наименований, качество — высокое и на любой вкус. Главное, удержаться от соблазнов и не переесть!

Мясо да кнедлики, да несколько кружек пива хорошую фигуру не формируют. Статистика утверждает, что чехи занимают первое место в Европе по избытку веса.

Вечерами «господы» гудят от возбужденных голосов. Пива выпивается много. Крепкие напитки такой любовью не пользуются, и напиваться до свинства не принято. Сигаретный дым — непременный спутник поглотителей пива. Курит тридцать процентов населения, все возрасты. Слабый пол начинает участвовать в дымных ритуалах «с младых ногтей». Но, как заявил недавно американский «Филип Моррис», захвативший почти целиком табачный рынок Чехии, курение выгодно государству, поскольку обожатели сигарет отдают концы раньше, и правительство сэкономит на пенсиях… Приятная откровенность!

О том, что чехи любят готовить сами, уже говорилось. Издается множество кулинарных книг с яркими аппетитными фотографиями и подробными рецептами. Рецепты публикуют газеты и журналы. Радио и телевидение проводят конкурсы на лучший рецепт и присуждают премии победителям.

Непосвященному большинство рецептов кажется усложненным: что-то вроде «искусства для искусства». Казалось бы, импровизацию какого-нибудь простенького салата, в течение нескольких минут приготовляемого из того, что нашлось в холодильнике, чехи не оценят. Ан нет! Спрашивают рецепт. Как будто без рецепта никак нельзя…

«Тяжелые» кулинарные испытания у чешек наступают в преддверии Рождества, но об этом, как и о самом Рождестве, уже достаточно сказано в одном из предыдущих очерков. Хотелось бы только повторить, что здесь — это общенародный праздник, волшебный и сказочный. Именно в эти дни по телевидению на всех программах одна за другой идут сказки. Говорят, никакой другой народ не обожает их так, как чехи.

Новогодний праздник — Сильвестр, не обладая духовностью Рождества, перед ним меркнет, хотя и проходит с великим шумом: всю ночь на улицах, площадях, из окон домов и с балконов палят из ракетниц, всевозможная пиротехника щедро демонстрирует свои зрелищные и оглушающие возможности..

После Нового года, остаток зимы и весну, праздничное настроение подхватывают балы и карнавалы, в лучших залах больших и малых городов организуемые гимназиями, школами, училищами, фирмами, фабриками, заводами. Выступают ансамбли, оркестры, молодежные группы, представляющие последнюю музыкальную моду. По-прежнему любимы духовые оркестры и народная музыка, без которых не обходится ни один праздник.

Общегородские праздники и ярмарки проходят в течение всего года, приурочены они и к историческим датам, и к временам года, и даже к таким, вовсе неожиданным событиям, как, например, созревание сливы. Отмечаются Дни городов. Сохранившиеся в Чехии многочисленные развалины средневековых крепостей, замки, живописные старые улочки и площади служат прекрасной декорацией для исторических представлений, в которых могут принять участие все желающие. В Чешском Крумлове, жемчужине средневековых чешских городов, охраняемой ЮНЕСКО, городской праздник в середине июня продолжается три дня, собирая десятки тысяч гостей, своих и зарубежных, привлекаемых средневековыми уличными шествиями в исторических костюмах, театрализованными представлениями, рыцарскими турнирами, на которых облаченные в тяжелые доспехи всадники показывают свое ратное искусство.

Праздник в Чешском Крумлове — не исключение. Время от времени, в полном согласии с историческими хрониками и в костюмах той эпохи, то тут, то там разыгрывается какое-нибудь сражение, например под Аустерлицем, когда русско-австрийские войска потерпели поражение от Наполеона (многие, возможно, не догадываются, что это громкое название, увековеченное пушкинской строкой, принадлежит чешскому городку Славков, недалеко от Брно).

Все эти праздники — свидетельство любви народа к веселью, умения ценить радости жизни. Смеяться, улыбаться чехи, действительно, умеют, чувства юмора им не занимать, шуткой ответят на шутку, анекдотом на анекдот. Развлекательные программы занимают внушительное место на телеэкране, особенно в вечерние часы, веселые песенки часто звучат по радио. (Им отдается явное предпочтение перед той агрессивной современной музыкой, которая переполняет российский эфир.) Взаимная улыбка сопровождает общение друг с другом. Улыбка предваряет начало разговора, чтобы собеседники почувствовали симпатию и готовность понять друг друга, тем более если вы пришли куда-то с просьбой или обсудить какой-то вопрос. Не будет преувеличенным утверждение, что умение улыбаться, как и вежливость, воспитывается в семье и в школе, как одна из черт общественного поведения, не в последнюю очередь обеспечивающая жизненный и профессиональный успех.

Рассказ о чехах не обойдется без спорта, к которому они испытывают подлинную страсть. На велосипед они пересаживаются, похоже, прямо из детской коляски. Родители с детьми, мал мала меньше и каждый — на своем велосипеде по росту, едущие гуськом по дорожке, — картинка типичная, особенно если добавить бегущего рядом четвероногого любимца семьи. Успешно соревнуются с велосипедами роликовые коньки.

Зимой разгораются лыжные страсти, драматизм которых определяется толщиной снежного покрова на горах, а поскольку они здесь не высоки и зимы весьма теплые, все пребывают в лихорадочном ожидании благоприятных метеорологических сводок. Сегодня, конечно, не проблема выехать за границу в Альпы; туризм и зимний, и летний, как на своих колесах, так и по путевкам туристических фирм, очень популярен у всех возрастов и большинству населения вполне доступен. Наибольшим спросом пользуется средиземноморское побережье Хорватии, Греции, Италии.

Но чехи любят не столько купаться и плавать, сколько загорать до почернения. Культ загара заставляет их и на родине валяться на травке, не пропуская ни одного солнечного луча. О вероятном вреде, кажется, никто не помышляет. Огромной популярностью у народа пользуется пеший туризм, чехи относят его к своим феноменам, имеющим давние и богатые традиции. Любимый летний спорт — байдарки и каноэ; здешние небольшие быстрые реки как будто специально сотворены для этих видов спорта.

Место, отводимое спорту на страницах газет, на радио и телевидении, ошеломляет. Кажется, нет в мире ничего важнее

имен спортсменов и их подвигов на спортивных аренах. Ликующий патриотизм фанатиков по случаю победы национальной команды на международных соревнованиях, турнирах, олимпиадах выливается в шумную истерическую демонстрацию на Вацлавской площади Праги, в самом сердце чешской столицы.

Эти разнородные внешние впечатления, конечно же, не могут претендовать на то, чтобы сколько-нибудь серьезно представить чешский менталитет. Над его разгадкой не первое столетие бьются десятки и сотни умнейших голов, но кто станет утверждать, что она найдена?! «Вопрос, кто мы и что мы… влечет за собой лавину предположений и фактов, в которых утонет прежде всего тот, кто задает подобные вопросы», — отмечал один из ведущих ученых-социологов.

В самом деле, надо отдавать себе отчет в том, что исследования в этой области не имеют конца. Менталитет народа не является чем-то застывшим и неизменным, он находится в постоянном развитии и под сильным влиянием исторических обстоятельств. Примером, уже на нашей памяти, могут служить немцы, после поражения во 2-ой мировой войне отвергшие милитаризм, национализм, общегосударственную идеологию, стоявшую выше индивидуальных интересов и личного счастья граждан.

Чешский менталитет тоже прошел в своем развитии несколько исторических этапов. Первый закончился битвой на Белой горе (1620 г.), когда, лишившись государственной самостоятельности, чехи оказались в габсбургской монархии, второй — в 1918 году, с падением Австро-Венгрии и созданием независимой республики. Последующий этап, к сожалению, оказался коротким. Трагические раны чешскому народному духу нанесли Мюнхенское соглашение и оккупация страны Гитлером, коммунистический переворот 1948 года, советская оккупация 1968-го. Это факты, их никто не оспаривает. А вот диапазон разнообразных суждений и оценок народа — поистине впечатляющий!

Два века назад чешские просветители, увлеченные к тому же панславянской идеей, писали о своем народе в розовых тонах, восхищались его традициями, добродушием, «голубиным характером». Но такие идиллические представления со временем все более уступали место критическим оценкам.

Чех — человек здравого и осторожного ума, заявляет один из ученых, горазд на великие мысли, ему по плечу великие дела, он способен на воодушевление и негодование; боек, но медлителен;

не упорен, не слишком отважен, не любит кардинальных вопросов, скорее Гамлет, чем Дон-Кихот. Чехи — простые и прямые люди, утверждает другой, их социальный талант — в отсутствии кастовости и аристократизма вследствие демократических гуситских традиций; в своей эволюции чехи больше развили разум, чем чувства, поэтому у них большая склонность к рационализму, чем у всех других славян. Чехи руководствуются скорее эмоциями, настроением, возражает третий, их разум еще молод и незрел, ему недостает рациональной дисциплины, упорства, целеустремленности: ведь молодой разум склонен к критиканству и мудрствованию, неуступчив, негативно относится к окружающему миру, умеет наблюдать и собирать факты, но не может их теоретически осмыслить. Чехи не способны критически мыслить, делает вывод четвертый, их отличают ограниченность и догматизм, они пессимисты, убежденные в том, что иначе как плохо ничего кончиться не может.

Среди аналитиков чешского характера были такие знаменитости, как историк Франтишек Палацкий, философ, первый президент республики Томаш Масарик, писатели Карел Гавличек и Карел Чапек, историк первой республики, журналист Фердинанд Пероутка. Все они изучали чешский менталитет как самостоятельную научную проблему. К ним с полным основанием можно присоединить и крупнейших писателей-классиков, в чьих произведениях чешский национальный характер получил художественное выражение. Для русского читателя ярчайшим образчиком чешского менталитета на закате австро-венгерской империи является столь популярный и любимый уже несколькими поколениями «бравый солдат Швейк»…

Если всерьез оценивать характер героя в остроумной и веселой сатире Гашека предоставляется самому читателю, то Франтишек Шалда, блестящий литературный критик и мыслитель первой трети 20-го века, дает своему народу собственную, авторскую оценку, и, пожалуй, как никто другой, убийственно откровенную и пессимистичную. Чехи, по его словам, «народ рабов, испорченный трехвековой неволей», народ, который «не умеет ни любить, ни ненавидеть»: «ни мозга, ни сердца, ни чести», «такое боязливое согбенное, пресмыкающееся существо, не знающее ни героизма, ни жертвенности, ни милосердия, этакое создание вроде комара, который ужалит до смерти каждого, — это и есть чешский человек…»

От обобщающего, нелестного и мрачного портрета, написанного Шалдой, обратимся к тем социологам, которые называют конкретные изъяны чешского менталитета,

проявляющиеся в повседневной жизни. Последние не так мрачны и, кажется, во многом ближе и понятнее нашим соотечественникам. Это — зависть к чужому успеху и богатству: оставшись бедным сапожником, Томаш Батя остался бы и чехом, но он стал крупным промышленником, разбогател и превратился в «американца». Неуважение к тем, кто продвигается по служебной лестнице, такие люди — «выскочки» и «карьеристы». Неприязнь к высшему образованию, нарушающему девственность «прирожденного разума». Недоверие к интеллектуалам, подозреваемым в неблагонадежности и недостатке патриотических чувств. Настороженность к воспитанности, толкуемой, как желание обезьянничать и подражать «господам». Любовь к уравниловке, нивелирующей человеческую индивидуальность и убивающей элитарность. Восприятие достоинства, как чванства и самомнения. Заискивание перед начальством и одновременно готовность его надуть, если представится случай. Консерватизм в мышлении и стиле жизни. Распространять на сегодняшний день все эти оценки, наверняка, не стоит, но познакомиться с ними любопытно, хотя бы в историческом аспекте.

Понятие менталитета, ранее определявшегося, как совокупность основных свойств народного характера, в 20-ом веке, точнее, с завоеванием государственной независимости, обрело более широкий смысл. Масарика, естественно, тоже раздражали пассивность, провинциальность, лакейство, интриганство, болезненная завистливость чехов, но, в первую очередь, его, как и ранее Палацкого, беспокоила такая крайне опасная черта чешского национального характера, как отрицание личной ответственности за судьбу народа в целом, стремление обвинить в общих бедах не себя, а время, обстоятельства, власти. Психологическое состояние народа, привыкшего держаться в оппозиции к австрийской монархии и ее властям и формально выполнять то, что от него требуют (вспомним опять того же Швейка!), стало тормозом в развитии свободного демократического общества. Избавить народный характер от «австрийского наследия» — это была важнейшая цель и великая мечта президента Масарика.

В духе последнего и Карел Чапек определял народный характер, как практический идеал, без которого не может развиваться демократия, иными словами, без воспитания народа в духе демократии крепкий народный характер немыслим. Основной критерий народного характера — отношение к себе, показывающее, как народ включается в свою историю и что может случиться с ним в будущем. Аналогичные выводы делал и

Фердинанд Пероутка: судьба государства зависит от особенностей и свойств, составляющих народный характер.

Источником серьезной опасности в «австрийском наследии» был культ народа. Нам, росшим в идеологии социализма, культ народа внушался как само собой разумеющееся: утверждалось, что народ всегда прав, что он не может ошибаться, что он мудр, справедлив, принципиален, нравственно здоров. Марксизму-ленинизму, оперировавшему массами и не оставлявшему места индивидууму, культ народа необходим и выгоден. Ярлык «врага народа» в пору упрочения власти был для большевиков могучим инструментом террора. В демократическом же обществе, основанном на личной свободе каждого гражданина, культ народа, действительно, вреден.

В Чехии культ народа расцвел во времена национального возрождения, на переломе XVIII–XIX веков. В отличие от соседних народов, чешский практически не имел ни дворянства, ни буржуазии (один дворянин на тысячу жителей!), так что к народу в ту пору относили крестьян и другое сельское население, им-то, как считалось, сохранившим язык, обычаи, народную культуру, и воздавались честь и хвала.

На новом этапе развития общества, вступившего в эпоху капитализма, к «народу» приплюсовали городское население, включая железнодорожников, почтальонов, сапожников, трубочистов и прочих «маленьких людей», в отличие политиков, предпринимателей, финансистов, юристов, писателей и ученых, по-видимому, к народу не относящихся.

На третьем этапе, уже отмеченном влиянием коммунистических идей, в «народ» был зачислен пролетариат, ставший «самым передовым классом», призванным «самой историей» смести «угнетателей» и выстроить «новый мир». Культ пролетариата как составная часть культа народа, распространявшийся в 20-30-е годы, т. е. в период республики (в немалой степени, по вине левых чешских интеллектуалов — писателей, поэтов, деятелей культуры, которые по моде того времени бравировали левыми взглядами и умилялись советским большевизмом), сеял слепоту ко всему, что происходило в СССР, и удобрил почву для победы коммунистов после второй мировой войны.

Опасения Масарика, Чапека, Пероутки и других критиков чешского народного характера, к сожалению, подтвердились. Двадцать лет демократии и свободы — небольшой срок. Политическая незрелость народа трагически проявилась в том, что в критический момент истории он не выдвинул из своей среды сильных, честных, прозорливых лидеров, которые решали

бы его судьбу, и попался на крючок коммунистической демагогии. Это по его вине коммунистам удалось захватить власть в республике и проводить социалистический эксперимент на его костях и рабском труде. Из народной среды пришли все те, на кого опирался режим, те, что сотрудничали с госбезопасностью, служили следователями, прокурорами, судьями, охранниками в тюрьмах и лагерях, став активными проводниками государственной политики насилия. Народ вырастил тех, что рвались в партию — ради карьеры, благ, по недомыслию или наивности…

У тех, кто всю свою жизнь мог путешествовать по миру только с телевизионным «Клубом» Юрия Сенкевича, представления о заграница всегда были нереальны. Умом-то понимали, что она существует, но ее как будто бы не было. Уже потому, что все у нас за редким исключением были одноязычными, т. е. западными языками не владели («английский со словарем» не в счет), любой приехавший «из-за бугра» и говоривший не по-нашенски, казался носителем каких-то особых достоинств. Вдобавок он выглядел уверенным в себе, был облачен в модное барахло и излучал сияние свободы. В своих печатных доносах наши «выездные» не скупились на плевки по поводу заграницы, уверяя «органы» в своей лояльности на будущее. Эффект чаще всего был обратный: Запад только рос в глазах тех, кто его никогда не видел. Еще бы! Там — демократия, порядок, прогресс! Там — люди совсем другие! Там даже солнце, наверно, по-другому светит!.. А когда многоопытные, высланные за границу диссиденты, пожив там несколько лет, начинали неуважительно рассуждать о западной системе, то не очень-то им верилось: быстро же они заелись!..

Что с нас, темных, было взять?! Ни знаний, ни опыта…

Надо сразу уточнить: Чехия к «настоящему Западу» пока не относится, она еще выкарабкивается из-под обломков социализма, стремясь снова стать полноценной европейской страной. Но многое уже сделано, и, что немаловажно, благодаря сохранившимся европейским традициям. В общем, сравнения допустимы.

Так вот, солнце светит здесь точно так же. И поезда здесь тоже опаздывают. Да только ли здесь?! В пунктуальнейшей Германии этим летом, по сообщениям газет и радио, ни один поезд не пришел минута в минуту!.. И зимой тут гуляют эпидемии гриппа. И автомобили попадают в аварии. И вспыхивают пожары, и стихии не щадят: бури, наводнения, смерчи, снежные заносы, засухи, град… Если чистота в здешних

городах первое время казалась идеальной (все в сравнении!), то теперь взгляд натыкается и на разбросанные по тротуару окурки, и на разбитую урну, и на домашний хлам, сваленный в кювет… Рассказывают, что после падения режима, когда открылась граница, находились австрийцы, которые заботясь об экологии у себя, привозили собственный хлам и мусор в Чехию и выбрасывали в здешних лесах. А ведь по всем меркам — цивилизованный народ!..

В отличие от социологов, пытающихся найти общий знаменатель в характере своего народа, каждый конкретный человек встречается с такими же конкретными людьми во всей пестроте их взглядов, вкусов, культурных запросов, привычек, добродетелей, пороков, умственных способностей. И надо переболеть болезнью идеализации, неизбежно поражающей каждого новичка, впервые оказавшегося за границей. Тем более что этот самый новичок попадает не только в иную языковую среду, но и, как правило, в иной культурный слой, отличный от того, в котором он последние годы жил и работал у себя на родине. Такой слой, точнее, единомышленников, круг коллег, друзей формируется не один десяток лет, а в новой стране все надо начинать заново с проблематичной надеждой на успех. Тяга к оказавшимся здесь соотечественникам быстро проходит, одного родного языка для общения мало, и вскоре выясняется, что это не те, «не ваши» соотечественники. И местные знакомые, когда вы начнете хорошо понимать их язык, далеко не часто оказываются вам близки, поскольку не отвечают вашим уже сложившимся за долгие годы запросам. Повторяется разочарование, которое испытывала, кажется, вся русская интеллигенция, впервые попав за границу: Европа жутко провинциальна!

Насыщаясь европейской культурой у себя дома, российские интеллигенты почему-то заодно преисполнялись иллюзией, будто там каждый встречный если не поэт и философ, то, по крайней мере, знаток и поклонник Гёте или Шопенгауера. А вместо этого… о, этого не может быть! Этот европеец (или европейка) не загромождает свою квартиру подписными изданиями и может вообще ничего не читать, горячо интересуется интимной жизнью принцессы Дианы, искренне убежден, что Ирак находится в Африке, пугается солнечных затмений, верит во всякую мистическую галиматью, заполняет подоконники горшками с пресловутой «мещанской» геранью, а свой диван — разнокалиберными подушечками с рюшами, приходит в умиление от слащавых открыток, изображающих кошечек и собачек с розовыми бантиками на шеях, и соревнуется за первое место в поедании сосисок с горчицей или в питье пива. Словом,

живет жизнью, свойственной только самому «махровому мещанину». А почему, собственно, средний европеец должен жить иными интересами, нежели средний россиянин?! Согласно недавней статистике, сорок два процента населения, проживающего в Европейском Союзе, за последний год не держало в руках книги.

Человечество есть человечество, а каждый народ — его часть.

В каждом народе есть немногочисленная культурная элита, или «сметанка», как ее называют в Чехии, и, точно так же, в каждом народе есть люди глупые, недалекие, примитивные, живущие инстинктами и растительной жизнью. Есть люди без запросов и без целей, ни о чем не задумывающиеся и ни к чему не стремящиеся. Есть лодыри и бездельники, не желающие ни учиться, ни работать, но требующие социальной помощи от общества. Есть безразличные, равнодушные, замкнувшиеся на себе, на своей семье, на собаке и кошке, на доме; они ни во что не вмешиваются и со всем согласны. Они считают себя «толерантными» по отношению к согражданам, молчат, когда молчать не следовало бы, законсервировав свою пассивность еще с «победоносного февраля» и «нормализации». Они не хотят «забивать себе голову политикой», не ходят на выборы, потому что «там наверху — все жулики» и «все равно ничего не изменишь». Есть склеротики; сегодня из пятидесяти видов йогурта они не могут выбрать ни одного и голосуют за коммунистов, при коих производился всего один вид, да и за тем надо было стоять с утра в очереди. Сидя на пенсии, они чувствуют себя обиженными, потому что она меньше их прежней зарплаты. Есть «ничего не знавшие», они до сих пор не верят, что десятки тысяч заключенных вкалывали ради их блага на урановых рудниках, с упоением вспоминают Ялту и Сочи, где их до отвала кормили красной и черной икрой в санаториях и домах отдыха для иностранцев, в то время как из Москвы во все концы Союза шли поезда, пропахшие «отдельной» и «ветчинно-рубленной»…

И общество есть общество. В нем есть скверные врачи и учителя, грубые полицейские, неприветливые соседи, нелюбезные официанты, есть наркоманы и пьяницы. Есть психопаты, хулиганы, вандалы, воры, бандиты, жулики, аферисты, контрабандисты, насильники, убийцы. Есть «бритоголовые», фашисты, анархисты, националисты, расисты; в условиях демократии, которой они щедро пользуются, их иногда мягко называют «радикалами». Есть политические скандалы, грызня партий в парламенте, сопровождаемая оскорбительными выпадами, оговорами, интригами… Всё — есть. Другое дело, сколько этого «всего» — опасного, дурного, неприятного,

некрасивого, и насколько все это окрашивает повседневную жизнь рядового гражданина?

Скажем так: не слишком, не очень, мало. Во всяком случае, гражданин может идти по улицам города ночью, не опасаясь нападения хулигана или вора. Наверняка не ждет его разнузданное примитивное хамство на улице, в магазине, в транспорте, в учреждениях. Он может свободно высказывать свое личное мнение. Не окажется на тротуаре с протянутой рукой, ибо социально он неплохо защищен. «Грани между городом и деревней» здесь давно стерты, так что условия жизни и там и там для него достаточно комфортабельны. По неосторожности он может, конечно, вляпаться, если, соблазнившись бешеными процентами, побежит со своими сбережениями в какой-нибудь новоиспеченный инвестиционный фонд. Но, как правило, доля вины лежит на нем самом: польстился на высокие проценты, захотел быстро разбогатеть. Как человек, живущий в условиях личной свободы, он все-таки обязан думать и, по возможности, принимать грамотные решения.

Львиную долю отрицательных впечатлений поставляют рядовому гражданину газеты, радио, телеэкран, информирующие о том, что происходит в его родной стране и в обществе. И криминала вокруг оказывается не так уж мало! Земля хотя и небольшая, но каждый день где-то что-то непременно случается и тут же становится достоянием гласности: судебный процесс, поджог, убийство, афера, ограбление банка, автомобильная авария, контрабанда сигаретами и наркотиками, забастовка… Водители трамваев хотят получать столько же, сколько машинисты метропоездов. Металлургический гигант, построенный в те времена, когда все делали вид, что трудятся, сокращает рабочие места. Партии ведут между собой борьбу за влияние на средства массовой информации и обвиняют независимых журналистов в некомпетентности. Видный политик пользуется мобильным телефоном, подаренным ему какой-то фирмой… «У нас все точно так же, как у вас, в России!» — говорит рядовой чешской гражданин. Оно, конечно, так же да не так! Там, где этот рядовой чешский гражданин ужаснется, наш видавший виды россиянин только скривит губы в легкой улыбке…

Приложение
Ярмила ГАШЕК
ЯРОСЛАВ ГАШЕК

I.

Летит снег. Зима, ледяной ветер хлещет по лицу, мы едва идем. Рядом со мной — милый красивый парень, но что он мне, если я так страшно замерзла.

«Бедняжка, постойте, возьмите мое пальто…» Я не успеваю опомниться, как иду уже в его зимнем пальто, укутанная по уши — и вот первая картина, которая стоит у меня перед глазами: Ярослав Гашек среди метели, без зимнего пальто, в легком пиджачке, в руке шляпа. Он выпрямился навстречу ветру, стройный, волнистые каштановые волосы трепещут над его красивым лбом, его великолепная кожа, прямой нос и красиво вылепленный рот производят неизгладимое впечатление. Он, как живое воплощение юности, которая не боится спорить с жизнью. Как воплощение упорства. Как воплощение человека, уверенного в том, что всегда будет делать только то, что захочет.

Это мое самое прекрасное воспоминание. Вы не можете себе представить, насколько великолепен красивый человек, наделенный отвагой всегда делать только то, что хочет. Эта отвага была у него всю жизнь — и потом, когда рот его уже исказила горечь, а в волосах появились серебряные нити…

II.

В ссоре. Не виделись уже три месяца. Жду подругу и вдруг на углу, рядом с собой, вижу Ярослава Гашека. Это в Карлине. Поворачиваюсь и убегаю прочь, домой на Виноградy. Он не отстает, обращается ко мне. Молчу. Наконец выдавливаю из себя: «Пожалуйста, уходите, мне неприятно, что вы идете за мной».

«Сожалею, но мне приятно, потому не уйду». Продолжаю путь, молчу, а он весело болтает обо всем, перескакивая с пятого на десятое. Заворачиваю за последний угол. Улыбка сходит с его губ. «Ярмилка, неужели так и уйдете? Поймите, ради вас я был бы рад остепениться. Но я знаю, что не смогу. И вы будете со мной несчастны, я знаю. Но и без меня вы тоже не будете счастливой,

потому что не можете без меня жить, бедная девочка. Смиритесь, выходите за меня замуж, может быть, хоть ненадолго счастливы будем вместе, год хотя бы или два, я вас так люблю, и — сердце мое болит из-за вас, но я вас не принуждаю, может, и не надо вам за меня выходить, бедняжка…»

Вышла я за него замуж. И не так уж долго были мы вместе счастливы, но счастье такая редкость, за которую человек платит всей жизнью, да и то не заплатит целиком…

III.

Засучил штанину выше колена и обнажил свежую рану. Пес его укусил, наш пес, глупый Рек, который не понимал ничьих шуток, кроме моих. Бегали мы вокруг стола, и пес прыгнул. Что с него взять?.. Из раны сочилась кровь.

«Надо идти в институт Пастера или… подай мне, Ярмилка, свечку, и спички тоже. Да нож…широкий нож, пожалуйста».

Я подала ему свечку и нож, и спички. Он зажег свечу и держал нож над пламенем, пока не раскалил. Приложил лезвие к ране. Кровь зашипела, и я почувствовала запах паленого мяса. Вскрикнула от страха.

«Не бойся, ничего страшного». На его спокойном лице не дрогнул ни один мускул.

Опять разогрел нож и опять прижег рану.

Рек почувствовал запах мяса, встал и подошел поближе.

«Ага, теперь подлизываешься ко мне, змей ты, а то признавал только хозяйку… иди сюда, посмотри вот, что я должен делать, чтобы тебе на какой-нибудь живодерне не отрезали глупую башку, понимаешь?…»

IV.

«Ты не знаешь, где этот лист, на котором я вчера начал писать? Начал писать и заснул над ним… А мысль была отличная! Мне пришло в голову что-то особенное… А я все заспал…».

Лист мы нашли в ящике под уголь. На листе было написано: «Глупец в компании». А пониже: «списан с воинской службы как идиот».

Гашек недолго ломал себе голову и стал диктовать мне о Швейке. Было это в 1911-м, был это рассказ «Бравый солдат Швейк».

«Но это все не то… Знаешь, у меня был замысел чего-то нового, крупного… Заспал я его…»

«Приключения бравого солдата Швейка» вышли отдельной книгой, время сомкнулось над ней, но искра, тогда вечером блеснувшая в мозгу засыпавшего Гашека, теплилась в подсознании — а время шло — минуло восемь долгих лет — восемь долгих лет со дня, когда он диктовал мне «Бравого солдата Швейка», восемь лет со дня, когда мы виделись напоследок.

После всех сообщений в газетах о том, что был убит в России, восемь лет спустя, Гашек снова стоял передо мною.

Постаревший, поседевший, полный, но лоб его был по-прежнему прекрасен и высок, нос прям, красивые губы сжаты горькой иронией.

«Пишу «Швейка». Все эти годы он не отпускал меня. Ни на фронте, ни в России, нигде. Это началось сразу, как только разразилась война. Чувствовал, что рождается нечто… То, что мне тогда пришло в голову, ты помнишь? Хочешь, прочту тебе первую главу?»

И читал мне ее всю дорогу до типографии, и я смеялась, и не знала, что он делал долгих восемь лет, знала только, что юмор его вызрел в страданиях, что за Швейка своего заплатил восемью годами жизни и что жизни этой оставалось ему немного.

Глава следовала за главой, и я училась восхищаться искусством человека, которого я когда-то любила за его изумительную жизнерадостность.

Он жил в Праге со своей подружкой из России и был мне только другом. Но как друг дал мне то, чего не мог дать как муж: прочную основу литературного творчества.

Я начала писать в том же году, когда он писал «Швейка». Во время длительных прогулок по набережным мы читали друг другу, и я стремилась к тому, чтобы написанное мной тоже чего-то стоило, чтобы мне не было стыдно…

Первый том «Швейка» вышел. Мы были с сыном в Фалькнове у Бора. Однажды вечером Гашек приехал к нам. Нашему сыну было девять лет. Он верил тому, что отец его погиб на фронте в России, и Гашек обещал мне, что эту веру ему оставит, раз уж не может и не умеет быть ему отцом. Но когда вышел первый том «Швейка», Гашек приехал не ко мне, а к Рише, сказал ему, что он его отец, что написал ему «Швейка» и привез с собой… Потом три дня бегал с Ришей по горам и лесам, счастливый оттого, что у него есть сын.

После того мы виделись только раз, он уехал в Липнице, чтобы там продолжать «Швейка» и умереть раньше, чем его

закончит.

Я не видела его мертвого. Он живет в моих воспоминаниях красивый, молодой, такой, каким был в тот день, когда летел снег, и ветер трепал его прекрасные волосы: весь воплощение бесстрашной юности, которая не боится спорить с жизнью.

12.9.1930

Перевод автора этой книги

Источники

Co daly naše země Evropě a lidstvu. Evropský literární klub. Praha, I.část, 1998, II. část, 1999, III.část, 2000.

Petr Hora Horejší. Toulky českou minulostí. Baronet, I–VIII. dMly, 1995–2000.

Dějiny zemí koruny české. Paseka. Praha, Litomyšl I–II. díly, 1995.

Josef Pekař. Dějiny československé. Akropolis. Praha, 1991.

T.G.Masaryk. Rusko a Evropa. Spisy T.G.Masaryka, sv. 11, 12. Praha, 1996.

T.G.Masaryk. Světová revoluce. 1925.

T.G.Masaryk. Česká otázka. Snahy a tužby národního obrození. Melantrich, Praha, 1969.

Masarykova abeceda. Melantrich, Praha, 1990.

Václav Černý. Vývoj a zločin panslavismu. ISE, Praha, 1994.

Marx contra Russland. Der russische Expansionsdrang und die Politik der Westmachte. Berichte von Karl Marx als europeischer Korrespondent der New York.

Daily Tribune 1853–1856. Seewald Verlag, 1960.

Jaroslav Opat. Filozof a politik T.G. Masaryk. 1882–1893. Melantrich, Praha, 1990.

Jan Patočka. Co jsou češi? Panorama, Praha, 1992.

Miroslav Ivanov. Justiční vražda aneb Smrt Milady Horakové. Betty, Praha, 1991.

Vilem Hejl. Rozvrat. Mnichov a náš osud. Sixty-eight publishers corp. Toronto, Ontario, Canada, 1989.

Karel Čapek. Hovory s TGM. Spisy XX. Československý spisovatel. Praha, 1990.

Karel Čapek. Čtení o TGM. Melantrich, Praha, 1969.

Stanislav Polák. T.G. Masaryk. Středočeské nakladatelství a knihkupectví v Praze, 1990.

Jaroslav Krejčí. O češstvi a evropanství. O českem národnim characteru. Amosium servis, Ostrava, dil 1., 1993, dil. 2., 1995.

Hospody a pivo v české společnosti. Ustav pro českou literaturu AV ČR. Academia, Praha, 1997.

Josef Staněk. Blahoslavený sladek. Kapitoly z dějin piva. Paseka, Praha / Litomyšl, 1998.

Jiří Andreska. Šumavské solné stesky. Kentaur, Praha, 1994.

Jiří Andreska. Rybářství a jeho tradice. Praha, 1987.

Vladimír Vaculík. České Betlémy. Integra, Praha, 1994.

Václav Holzknecht, Bohumil Trita. Ema Destinnová. Panteon, Praha, 1981.

J. Hanzelka, M. Zikmund. Zvláštní zpráva, č.4.Lid. Nakladatelství, Praha, 1990.

J. Hanzelka, M. Zikmund. Život snu a skutečnosti. 50 otázek po 50 letech. Jaromír Slonek. Primus, Praha, 1997.

Radko Pytlík. Jaroslav Hašek a Dobrý voják Švejk. Panorama, Praha, 1983.

Radko Pytlík. Lidský profil Jaroslava Haška. Korespondence a dokumenty. Čs. spisovatel, Praha, 1979.

Ladislav Soltan. Jaroslav Hašek. Horizont, Praha, 1982.

Kliment Štěpánek. Vzpomínky na poslední léta J. Haška. Havl. Brod, 1960.

Karel Kaplan. Pravda o Československu 1945–1948. Panorama, Praha, 1990.

Karel Kaplan. Nekrvavá revoluce. Mladá fronta, Praha, 1993.

Karel Kaplan. Největší politický proces «M. Horáková a spol.» Ustav pro soudobé dějiny AV ČR. Brno, 1995.

Ladislav Smoljak, Zdeněk Svěrák. Divadlo Járy Cimrmana. Texty přednášek a her. Melantrich, Praha, 1988.

To nejlepší ze Smoljaka, Svěráka a Járy Cimrmana. Knihcentrum, 1998.

Robert Sak. Anabáze. Drama československých legionářu v Rusku (1914–1920). H&H, Jinočany, 1996.

Karel Pichlík, Bohumír Klípa, Jitka Zabloudilova. Československí legionáři (1914–1920). Mlada Fronta, Praha, 1996.

Karel Pichlík. Bez legend. Panorama, Praha, 1991.

Martin Putna. Rusko mimo Rusko: dějiny a kultura ruské emigrace 1917–1991. Brno, 1994.

Václav Veber a kol. Ruská a ukrajinská emigrace v ČSR v letech 1918–1945. Praha, 1993.

Ivan Savický. Osudová setkaní: Češi v Rusku a Rusové v Čechách. 1914–1938. Academia, Praha, 1999.

Vladimír Bystrov. Z Prahy do Gulágu aneb Překáželi. Edice žaluji, sv.1. Nakladatelství Bystrov a synoví s.r.o., Praha, 1999.

Z. Sládek, L. Běloševská a kolektiv. Dokumenty k dějinám ruské a ukrajinské emigrace v Československé republice (1918–1939). Slovanský ustav AV ČR Euroslavica, Praha, 1998.

Ferdinand Seibl. Německo a Češi. Academia, Praha, 1996.

Česko-německá vztahy 1945–2000. Praha, 1999.

Kauza tzv. Benešovy dekrety. AV ČR. Praha, 1999.

Komu slouží omluva: Češi a sudetští Němci. Dokumenty, fakta a svědectví. Erika, Praha, 1992.

Pavel Tigrid. Kapesní provodce inteligentní ženy po vlastním osudu. Academia, Praha, 2000.

notes

Примечания

1

Написано в соавторстве с Людмилой Васильевой-Гангнус.

2

Написано в соавторстве с Людмилой Васильевой-Гангнус.

3

Написано в соавторстве с Людмилой Васильевой-Гангнус.